

63.3(6)

Г 24

А. ГАУДИО

ЦИВИЛИЗАЦИИ САХАРЫ

ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ

КУЛЬТУР ВОСТОКА

Attilio Gaudio
Les civilisations du Sahara
Dix millénaires d'histoire,
de culture et de grand commerce
«Marabout Université», 1967

Редакционная коллегия
К. З. Ашрафян, Г. М. Бауэр,
Г. М. Бонгард-Левин (председатель), *Р. В. Вяткин,*
Э. А. Грантовский, И. М. Дьяконов, С. С. Цельникер,
И. С. Клочков (ответственный секретарь)

Перевод с французского
Г. А. Матвеевой

Ответственный редактор и автор предисловия
Д. А. Ольдерогге

Гаудио А.

Г 24 Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. 2-е изд. Пер. с франц. Г. А. Матвеевой. Предисл. Д. А. Ольдерогге, примеч. Л. Е. Куббеля. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

208 с. с ил. («По следам исчезнувших культур Востока»).

Автор книги, известный итальянский африканист, рассказывает о культуре народов одного из крупнейших районов мира — Сахары. Научные факты, изложенные в живой и увлекательной форме, дают представление о сложной истории стран Северной Африки, судьбы которых с поразительной быстротой меняются на наших глазах.

Г 0508000000-200
013(02)-85 199-85

ББК 63.5

- © Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.
- © Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985, с изменениями.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для того чтобы оценить значение этой книги, лучше всего сразу же сказать, что автор ее, Аттилио Гаудио, прежде всего журналист, общественный деятель, человек, прошедший серьезную жизненную школу. Он родился в Вероне в 1930 г. и успел принять участие в движении Сопротивления в отрядах, действовавших в Ломбардии. А. Гаудио участвовал в боях и с немецкими нацистами, и с итальянскими фашистами. Боевая деятельность отрядов маки прославилась множеством удачных акций против оккупантов. Первого мая 1945 г. после капитуляции немецкого коменданта Милана четырнадцатилетний подросток был удостоен чести представлять на трибуне Национального Освобождения на площади в Милане движение Сопротивления и выступить с речью перед сотысячной толпой. Речь Гаудио была встречена с восторгом, и юного оратора подхватили на руки. К этому времени он уже трижды как антифашист побывал в заключении, был награжден боевыми орденами и принял участие в организации молодежи Италии и в различных общественных комиссиях и конференциях. Все это не помешало ему продолжать свое образование. В Париже он учился в Школе живых восточных языков у известного берберолога — знатока языков народов Северной Африки — Рене Бассе и получил хорошие знания по истории и культуре арабских стран. А. Гаудио проявил большой интерес к изучению культуры и быта населения стран Магриба. Ему довелось неоднократно бывать на Арабском Востоке и даже принимать участие в политических событиях в Египте, Йемене, Алжире, Марокко, Ливии и Эритрее. В 1962 г. А. Гаудио становится жертвой нападения оасовцев в Париже.

Активное участие в национально-освободительных движениях стран арабского мира дало ему возможность познакомиться лично со многими политическими деятелями, в том числе с Джавахарлалом Неру, Гамаль Абдель Насером, Патрисом Лумумбой, Амилькаром Кабралом, Эдуардом Мондлане и др.

Аттилио Гаудио был знаком также с Че Геварой, переводил речи Фиделя Кастро на французский язык и организовал итальянский комитет поддержки народного движения Освобождения Анголы. Политическая деятельность Гаудио настолько разносторонняя, что обрисовать ее полностью не представляется возможным.

Все это, однако, не мешало ему почти ежегодно публиковать солидные труды по самым разнообразным вопросам. Так, в 1955 г.

он издает работу «По следам Марко Поло», написанную им под впечатлением поездки делегации общественных организаций Флоренции в честь 700-летия знаменитого путешествия Марко Поло.

В 1956 г. он издает книгу «В поисках забытых островов», в которой описывает борьбу обитателей Канарских островов против испанцев в XVI в.

В 1957 г. появляется его новая работа «Революция женщины в исламе». В 1960 г. он издает книгу «Сахара африканцев», в 1967 г.—«Цивилизации Сахары», в 1968 г.—«Жизнь народов Сахары», в 1970 г.—«Этруски», в 1971 г.—«Берберы», в 1975 г.—«Испанская Сахара — конец одного из колониальных мифов?»

Таков, далеко не полный, перечень публикаций Аттилио Гаудио¹.

Живой и наблюдательный ум и интерес к событиям, происходящим в мире в наши дни, позволили А. Гаудио взглянуть на историю Северной Африки, о которой он пишет в этой книге, иначе, чем это сделал бы профессионал историк-арабист или знаток классической арабской литературы.

Практическое знание современного национально-освободительного движения в арабских странах, участие в общественной жизни, личный контакт с политическими деятелями наших дней — все это повлияло на взгляды автора на историю Сахары и ее народов.

Рассказ о палеолитических орудиях, наскальных рисунках эпохи неолита, о патриархальном быте современных кочевников Сахары перемежается с показом тех изменений, которые происходят в Африке в наши дни. Описывая быт туарегов, их древние обычаи, одеяние, темные покрывала — *лисам*, которыми мужчины закрывают лица, вооружение, а туареги никогда не расстаются ни со своими мечами *такоба*, ни со своими копьями, ни с наручными кинжалами, носимыми на левой руке, автор тут же пишет о нефтяных промыслах на землях туарегов и об изменении их образа жизни.

Характерное для Африки наших дней столкновение древних обычаев и новой техники поражает всякого внимательного наблюдателя.

Мне вспоминается случай, когда при посадке на маленький самолет в Буреме, в котором с трудом умещалась почта и несколько пассажиров, летевший вместе с нами туарег требовал, чтобы летчик взял в самолет его копьё. «Салон» для пассажиров и багажа был настолько мал, что длинное копьё не помещалось. Летчику пришлось открыть дверь в свою кабину, так как туарег наотрез отказался оставить свое оружие.

На улицах Томбукту я видел длинную очередь туарегов, опиравшихся на копьё, закутанных в свои широкие одежды, с покрывалами на лицах, стоящих у аптеки за «русспирином», т. е. «рус-

¹ Сведения о жизни и деятельности Аттилио Гаудио основываются на предисловии С. Моравиа к книге: *Гаудио А.* Испанская Сахара. Рабат, 1975 (на франц. яз.).

ским аспирином», который они считали лучшим средством против самых разнообразных болезней.

Сочетание мечей, копий, самолетов и автомобилей — обычная картина для современной Африки. Так, даже на улицах Каира до сих пор среди машин самых разнообразных марок не спеша шествуют верблюды, а ослики трусцой везут свои тележки.

Туареги — прежние грабители караванов, гроза земледельцев долины Нигера — теперь служат охранниками на нефтебазах и становятся подсобными рабочими в конторах и на складах.

Итак, в предлагаемой читателю книге «Цивилизации Сахары» мы не найдем систематического изложения истории Сахары и населяющих ее народов. Но зато читатель узнает о некоторых находках в Сахаре, о том, что Сахара некогда была покрыта растительностью и в ней сначала обитали племена охотников, а затем появились скотоводы. Начиная со II тысячелетия до н. э. климат Сахары меняется: становится жарким. Известно, что к середине I в. до н. э. Сахара приобретает черты современного облика. Автор рассказывает о загадочном народе — гарамантах, он отождествляет их с нынешними туарегами и считает последних их потомками. Все это написано очень живо, со множеством бытовых подробностей. Автор многократно бывал на раскопках, сам руководил одной из экспедиций в Сахару, отправившейся на поиски наскальных рисунков. Знакомство с археологами Италии и Франции позволило ему изучить их последние работы.

Однако в книге имеется немало спорных утверждений, которые были бы недопустимы в строго научном труде. Так, например, слишком смелое отождествление гарамантов с туарегами остается недоказанным. Автор не упоминает о том, что другие исследователи связывали гарамантов с народами южной части современной Ливии — тиббу или теда, что, впрочем, также сомнительно.

Некоторая поспешность выводов автора сказывается также и в описании роли иудейских групп населения Южного Марокко. Он доверяет традиции, которая возводит эти иудейские общины ко времени разрушения Иерусалима Титом в 70 г. н. э. Однако не следует отождествлять историю расселения иудейских племен, вышедших из Палестины в I в. н. э., с историей расселения иудейских общин, изгнанных из Испании в эпоху реконкисты. Кроме того, приходится считаться и с такой возможностью, что исповедующие иудейскую религию этнические группы могут вообще не иметь ничего общего по своему происхождению с иудеями Палестины. Так, например, обитающая в горах Эфиопии народность фалаша, которую долгое время считали одним из колен еврейского народа, в действительности оказалась одной из групп местного населения, принявшей иудейскую религию. Вообще, роль и значение иудейских общин в Западной Африке часто преувеличивались. Можно указать, например, на

работы французского историка Западного Судана М. Делафосса, который придавал исключительное значение роли сирийско-палестинских выходцев в истории Западной Африки, что вызвало в свое время серьезную критику. Вообще же этот вопрос чрезвычайно интересен и требует серьезных дальнейших исследований.

В книге Атилио Гаудио журналист преобладает над ученым. Нередко легкость изложения приводит к поверхностным заключениям. Так, например, отношения между берберами и арабами представляются автору как столкновение утонченных и образованных пришельцев, т. е. арабов, с неразвитыми скотоводами-берберами. Положение это в высшей степени спорно. Нельзя сказать, что арабские племена бени-сулайм и хилали были утонченными и образованными. Они вихрем пронесли по высококультурным областям Египта и на своем пути произвели немалые опустошения. Утонченность мусульманской культуры — результат творческой деятельности не только арабов, но и населения покоренных ими стран высокой культуры — Египта, Ирана, Месопотамии и Сирии.

Неверна, по существу, и данная автором оценка значения хариджизма. А. Гаудио пишет: «Арабо-берберские жители Сахары часто втягивались в серьезные религиозные распри, нередко раздиравшие мусульманский мир и положившие начало еретическим и раскольническим сектам, основным выражением которых стал хариджизм» [с. 151].

Во времена крестьянских войн в Германии, а также восстаний альбигойцев и многих других социальных движений религиозная оболочка прикрывала сущность борьбы угнетенного населения против церкви и феодалов. Так и в Северной Африке хариджизм и другие подобные ему секты представляли собой борьбу берберов с завоевателями. Социальная сущность религиозных движений ускользнула от автора, увидевшего здесь всего лишь религиозные распри.

Эта поверхностность сказывается и в трактовке структуры племен, которые, по мнению А. Гаудио, имеют тот же характер, что и патриархальные семьи, что, конечно, неправильно.

Нет необходимости отмечать здесь другие небольшие погрешности, допущенные автором этой интересно и живо написанной книги. Можно лишь приветствовать ее издание на русском языке, делающее книгу доступной широким массам советских читателей. Главная цель труда А. Гаудио — показать многовековую историю народов Сахары в аспекте тех изменений, которые происходят в Африке в наши дни, — им достигнута².

Д. А. Ольдерогге

² При втором издании книги был расширен справочный аппарат с учетом тех изменений — политических, социально-экономических и культурных, которые произошли в Сахаре с момента выхода первого издания.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие экономических и торговых отношений между странами, лежащими к северу и югу от Сахары, одна из главных целей независимых государств. Великая пустыня, которая так долго их разделяла, теперь связывает их друг с другом.

Сегодняшняя Сахара — не только нефть или железная руда, это прежде всего люди, которые работают и живут в изнуряющем климате, в очень тяжелых условиях. Среди них и благородные туареги, и гордые мавры, и мужественные регейбат, и гостеприимные шаамба, и труженики Суфа. Все они свободные люди, признающие лишь одну границу — небо. Значение таких слов, как «независимость» и «нация», им еще не совсем понятно. Их не коснулось неожиданное открытие нефтяных богатств, но и они стремятся к лучшей жизни. Перед правительствами молодых государств стоит задача — покончить с экономической изоляцией, голодом и нехваткой воды.

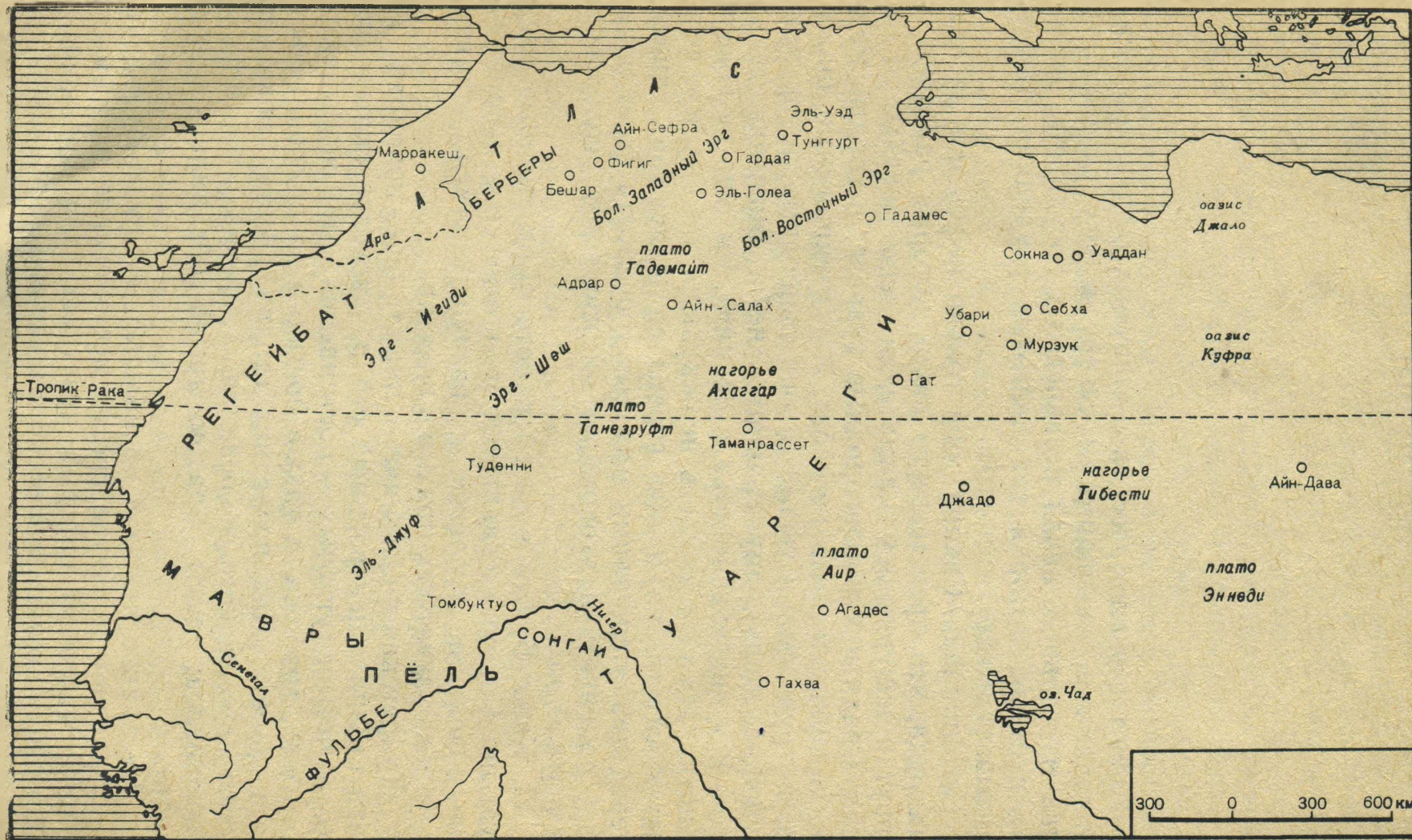
Л. Кэбот-Бриггз в своей работе «Современные расы пустыни Сахары» сравнивает экономическое и социальное положение туарегов с разрушающимся зданием, его слова звучат как призыв о помощи.

«Туарегская экономика, — пишет он, — покоилась на пяти столпах: центральный столп — кочевое скотоводство, а четыре угловых — поступления от земледелия, торговли, грабежа, а также пошлины за покровительство и проезд. Два последних столпа были повалены после европейского завоевания, а третий — торговля — пошатнулся; таким образом, крыша обвалилась в трех местах.

Все здание лежит в развалинах, а это означает, что тысячелетней культуре грозит исчезновение, что вместе с этим народом, который чувствует себя обреченным, уйдет и традиционный образ их жизни».

Вот этой-то потери общечеловеческого достоинства и необходимо избежать.

Весной 1964 г. в Алжире Экономической комиссией

по Африке при Организации Объединенных Наций была проведена сессия в присутствии представителей одиннадцати сахарских государств (Алжир, Арабская Республика Египет, Буркина Фасо, Камерун, Мавритания, Мали, Марокко, Нигер, Нигерия, Тунис, Чад). Впервые обсуждался вопрос о всестороннем развитии экономики Сахары.

Спустя шесть месяцев был создан Координационный комитет по развитию транссахарских связей, в который вошли представители Алжира, Мали, Нигера и Туниса.

15 декабря 1965 г. Комитет сделал официальное заявление о том, что в результате его деятельности уже выработан проект, предусматривающий прокладку дороги, соединяющей Северную Африку с Нигером. Она пройдет через пустыню и будет иметь несколько ответвлений в сторону периферийных зон Северо-Западной Африки.

Это сообщение вызвало общее одобрение как правительственных кругов, так и экспертов тех стран, для которых строительство сахарской дорожной сети от берегов Средиземного моря до Центральной Африки открывает весьма заманчивые политические и экономические перспективы.

Следует заметить, что в прошлом эти области были процветающими исключительно благодаря перевозкам и торговле, которые осуществлялись по караванным путям, связывающим противоположные границы Сахары. Таким образом, проект отвечает национальному престижу стран, занимающих территорию Сахары, и дает надежду на возврат былого величия. Для них он означает возрождение выгодных торговых связей в интересах новой Африки.

Проект, долгое время представляющий собой только многоотомное досье под названием «Средиземное море — Нигер», должен был наконец начать осуществляться после завершения работ Экономической комиссии ООН и ее Координационного комитета.

Собравшиеся в Алжире представители африканских государств изучали возможности постройки дороги, которая свяжет Северную Африку с Западной и Центральной. Кроме того, были достигнуты положительные результаты на переговорах между Ливией и Чадом о завершении транссахарской линии Триполи — Нджамена.

После урегулирования в Западной Сахаре отношений между Алжиром, Марокко, Мавританией и Испанией намечалось провести работы по восстановлению главной дороги Сен-Луи — Агадир, по строительству линии Тиндуф — Бешар, соединяющей железную дорогу Нуадибу — Иджиль с линией Кенадза — Оран, по созданию дороги для подвоза железной руды от Гарибилья до побережья Атлантического океана.

Все эти мероприятия фактически перевернут ситуацию и социальную структуру целых народов.

Удивительная история транссахарских отношений так же как и полная приключений жизнь караванного троп, пересекающего океан песков и соединяющего Северную Африку с Черной, по-настоящему началась с появлением колесниц гарамантов, более трех тысяч лет назад.

Эти двух- или четырехколесные колесницы спряженные в них великолепными лошадьми, пущенные «летающий галоп», по сути дела, первый транспортный путь, изобретенный жителем Сахары для преодоления пустыни. Этот путь — Гоа в Триполи — через Тассили, Ахаггар, Адрар и Тимбукту, который может быть использован и в настоящее время. Однако не стоит слишком бегло перелистывать страницы прошлого Сахары, свидетеля жизни прошлого и настоящего ее населения. Оно проливает свет и на развитие торговых связей между Магрибом и Африкой к югу от Сахары, что представляет немалый интерес для новых, независимых государств Африки.

<http://www.geografia.ru/attilio-1.html>

Часть первая

ПО СЛЕДАМ КОЛЕСНИЦ ГАРАМАНТОВ

(ТРИПОЛИ — НИГЕР)

Глава 1.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ БОГАТСТВА

ЗАПАДНОЙ САХАРЫ

Слово Сахара вызывает в нашем воображении образ знойной пустыни, огромного песчаного океана, и чувство неутолимой жажды. А между тем из кабины самолета взору открываются высохшие долины, глубокими ущельями прорезавшие высокогорные плато и избороздившие равнины причудливым переплетением извилин, — одним словом, настоящая гидрографическая сеть, которой не хватает только воды.

Теперь все это хорошо изучено. По оставшимся следам можно определить климат, который существовал здесь много веков назад. В небольших озерах массивов Тассили, Ахаггара и Мавританского Адрара обнаружены рыбы и амфибии, на вершинах Тассили и Ахаггара встречается средиземноморская растительность:

кипарисы, оливковые и фисташковые деревья. Все эти свидетельства существования такой Сахары, которая "некогда зеленела подобно Нормандии», естественно, должны были побудить ученых искать следы жизни человека в пустыне.

И действительно, внимание ученых и исследователей уже давно привлекали кремневые наконечники стрел, полированные каменные топоры, осколки древней керамики, которые чаще всего находили в долинах высохших рек. Более полувека назад, в 1909 г., появилось сообщение о том, что в Тассили обнаружены пещеры, расписанные полихромными фресками. В 1933 г. лейтенант Бренан открыл там десятки первобытных стоянок.

Наконец, в 1956 г. в трудных условиях чрезвычайно суровой природы сказочного Тассили Анри Лот занялся подробным изучением этих стоянок и описанием обнаруженных там предметов. Со стороны Джанета горный барьер Тассили могут преодолеть лишь небольшие караваны ослов или мулов. Только эти вьючные животные способны одолеть тяжелые подъемы и нескончаемые переходы по базальтовым осыпям, крутым спускам, скоплениям острых и мелких камней, преграждающим дорогу к гигантским скалам внутри массива.

Путешественник должен тщательно подготовить груз для каравана, ведь в Тассили приходится везти с собой все необходимое: продукты, лагерное оборудование, топливо. Но всё это окупается тем чувством, которое испытывают мужественные путешественники после затраченных усилий, внезапно оказавшись перед величественной

красотой наскальных росписей, этих людских посланий, выступающих из тьмы веков.

Настоящий исследователь не может ограничиться только эстетическим наслаждением, каким бы захватывающим оно ни было; это наслаждение обретает для него свой смысл лишь в строгих рамках научного изыскания. Изучение росписей Тассили относится к областям знаний, связанных с развитием человеческой истории и самого человека. Они, например, в значительной степени проясняют вопрос об общем культурном наследии бассейна Средиземноморья, о египетской цивилизации и о загадочной цивилизации гарамантов.

Росписи также проливают свет на историю народов, заселявших Северную Африку, и на все еще таинственное этническое происхождение таких групп, как беджа в Республике Судан, туареги и фульбе.

Пойдем же и мы в этот громадный «музей» в скалах. Его галереи, которые в течение тысячелетий не открывали взору человека творений его предков, представляют собой не что иное, как углубления в древнем песчанике. Под его неровной поверхностью, под скалами, находятся скрытые пещеры, и большинство росписей обнаружено именно там, так как пещеры защищали их от солнца и песчаных бурь.

Первобытные стоянки и их значение.

О чем прежде всего говорят наскальные росписи? Они показывают всю очевидность того факта, который кажется немислимым путешественнику, только что пересекшему выжженную солнцем пустыню: Сахара была некогда саванной, заселенной животными, принадлежавшим к богатой тропической фауне. Фрески передают всю историю Сахары начиная с периода, предшествующего неолиту. На основе двух тысяч росписей и рисунков одного лишь массива Тассили А. Лот выделил различные этапы в развитии этой цивилизации. Первый начинается с конца палеолита, за шесть или семь тысяч лет до нашей эры. Это "период охотников», или «буйвола». Вероятно, в те времена климат Сахары был влажным. Раньше других на камне появились небольшие схематические фигурки, отличительная особенность которых — круглая голова (эти изображения получили дальнейшее развитие, так что мы встречаем их позднее в пяти различных слоях). Затем появляются многоцветные росписи, изображающие животных. В течение первого периода, как показывает тщательное исследование деталей и особенно орнаментации на фигурах, население Сахары — и в этом состоит главный вывод — было бесспорно негроидным.

За этими фигурками последовали громоздкие изображения переходного периода, завершающие собой стадию круглоголовых людей. Самая большая фигура, так называемый «марсианский бог из Джаббарена», достигает примерно шести метров. Рисунок этих изображений стилизован. В конце переходного периода становится заметным египетское влияние, давшее впоследствии жизнь многим великолепным произведениям, таким, как

удивительная танцовщица из Ауанрхета, «Белая дама Сахары», и целой серии изображений, найденных в Джаббарене и Сефаре, отличающихся типичными прическами и особой цветовой гаммой; сочетание голубовато-серого и белого цвета с ярко-красной охрой. Такое разнообразие красок у первобытных художников вызывает удивление, ибо обычно в их палитре присутствовала лишь красная охра и белая краска.

Но, оказывается, в Тассили на поверхность выходят сланцы, и художники, вероятно, растирали их в порошок, а также пользовались каолином. Затем краски смешивали с вяжущими веществами, куда входили, как показал анализ, козеин и, разумеется, камедь акации, которая была широко распространена в этом районе.

К эпохе неолита, начиная примерно с IV тысячелетия до н.э., относится второй период. В долинах появляются новые поселенцы, сильно отличающиеся от коренных жителей Сахары. Эти пришельцы — пастухи; они гнали перед собой огромные стада рогатого скота.

И теперь пещеры Тассили разрисованы уже фигурами людей и животных, рожденных совершенно иным вдохновением. Начинается "период скотоводов». По-видимому, о происхождении скотоводов можно говорить довольно уверенно. А. Лот отметил среди наскальных изображений весьма характерные египетские лодки. Очевидно, эти люди вступали прежде во взаимоотношения с египетской цивилизацией и, следовательно, пришли с Востока. Их живопись характеризуется абсолютно новым стилем: исчезли схематизм и символизм, люди и животные

теперь как бы взяты прямо из жизни; их движения и формы свидетельствуют о бесспорной наблюдательности художников. Поражает гармоничное сочетание цветов; удается обнаружить даже зеленые, фиолетовые и синие тона. Должно быть, в то время стада быков находили здесь и сочную траву, и наполненные водой реки, и влажный климат. Действительно, на одной из фресок из Ауанрхета мы видим трех бегемотов, на которых охотятся люди, сидящие в пироге. Охотничьи, боевые и танцевальные сцены сменяют друг друга, их реалистическое исполнение лишено какого-либо религиозного или магического характера, вызваны они к жизни склонностью авторов к изображению повседневной жизни, любовью к искусству.

Около 1200 г. до н. э. наступает новый период, который, впрочем, скорее относится к истории, чем к доисторической эпохе, — «период лошади». На скальных поверхностях появляются изображения воинов на колесницах и всадников-гарамантов. Предполагается, что именно в эту эпоху ливийцы, ранее жившие лишь на севере Сахары, распространились на всю ее территорию. Только этот народ-завоеватель имел в своем распоряжении военные колесницы и, получив такое огромное военное преимущество, очень быстро распространил свое могущество почти до берегов Нигера. Очевидно, нет сомнения в том, что современные туареги очень отдаленные потомки гарамантов, чьи обычаи описал Геродот.

Всего за несколько десятилетий до нашей эры начинается «период верблюда». Условия существования в Сахаре к тому времени, должно быть, уже изменились: она, вероятно, находилась на пути превращения в пустыню, известную нам сегодня.

В районе Тассили обнаружено мало изображений двух последних периодов («лошади» и «верблюда»).

К третьему, периоду можно, пожалуй, отнести всего несколько военных колесниц. Возникает мысль, что удивительная история транссахарских связей и полная опасных приключений жизнь караванных троп, пересекающих пустыню и соединяющих две ее окраины— Северную и Черную Африку, по-настоящему начинается лишь с появлением колесниц гарамантов.

На юге Триполитании — в горах Бен-Гунеймах, в уэде Эль-Аджаль, в уэдах Бен-Хирам, Марсит и Эль Гериа, близ Убари, в уэде Танезруфт — вся фауна Сахары, населявшая ее до превращения в пустыню, была запечатлена в камне.

Некоторые животные, например слоны, жирафы, страусы, изображены в натуральную величину. В других группах наблюдается почти гармоничное, можно сказать, умышленное чередование быков или миролюбивых баранов с ужасными крокодилами, газелей и антилоп— рычащими львами, буйволов (*Vubalus antiquus*) с длинными загнутыми рогами и опущенной вниз головой, как бы готовящихся к нападению,— с бегемотами, выходящими из воды.

Опираясь на эти живые, натуралистические изображения,

которые, как это ни парадоксально, очень близки нам и нашему восприятию, и основываясь на обнаруженных костных останках, мы легко можем представить себе людей, животных и даже растительность той эпохи.

Как мы видели, датировка двух первых слоев наскального искусства Сахары не вызывает сомнений. Самый древний содержит изображения окружавших человека травоядных и плотоядных животных; водятся они только там, где выпадают обильные дожди, а земля покрыта густой растительностью. Сахара могла напоминать нынешнюю Суданскую саванну только в последнем, дождливом периоде неолита. В Центральной Сахаре встречались обширные зеленеющие равнины, лесистые долины, кормившие стада жирафов, буйволов (которые сохранились в Египте), слонов, страусов, антилоп, а также множество пастухов и охотников. Верблюды еще не появились. Зато в уездах, тогда наполненных круглый год водой, как в настоящих реках, жили бегемоты и крокодилы (последний уцелевший представитель этих земноводных не так давно обнаружен в Ахаггаре в луже воды). Носороги населяли густые пальмовые рощи, которые омывались водами уэдов, там же бродили львы.

Засуха, поглощение влаги почвой высыхающей Сахары и усиление жары, должно быть, вынудили этих представителей четвертичной фауны покинуть Северную Африку и Сахару — подобно тому как они еще раньше оставили пределы Европы — и искать убежище в лесах и

саваннах Центральной Африки, где почти все они обитают и по сей день. Условия их существования ухудшились лишь в период неолита: крупные травоядные исчезли одновременно с оскудением растительности и только людям удавалось еще поддерживать жизнь на немногочисленных стоянках, разбитых там, где оставалось немного воды. Именно этим последним неолитическим жителям-кочевникам мы и обязаны наскальными рисунками второго периода, который продолжался вплоть до «периода верблюда». На смену охотникам на хищных зверей пришли пастухи-кочевники и воины, а каменные орудия были заменены луками и стрелами.

Примерно в тысяче километрах к востоку от Феззана (Феццана), в массиве Уэйнат, где сходятся границы трех государств — Ливии, Египта и Судана, — также обнаружено множество наскальных шедевров, сохранившихся вопреки тысячелетиям.

Итальянский натуралист граф Лудовико ди Капориакко, выполнявший в этом районе задание итальянского военного Географического института, сумел очень точно перенести на кальку сотни наскальных росписей, которые позднее исследовал и опубликовал специалист по первообытной истории Паоло Грациози.

Произведения наскального искусства имеются в Каркус ат-Талах и в Айн-Дава, в восточном и юго-западном районах Уэйната.

Близ колодца Айн-Дава нагромождения округленных и отполированных обломков скальной гранитной породы образовали углубления и расщелины, на стенках которых первобытные художники изобразили свою повседневную жизнь: оружие, одежду, всевозможные предметы и животных. Эти художники оставили нам болгг 40 плит с рисунками и около 30 сводов в скальных укрытиях, покрытых росписями.

В Джебель-Уэйнат также можно выделить два периода: один, преимущественно с зооморфными сюжетами четвертичной фауны, для которого характерен натуралистический стиль, напоминающий стиль Феззана; и второй, более поздний и более разнообразный, отличающийся схематизмом. Работая над фресками, художники использовали фиолетовую, розовую, светло-желтую и белую краски, красно-коричневую глину, кирпично-красную охру, а также красный пурпур и охру. Речь идет о плоскостной окраске одноцветными пятнами, без чередования теней белого и черного цвета.

Здесь представлены исключительно домашние животные: быки и коровы, козы и антилопы. Люди почти всегда изображены в своих хижинах. По этим росписям довольно отчетливо прослеживается повседневная жизнь, племен протоберберских скотоводов. В шалашах видны предметы домашнего обихода, корзины и сосуды из обожженной глины. Намечены женские фигуры; одна из женщин держит за руку ребенка. Можно различить какие-то предметы, свешивающиеся с потолка хижины. Женщины, очевидно, носили только белую набедренную повязку или юбочку, но

на их обнаженном теле имелось множество украшений: бусы и подвески на груди, вышитые пояса, браслеты на руках, коленях и щиколотках.

Мужчины, высокие, широкоплечие, мускулистые, неизменно вооруженные луком, бесспорно, обходились без одежды. У некоторых в густые волосы вставлено одно или несколько белых (страусовых) перьев.

Общие черты с египетской культурой.

Египетский принц Кемаль ад-Дин обнаружил среди росписей в Каркус ат-Талах боевые сцены. Видны два ряда сражающихся бойцов. Один образуют пастухи--аборигены, защищающие свои стада от грабителей, пришедших из пустыни. Значит, эти люди не были кочевниками в полном смысле этого слова и Джебель-Уэйнат стал их центром полуоседлой жизни, достаточно процветающим, чтобы привлекать грабителей. Вероятно, пастухи были нубийцами, стоявшими на неолитической ступени развития, Если судить по их внешнему виду, по искусству, а также по принадлежавшим им предметам, они находились на более примитивном уровне, чем жители Феззана (Феццана), и, следовательно, жили либо раньше их, либо в то же время.

А. Брейль, занимавшийся истолкованием наскальных рисунков с изображением рогатого скота и быков в горах Уэйната, высказал мнение о том, что авторы значительной части этих рисунков переносят нас в энеолитическую эпоху Негада (7500 — 5000 гг. до н. э.). Действительно, чисто

этнографические наблюдения над этнической группой, которой принадлежит авторство произведений наскального искусства Восточной Сахары, свидетельствуют о присутствии здесь элементов культурной фазы, схожей с культурой Феззана до прихода гарамантов и додинастического Египта, а именно фазы раннего энеолита, согласно хронологической классификации А. Море.

У нубийцев она продолжалась до «периода верблюда» и даже позже. Безусловно, нубийцы были людьми с темной кожей, почти пегроидами. Трудно было бы воссоздать древнее население Нубии без помощи других археологических открытий в этой крайней восточной части Сахары, мало изученной даже в наши дни.

Еще в 1933 и 1935 гг. Лео Фробениус в составе экспедиции, которая сама по себе уже была большим подвигом, пересек всю Восточную, Египетскую и Суданскую Сахару между Джебель-Уэйнат и Красным морем. Он побывал в массиве Йерханд, в Гильф-эль-Кебире с уздами Хамра и Сора, в уэдах Анаг и Хусейн, в Золат-эль-Хамаде, а также в узде Хуар на крайнем юге Нубийской пустыни (на широте Эннеди). Он повсюду находил наскальную живопись и остатки древних неолитических жилищ, явно принадлежавших охотникам—авторам наскальных рисунков в Сахаре, а также протоберберским скотоводам, появившимся там позднее.

К несчастью, собрангные экспедицией Л. Фробениуса материалы затерялись во время войны, и лишь в 1952 г. Университет во Франкфурте-на-Майне опубликовал кальки, снятые с наскальных рисунков и росписей.

Росписи размещаются в Йерханде (в 100 км к югу от Джебель-Уэйнат) и в уэде Сора, рисунки — в уэде Сора, уэде Хамра, в Абу-Балласе, Селиме, Бурге и Тьююре, в уэде Анаг, уэде Хусейн и в Золат-эль-Хамаде. Открытие скоплений этих палеографических документов не только позволяет предположить, что подобные доисторические свидетельства рассеяны по всей Сахаре, но и дает возможность изучить отдельно обе фазы нубийского наскального искусства, которые в других местах смешаны.

Первые рисунки на камне, выполненные грубой гравировкой или нанесенные молотком, с изображением в натуральную величину представителей эфиопской фауны и схематизированных антропоморфных фигур, безусловно относятся к произведениям древних охотников.

Изображения рогатого скота и домашних животных, а также бытовых сцен скорее всего работа пастухов-скотоводов, не без труда — о чем свидетельствуют — некоторые боевые сцены между двумя группами (укрытие в скалах в Каргур-Талх в Джебель-Уэйнат) — обосновавшихся в долинах и близ уэдов, уже занятых другими людьми. Эти рисунки относятся к тому же времени и стилю, что и рисунки в долине Нила, которые восходят к первым династиям фараонов. Росписи, как в Восточной Сахаре, так и в других ее районах, похожи на те, что были

найжены в Восточной Испании. Действительно, в течение IV тысячелетия до н. э. Нубия оказалась тем перекрестком, где встретились народы, сыгравшие основную роль в миграциях в Сахаре в направлении с востока на запад. Из их среды, по-видимому, вышли и берберы. Эти народы — их называют еще кушитами, или хамитами, — очевидно, заселили Египет, прибыв туда в составе той волны, которая выдвинула Египет на историческую арену вместе с первыми династиями фараонов.

В 1903 г. Паоло Грациози, возвращаясь из научной экспедиции в Феззан, остановился в узде Марсит, неподалеку от мало известного местечка Майя-Диб. У подножия скалы, на краю Хамады-эль-Хамра, бил источник со свежей, прозрачной водой, поившей маленькую пальмовую рощу. Здесь никто не жил.

На небольшом расстоянии отсюда, среди обрушившихся известняковых глыб, почти засыпанных песком, П.Грациози обнаружил два нагромождения камней с выбитыми на них фигурами. Флорентийский ученый открыл здесь стоянку с наскальной живописью, восходившую к самой глубокой древности, и, что самое интересное, первое изображение животного с рогами в форме лиры и с эмблемой в виде шара между ними. Этот бык с солнечным диском напомнил ученому символическое изображение египетской богини Хатхор.

П. Грациози принялся разыскивать другие образцы, которые подтвердили бы его предположение, и был за это вознагражден. Годом раньше его коллеги, этнографы

Чиприано и Мордини, пользуясь сообщениями, полученными от офицеров гарнизона в Браке, наткнулись на уэд, вдоль которого на расстоянии примерно 20 км по правой и левой стороне тянулись наскальные рисунки.

П. Грациози испытал точно такое же смешанное чувство недоверия и удивления, что и А. Лот, нашедший чудесные наскальные фрески Тассили. Рисунки были повсюду: на отдельных скалах, на скалистой кромке Хамады, под естественными сводами известняковых расщелин — нескончаемая художественная галерея, в которой представлены почти все образцы ныне угасшей сахарской фауны, существовавшие 10 тыс. лет назад.

И в этом «музее» доисторического искусства среди жирафов, львов, слонов, носорогов, антилоп, страусов, быков, коз, собак, лошадей и даже верблюдов-дромадеров П. Грациози нашел то, что страстно желал найти:

изображение египетского бога Амона в облике барана с солнечным диском между рогами.

Относительно этого бога, чей оракул находился в оазисе Сива в пустыне, а храм в Тебессе в Верхнем Египте, берберологи и египтологи высказывали противоречивые предположения. Первые считают, что он ливийского происхождения, а вторые увязывают его с египетской мифологией, вместе с которой он якобы и проник в Ливию. Тем не менее доказано, что его культ был введен в Карфагене древними ливийцами, составлявшими, впрочем, большинство жителей столицы пунического государства.

В послевоенные годы были все основания опасаться, что сложные и не терпящие отлагательства экономические задачи, стоявшие перед молодым независимым ливийским государством, недолго, задержат научные изыскания в Сахаре. Однако благодаря интересу к культуре со стороны новых ливийских руководителей и творческому рвению молодого поколения итальянских африканистов были осуществлены экспедиции Фабрицио Мори в Феззан (Феццан), два лингвистических обследования Умберто Парадизи по берберскому языку, новые археологические раскопки неутомимого Паоло Грациози (а также моя более скромная этнологическая экспедиция в уэд Эль-Аджаль, эту «долину гробниц» в Феззане); возобновились раскопки в Лептис-Магна и в Сабрате, производившиеся археологами Джакомо Капуто, Вергара Каффарелли и Берточини.

Однако сейчас нас больше всего интересуют подробности и результаты исследований, относящиеся к экспедиции Ф. Мори. Горный массив Тадрарт-Акакус, где он со своими коллегами обнаружил громадный «музей» в скалах, возвышается к востоку от оазиса Гат на юго-западном склоне Феззана. Скалистый по своему строению, он изрыт множеством уэдов. С этими напоминающими лунный пейзаж долинами чередуются обширные плоскогорья, покрытые темным щебнем (серир), и горные складки различной высоты, образованные скальными породами девонского песчаника. Подобно двум другим доисторическим массивам Алжирской Сахары — Ахаггару и Тассили, — массив Акакус представлял идеальные условия для выпаса скота, а также для расселения и укрытия древних обитателей Сахары.

За семь лет методических научных изысканий в горах Акакуса Ф. Мори и его коллеги обнаружили и затем воспроизвели, сотни граффити и росписей. Все эти наскальные произведения отличались необыкновенной красотой, а некоторые приобрели особое значение для науки благодаря своему совершенно уникальному характеру — например, большая «лодка» с коленопреклоненными людьми и изображение мумий в вытянутом положении. В укрытии, где находилась эта фреска, итальянские ученые сделали свое главное открытие; из слоя, изобиловавшего остатками предметов древности - камнями, костями и керамическими изделиями, на свет извлекли завернутую в звериные шкуры высушенную мумию ребенка без внутренностей.

Эти останки сохранились достаточно хорошо и могли быть использованы для сравнительных антропологических исследований. Здесь же были обнаружены другие костные останки. Таким образом, в этом районе уэда Тешимат оказался настоящий доисторический некрополь Сахары. Самым распространенным способом захоронения в нем была, по-видимому, мумификация трупов, почти идентичная способу, практиковавшемуся у египтян.

Однако, согласно датировке, не вызывающей ныне сомнений, найденные в Акакусе останки ребенка восходят к гораздо более ранней эпохе, нежели первые династии фараонов. При изучении этой уникальной находки использовались следующие методы: морфологическое и антропометрическое описание, радиологическое и гистологическое исследования, химический анализ. Удалось

установить, что ребенок имел негроидные черты и ему к моменту

смерти было примерно 30 месяцев. Консервация тела не носила случайного характера. Об этом свидетельствуют две основные особенности мумии: 1) надрез внутренней стенки брюшной полости, очевидно с целью удаления внутренностей — от них не осталось никаких следов; 2) сильно изогнутое положение тела, которое ему не удалось бы придать без предварительного удаления внутренностей. Консервация была достигнута с помощью высушивания.

К интересным открытиям французской экспедиции А.Лота, частично изученным и проанализированным аббатом А.Брейлем, можно добавить, находки итальянцев в Акакусе, расширившие число известных уже материалов. В пещерах этих гор, служивших жильем первобытному человеку, превосходно сохранились росписи. Они представляют большой интерес как для изучения магических и религиозных верований, так и для исследования расовых признаков некоторых этнических групп.

Достоверно известно, что население Сахары начало уменьшаться в тот период, когда из-за наступавшей засухи скотоводам становилось все труднее пасти свои многочисленные стада. Покинув горы в центре Сахары, они отправились на поиски пастбищ в долинах больших рек. В наше время их потомками следует, вероятно, считать пастухов фульбе, сохранивших некоторые характерные черты белой расы, несмотря на частые смешанные браки с соседним чернокожим населением. Каковы были

отношения между жителями Сахары и Египтом? И к какому времени они относятся? Удивительные аналогии, которые уже были замечены многими исследователями, не получают своего раскрытия до тех пор, пока не будет неопровержимо установлено, в каком хронологическом соотношении находятся различные этапы сахарского искусства с искусством додинастического и протодинастического Египта.

Какой же характер носили отношения между этими двумя культурами? Представляли ли они собой некое четкое явление, сопровождавшееся определенным этническим и культурным воздействием? Могло ли сахарское искусство, достигшее такого развития еще в эпоху, предшествующую первой египетской династии (ок. 3200 г. до н. э.), способствовать возникновению художественных форм, которые кажутся столь зрелыми уже в протодинастический период? Если гипотеза о том, что в Долину Нила внесли свой вклад инородные культуры, подтверждается громадными художественными различиями, существующими между произведениями додинастического и протодинастического Египта, тогда трудно не признать, что эти новые веяния поступали из Сахары, которую покидало население, гонимое усиливавшейся засухой.

Окончательные ответы на эти вопросы могли бы иметь тем большее значение, чем многочисленнее и неожиданнее были случаи культурной близости между этими регионами. Каждое новое открытие ставит перед нами новые проблемы, для которых в настоящее время можно найти лишь временные, предположительные решения.

Гараманты - всадники, пастухи, воины.

Приступив к методической реконструкции цивилизации древнего Феззана, Паоло Грациози сосредоточил свое внимание на некоторых рисунках. Они изображали летящие колесницы, запряженные лошадьми и управлявшиеся воинами, вооруженными дротиками, луками и щитами. Стиль этих колесниц (такой тип в Сахаре больше не встречается) и особенно «летащий галоп» лошадей обнаруживает любопытное сходство с микенским искусством. Таким образом, возникло предположение о Средиземноморском происхождении гарамантов, древних обитателей Ливии; это предположение все еще не подтверждено, равно как и не разгадана тайна, откуда в Сахаре появились эгейские колесницы. Известно, что в 1700 г. до н. э. долину Нила захватили гиксосы, воевавшие на колесницах; но мы не знаем, распространились ли колесницы вскоре после этого дальше на запад и были ли они заимствованы ливийцами. Первый достоверный документ о существовании колесниц и лошадей в Ливии относится к 1229 г. до н. э. Речь идет об одном тексте Мернептаха из Карнака, в котором говорится, что египтяне, разбив в сражении ливийского вождя и его сына, захватили 14 пар лошадей.

Однако нет никаких доказательств того, что боевые колесницы гарамантов попали в Сахару через Египет.

Скорее можно предположить что они — судя по средиземноморским, т.е. микенским, особенностям — оказались в Сахаре в связи с появлением «народов моря» (ахейцев, сардов, этрусков), когда они высадились между Киренаикой и дельтой Нила, предприняв неудачную попытку захватить Египет силой. Впрочем, известно, что местные ливийцы присоединились к пришельцам и сражались в их рядах. Потерпев поражение и покинув Египет, они, вполне естественно, привели в пустыню боевые колесницы и лошадей. Таким образом, следует говорить, по-видимому, не о заимствовании их у египтян, а наоборот, о заимствовании колесниц египтянами.

Между тем гараманты использовали колесницы и для сельскохозяйственных работ, и для перевозки людей ,запрягая в них как лошадей, так и быков. Позднее они стали пользоваться только лошадьми и ездили на них верхом с легкостью превосходных наездников. Они пускались в галоп, не имея стремян и управляя животным лишь с помощью простой палочки. Кавалерия гарамантов славилась в древней Африке. На боевых колесницах, запряженных четверками лошадей, гараманты, вооруженные дротиками, по несколько дней преследовали «эфиопов» вплоть до нагорьев Тибести и Аир.

Все ливийские племена переняли подобный способ ведения боя и транспортировки грузов, а в племенах зауэс, населявших территорию современного Туниса, на колесницах и верхом ездили даже женщины.

В 1938 г. П. Грациози обнаружил новые изображения колесниц в районе Масуда, правда довольно

посредственные. Их авторы не теряли времени на соблюдение ортогональной проекции и перспективы. Для изображения колесниц они пользовались горизонтальной протекцией, как если бы смотрели на них сверху.

Колеса и сами лошади изображены в профиль, возница — в фас. Лошадей запрягали по четыре или по две, а иногда даже по одной, смотря по тому, какой была колесница.

В любом случае ее устройство передано очень схематично: ось, соединяющая два колеса с шестью спицами в каждом, и настил, от которого отходят два дышла, заканчивающиеся двойным ярмом на шее лошадей и напоминающие ярмо боевых колесниц Египта эпохи фараонов. Правит этим сооружением один человек, всегда стоя. На других рисунках колеса боевых колесниц имеют всего четыре спицы, а дышла соединены перекладиной — единственным ярмом для всей упряжки, но на настиле стоят два человека, возница и вооруженный воин.

Рядом с этими, наскальными рисунками гарамантов было обнаружено значительное количество надписей, выполненных древним ливийским письмом и современным письмом тифинаг. Берберолог Франческо Бегино, в свою очередь, несколько раз побывал в Феззани и скопировал там сотни надписей. Хотя этот любопытный геометрический алфавит уже известен, многочисленным современным лингвистам и дешифровщикам еще не удалось расшифровать язык надписей. Это тем более странно, что древний ливийский язык до сих пор остается живым: на нем еще и сегодня пишут туареги, хотя они пользуются весьма искаженной по сравнению с первоначальной формой.

Именно эту, дошедшую до нас, форму письменности и называют тифинаг.

Хотя среди надписей было обнаружено множество двуязычных(на ливийском и пуническом языках), которые изучаются сейчас во Франции, ни одно из сравнительных исследований еще не дало положительных результатов. Ф.Бегино, открывший 200 текстов, надеялся перевести древний ливийский язык с помощью берберского, но французский ученый-берберолог Андре Бассе убедительно опроверг его доводы. Те, кого увлекла эта историческая загадка, продолжают свои поиски ощупью. Некоторые из них, правда, присоединяются к мнению выдающегося английского дешифровальщика надписей А.Эванса, считающего, что древний ливийский язык восходит к древнекритскому.

В 1933 и 1934 годах экспедиция Итальянского географического общества, возглавляемая археологом Биаджио Паче и его помощниками антропологом Серджио Серджи из Римского университета и археологом, инспектором музеев, Джакомо Капуто, начала в уэде Эль-Аджаль раскопки, получившие впоследствии большое значение. Этот уэд, длинной бороздой прорезающий центральную часть Фецана и ограниченный на севере дюнами Рамлы, а на юге Хамадой, находился, как полагают, в самом центре страны гарамантов.

На отрезке в 160 км итальянская экспедиция обнаружила самый большой некрополь во всей Африке, насчитывающий около 4500 могил. Раскопки велись из г. Джерма, сохранившего название древней столицы исчезнувшего царства гарамантов — Гарама.

Эти погребения во всех отношениях похожи на курганы, обнаруженные неподалеку от Гата и в Алжирской Центральной Сахаре, изучением которых занимался Т.Моно, Результаты археологической экспедиции в Феццане оказались поразительными. Постепенно обозначилась вся цивилизация гарамантов; ее похоронные обряды, ремесла, постройки, оружие, процветающая торговля. С.Серджи нашел и исследовал останки древних обитателей Сахары. Тем самым удалось вернуть этому до сих пор загадочному народу его этническую индивидуальность и определить место гарамантов среди населения древнего Средиземноморья.

В Феццане существует несколько видов захоронений: ямы, ящики, камеры с плоской крышей или с куполом. Все они засыпаны курганами различной формы, которые иногда ступенями поднимаются вверх.

Изучение могил показало, что гараманты хоронили умерших в согнутом положении; на восточной стороне могилы они воздвигали стелы либо в форме обелиска, либо в виде рогов, а перед ними ставили столы (*mensae*) с небольшими углублениями для ритуальных подношений

пищи. Следует отметить необычную могилу в виде камеры, окруженной стеной, перед которой находится атриум. Все это вместе представляет собой погребальный храм под открытым небом, очевидно весьма почитавшийся.

Между культом мертвых, существовавшим у древних ливийцев, и погребальными обрядами в Египте в период неолита было также много общего. По сообщениям Геродота, насамоны сажали умирающих и в этом положении хоронили. Существовали также захоронения в глиняных кувшинах, причем череп отделяли от тела, а кости разбрасывали.

Насамоны, принося клятву, держали руку на могиле своих родных и божились «самыми уважаемыми людьми». Они спали там и молились предкам. А жители оазиса Ауджила укладывались спать на могилах, когда хотели услышать во сне пророчество.

Любопытно, что эти же обычаи сохраняются и у нынешних туарегов. Их женщины в праздничных нарядах отправляются к древним «могилам великанов», молятся духам Идебни, а затем ложатся спать, чтобы «узнать во сне о судьбе своих близких». Жители Ахаггара делают это ночью, а жители Аджера — днем. Отставший в пути туарег ложится спать у одной из таких могил и «видит» во сне, где находятся его товарищи.

Другие молятся и спят в круге, образованном камнями овальной формы, достигающем 25 — 45 м в диаметре и окруженном небольшими каменными курганами.

В царстве гарамантов у некоторых негроидных племен, обитавших в пещерах, старикам разрешалось жить только до шестидесяти лет. Когда наступал этот срок, человек должен был удавиться бычьим хвостом. Если же у него не хватало мужества, его под радостные крики и смех душили соплеменники. Напомним, что древние сарды тоже бросали в глубокие ямы своих стариков, достигших семидесяти лет.

Гараманты благородного происхождения с радостью встречали смерть родственника или друга, и его погребение отмечалось большой ритуальной трапезой.

Из некоторых могил гарамантов в уэде Эль-Аджаль было извлечено на все множество костей животных, несомненно попавших сюда после погребальной трапезы.

В гробницах находили также домашнюю утварь: сосуды из прозрачного стекла с высеченным или нарисованным орнаментом; из гладкого или выпуклого цветного стекла; из обожженной глины, напоминающие керамику из Ареция. На амфорах для вина и масла и на их обломках видны пунические и ливийские знаки.

В Уаддане, в оазисе ад-Джофра, на вершине холма в октябре 1929 г. нашли клад, состоявший из небольших золотых предметов общим весом три килограмма.

Среди них 101 кольцо, 9 пряжек, 1 спираль, 4 браслета и 10 маленьких идолов, одиночных и парных. Некоторые идолы представляют собой рогатое бородатое божество. Оно напоминает изображение, которое около 1000 г.

до н.э. появилось на изделиях, имевших хождение в бассейне Средиземного моря. Учитывая довольно примитивную технику выплавки золота, есть, очевидно, основание говорить о вещах, привезенных гарамантами из финикийских факторий на Ливийском побережье.

Благодаря этим личным предметам, найденным в могилах гарамантов, удалось восстановить ту атмосферу, в которой протекала их жизнь.

Гараманты были известны как грабители. Тацит рассказывает, что их воинственный пыл обращался не только против чернокожих. Хорошо зная дорогу к заливам Сирта, они совершали свои набеги и подобно саранче обрушивались на богатые финикийские и римские побережья, грабили и опустошали их.

У гарамантов существовал древний обычай предоставлять право убежища любому беглецу, не спрашивая его, откуда он и почему скрывается. Неудивительно, что пристанище в царстве гарамантов искали и солдаты, дезертировавшие из карфагенских и берберских войск, и бандиты, и беглые преступники. Они вливались в ряды гарамантов, совершавших грабительские набеги.

Все караванные пути, проходившие через Центральную Сахару и соединявшие берег Средиземного моря с Суданом, находились под контролем колесниц и кавалерии этих неукротимых воинов. Гарамантам удалось монополизировать значительную часть торговли экзотическими товарами, основными потребителями которых были Карфаген и Рим. Однако караваны,

платившие им за проезд пошлину, они обеспечивали проводниками и охраной.

Основным занятием гарамантов было разведение крупного рогатого скота и овец; они вели пастушеский, полукочевой образ жизни и довольствовались небольшими палатками из шкур и переносными хижинами.

Такие же хижины составляли и их военные лагеря.

Благодаря тому что они легко разбирались и перевозились на вьючных животных, передвижения воинов-гарамантов были молниеносны, а действия внезапны.

Чтобы еще больше выиграть время, они нередко ставили на повозку целую хижину. Только мертвые получали право на постоянное и просторное жилье. Вот почему после гарамантов остались монументальные некрополи, но нет никаких следов каменных городских поселений, если не считать невысоких построек в Гараме. Единственным местным видом ремесла было гончарное производство. Женщины изготавливали сосуды черного и красного цвета, украшая их линейным орнаментом. По форме и орнаменту эти сосуды удивительно сходны с теми, что изготавливались в Восточном Средиземноморье в бронзовом веке (III тысячелетие до н.э.), известными главным образом по раскопкам на Крите, Мальте, в Сицилии, Сардинии, в жилищах и храмах, относящихся к той же эпохе.

Нравы гарамантов были чрезвычайно свободными.

Женщины похвалялись числом возлюбленных. Когда ребенок достигал определенного возраста, мужчины собирались и объявляли отцом того, на кого ребенок был

больше похож. Тем не менее женщины пользовались немалым уважением, и эта форма матриархата была унаследована туарегами.

Женщины гарамантов одевались в красный плащ из козьей кожи, окаймленный бахромой. Он был перекинут на спину через правое плечо, а держала его металлическая застежка на левом плече. Эта примитивная одежда была усыпана множеством украшений из слоновой кости, золота, серебра. Обнаженные руки и шея также украшались браслетами из слоновой кости, серебра и меди, подвесками из раковин и цветных камешков, пластинками из панциря черепахи, а также бусами, сделанными из скорлупы страусовых яиц и стекляшек, привезенных с побережья из финикийских факторий и из Карфагена. В волосы женщины втыкали два-три белых или черных страусовых пера.

Мужчины носили лишь короткую тунику из шерсти или из шкур коз и антилоп. Волосы также украшали страусовыми перьями, а детородный орган защищали кожаным футляром.

Глава II

САХАРА ВСТУПАЕТ В ИСТОРИЮ

Впервые сахарские народы начинают фигурировать в истории благодаря сведениям, оставленным нам Геродотом (V в. до н. э.) и Диодором Сицилийским (I в. н. э.).

Послания, которые жители древней Сахары собственноручно запечатлели на скалах, сменились рассказами греческих и римских географов и историков о жизни и нравах этих ливийско-берберских кочевников, пасших скот по всей Сахаре — от Нила до Атлантического океана.

Около 1000 г. до н. э. Сахара постепенно начинает приобретать свой нынешний облик; от века к веку пустыня распространяется все дальше. Если греки, карфагеняне и римляне и делали попытки исследовать эти области, то о них тем не менее мало что стало известно; к тому же сообщения древних исследователей не всегда выглядят правдоподобными. Геродот оставил довольно точные сведения о ливийцах. Он указал путь из страны гарамантов в страну атлантов, рассказал о жилищах, сложенных из брусков соли,— способ, возможный лишь при чрезвычайно редко выпадающих осадках; описал форму этих жилищ, сохранявшуюся на протяжении долгого времени. Подробно рассказав о кочевниках-ливийцах, жителях побережья Средиземного моря, Геродот затем перешел к описанию обитателей "Ливии диких зверей», людей, живших в дюнах.

И здесь кончаются его сведения: «По ту сторону,— пишет он, я ничего больше не знаю, но рассказывают, что эта земля населена великанами, пигмеями, чудовищами. Никто не может побывать там, такая там стоит жара».

Карфаген прокладывает первую транссахарскую трассу
Карфаген был первой средиземноморской державой, где поняли, что Сахара это не просто страна под палящим солнцем и ее жители вовсе не дикари. Не стремясь ни притеснять, ни подчинять их себе, Карфаген сумел сделать их союзниками, прельстив возможностью прибыльной регулярной транссахарской торговли.

Существовало, однако, ошибочное мнение, будто бы пунические купцы сами пересекали Сахару и бывали в Черной Африке. Но они не испытывали в этом никакой необходимости, не говоря уж о том, что в ту эпоху цивилизованным жителям Средиземноморья Сахара все еще представлялась неведомой страной, сулившей мало хорошего, во всяком случае, подобное путешествие могло длиться много месяцев и было бы весьма рискованным. Экзотические товары из стран Черной Африки доставляли на север континента длинные ливийские караваны, регулярно преодолевавшие 3 тыс. километров по пустыне. Разумеется, дорогу держали под своим контролем гараманты, которым путешественники каждый раз платили высокую пошлину. Интересно, что право взимания пошлин удерживалось туарегами вплоть до XX в.

Поток товаров из Черной Африки в Карфаген состоял главным образом из слоновой кости Судана и Нигера, золотого песка, карбункулов и изумрудов, страусовых перьев и яиц, а также чернокожих рабов. Последних захватывали во время набегов ливийско-берберские

кочевники, которые приводили затем пленников на рынки севера.

Главным материковым центром зарождавшейся транссахарской торговли служил не сам город Карфаген, а нынешний ливийский оазис Гадамес, в 600 км югу от Триполи и от Лептис-Магна. Отсюда доставленные с юга товары было нетрудно переправлять во все ливийско-финикийские города побережья и в различные грузовые порты на пунической территории.

Самым оживленным начальным пунктом транссахарского караванного пути на Средиземном море был в то время Лептис, расположенный гораздо ближе к Феззану, чем Карфаген. Предназначенные для вывоза товары доставлялись прямо на большие пристани Лептиса и грузились на корабли, отправлявшиеся в Европу и на Ближний Восток.

И Гадамесе находились представители крупных карфагенских торговцев, которые принимали и оплачивали африканские товары. Часть из них обменивалась на соль, иберийскую медь, североафриканские гончарные изделия, финикийскую стеклянную посуду, этрусские вазы, расписные ткани, роскошную одежду и оружие.

Напротив, за грузы, прибывавшие из современного Мали, платили деньгами, чем и объясняются находки пунических монет в Мавритании и в других областях Гвинеи.

Суданское золото добывалось в горной области, которая разделяет долины Бажане и Нигера, граничит на севере с бассейном р. Тинкиссо и примыкает к последним отрогам

вулканических массивов Фута-Джаллон и к сланцевым холмам плоскогорья страны мандинго.

Отроги Фута-Джаллон, господствующие над руслом Тинкиссо, представляют собой огромные каменистые плоскогорья, внезапно заканчивающиеся обрывистыми утесами, образованными из первичных вулканических пород. Древние жители этих мест обнаружили здесь богатые золотоносные жилы. Добывавшиеся ими самородки и золотой песок пополняли карфагенскую казну, проделав предварительно путь, проложенный колесницами гарамантов.

На месте этих разработок были найдены многочисленные неолитические мастерские и орудия труда для добычи руды, а также развалины укрепленных деревень, расположенных на труднодоступных возвышенно-стях, где 3 тыс. лет назад жили суданские рудокопы и металлурги.

Лейтенант Деплань, обследовавший в 1906 г. район Фута-Джаллон, обнаружил здесь гербовый щит своеобразный ритуальный знак жреца, приносящего в жертву животных. Эта эмблема, вырезанная над наличником двери одного из вождей седианке, воспроизводила изображение пунического божества. А в Тамба, древнем суданском городе на берегу р. Бажане, ему удалось получить от главы одной старинной семьи копию четырех текстов, написанных новопуническими письменами и благоговейно хранящихся в качестве священного талисмана, оставленного предками.

Гражданский чиновник П. Гебхард продолжил раскопки, которые начал Деллаг на плоскогорье Тимбис, и среди тщательно отделанных неолитических орудий труда нашел керамический осколок с выдавленными на глине пуническими буквами; очевидно, это было официальное клеймо торгового дома из Карфагена, который ввозил керамику в Черную Африку.

На Ливийском побережье, где заканчивались транссахарские караванные дороги, было мало факторий Карфагена, но они процветали.

В Каракасе пунические купцы обменивали тунисское вино на лекарственное растение сильфиум, которое росло в Ливийской Сахаре и пользовалось большим спросом в метрополии.

Но самой процветающей и самой деятельной пунической колонией был Лептис, начальный пункт главной транссахарской трассы (гарамантской), называвшийся в римскую эпоху Лептис-Магна. Корабли «Королевы Средиземного моря» регулярно бросали в его гавани якоря. Здесь одновременно могли швартоваться 60 судов. Мощный маяк указывал путь лоцманам, а в случае опасности вход в порт перекрывался тяжелой цепью.

Этот ливийский порт, в котором выходцы из Финикии жили еще до основания Карфагена, быстро превратился из торговой фактории в большой афро-средиземноморский город, административный и экономический центр, ставший

для Карфагена тем же, чем для греков была Кирена. По сравнению с Великим Лептисом Оза и Сабрата выглядели небольшим приморскими поселениями. Глинобитные хижины и лачуги из пальмовых веток, сложенные сицилийскими и ливийскими рыбаками на месте нынешнего Триполи, сменялись через каких-нибудь сто километров дальше на восток храмами и дворцами с великолепными колоннами, длинными улицами и просторными площадями, по которым двигалась пестрая оживленная толпа: греки в изящных хламидах; финикийские и пунические купцы, одетые в длинные туники и остроконечные колпаки, с драгоценными кольцами на руках; курчавые ливийцы, явившиеся из пустыни, чьи странные одеяния из козьих шкур, окрашенных в красный цвет, придавали этой толпе чисто сахарский колорит.

В Лептисе можно было все продать и все купить.

Он стал чем-то вроде порто-франко, где контрабандные товары из греческой и египетской Киренаики свободно обменивались на «стандартные» изделия карфагенских ремесленников, шедшие вне всякой конкуренции. Большим спросом пользовались у эллинских купцов, в частности, драгоценные украшения, вышитые подушки и ковры, пурпур, которые изготовлялись в пунических мастерских, расположенных поблизости от Меринкса (о-в Джерба). Купцов с Востока привлекали в основном чернокожие рабы, которых гараманты доставляли связанными прямо в порт на колесницах, пересекавших Сахару.

Пути проникновения римлян в Сахару Караваны, перевозившие товары между побережьем Триполитании и

центральными и западными африканскими областями, уже примерно в течение тысячелетий ходили по одним и тем же дорогам, там, где было больше источников воды.

Во время военных походов на Фезанию (Феззан) римляне - им тогда еще не был известен верблюд - безусловно пользовались теми же дорогами, которые еще и сегодня ведут от побережья в глубь континента.

Проконсул Корнелий Бальб Младший в 19 г. до н. э. проследовал по дороге, которая начинается в Сабрате, проходит через Джебель-Нефуса, затем ведет в Гадамес (древний Сидамус), а оттуда пересекает в направлении с северо-запада на юго-восток Хамаду-эль-Хамру, затем спускается в Шати и через Рамлу в Мурзуке выходит в Джерму, к уэду Эль-Аджаль.

Легат Валерий Фест в 69 г. до н. э. проехал по центральной дороге, которая из Триполи или из Хомса спускается в Мизду (античное Мусты), затем пересекает Джебель-Гариан, проходит через Герия-эль-Гарбия, Табунию, Даэду, Эль-Баб и выходит в Шати, где и соединяется с западной дорогой.

Третья, восточная дорога, самая длинная, но и самая удобная и, следовательно, наиболее оживленная начинается в Триполи или в Хомсе, пересекает область Ирфелла, проходит через Бу-Нджем, через берберский оазис Сокна в

Джофре, где кончаются караванные пути от заливов Сирта, и, преодолев Джебель-Сауда, так-же выходит к уэду Эль-Аджаль.

Возможно, именно этой дорогой воспользовался в правление Домициана легат Септимий Флакк, когда после победы, одержанной над насамонами, он пересек страну своих союзников — гарамантов и вошел в страну эфиопов.

Трасса этих трех основных путей проникновения римлян достаточно точно определяется в тех местах, где они создавали выдвинутые вперед военные посты, чтобы обеспечить безопасность сообщения, а именно в Гадамесе, Герия-эль-Гарбия, Бу-Нджеме. В Гадамесе - оазисе, где начинается караванная дорога, ведущая на юг и к Нигеру через Гат, сохранились многочисленные свидетельства римского владычества, в том числе надпись времен Александра Севера. Величественные развалины античных укреплений типа оппидум обнаружены также в Герия-эль-Гарбия и в Бу-Нджеме. Кроме этих остатков значительных римских памятников можно назвать лишь мавзолей к юго востоку от Эль-Баба и мавзолей и римские могилы в Джерме.

Цель военных походов Рима в Сахару — захват владений в Африке вплоть до Нумидии и Мавритании.

После того как римская держава сломала сопротивление гарамантов, последним пришлось подчиниться. Но это же привело и к более важным последствиям: гараманты,

подобно другим народам Северной Африки, соприкоснулись с римской цивилизацией.

Несколько римских купцов, находившихся под покровительством Рима — урны с их прахом обнаружены при раскопках, — добрались до Гарамы. Они развернули там торговлю и ввели такой образ жизни, который постепенно вызвал приток ремесленных изделий и Рима. В то же время под руководством купцов местные жители приобретали исключительную сноровку в строительном искусстве, до сих пор им не известном.

Образец таких построек обнаружили на Зинкекре, западном отроге раковины Гарамы. Стены этого сооружения построены из кирпичей, уложенных правильными рядами на фундаменте из отесанных камней, перемежающихся с огромными глыбами. Следы подобных построек угадываются и в оазисе Джерма. Специальная система укреплений превращает Зинкекру в настоящую крепость, естественные подступы перекрыты громадными оборонительными сооружениями, а склоны нависают над уэдом Эль-Аджаль.

В период господства в Северной Африке вандалов, преемников пришедшей в упадок Римской империи, гараманты вновь обрели полную независимость, так как воины с севера не рисковали углубляться в Великую пустыню... Гараманты сохранили непокорность и тогда, когда Северная Африка была завоевана византийскими императорами, теперь уже принявшими христианство. Больше того, гараманты объединились с другими ливийскими и берберскими племенами, чтобы сражаться с

византийскими войсками. Эта война мало кому известна, хотя и запечатлена в эпической поэме "Иоанниды" римского писателя Кориппа. К сожалению, никто из современных литераторов или африканистов еще не взялся перевести и прокомментировать подлинную «Илиаду» североафриканской истории.

Лишь в 665 г. арабы под предводительством Укбы бен Нафи проникли в Центральную Сахару, заняли Гараму, обложили данью (350 рабов) и приступили к насильственной исламизации всего местного населения. Если приход арабов и означал конец эры гарамантов, то он тем не менее вызвал новый расцвет транссахарских связей, благодаря чему Магриб смог вписать самую увлекательную страницу в историю своих отношений с Черной Африкой.

Приход арабов и сфера распространения туарегов в своей монументальной работе «Туареги Ахаггара» Анри Лот рассматривает некоторые древние географические сведения, заимствованные из арабских источников.

Они свидетельствуют о том, что приход арабов в Северную Африку обогатил ее топонимику. При них страна принимает название Либуани, Лубия и Либия, а гараманты вообще не упоминаются; Гарамма превращается в Джерму, ее население — в таварга, хэввара, тарака и, наконец, в тарга; со временем это слово примет форму «тарги», которая во множественном числе звучит как «туареги».

Из различных источников выявляется одно главное обстоятельство, а именно устойчивость границ государства туарегов. Как свидетельствуют наскальные рисунки «периода лошади», как подтверждает Птолемей и вслед за

ним такие арабские авторы, как Ибн Хаукал, ал-Бакри, Идриси, Абу-л-Феда, Ибн Халдун, Лев Африканский, история знает одно-единственное сокращение сферы распространения «людей под покрывалом» после вторжения арабов. Кроме того, она отмечает отказ туарегов от прежних походов в Феззан и от своей древней столицы Гарамы; перемещение некоторых племен; какие-то потрясения внутреннего порядка, приводившие к переходу того или иного племени из одного района в другой; удачи и поражения на южной границе при соприкосновении с державами Мали и Сонгаи; приход в район Томбукту новых захватчиков, таких, как марокканцы и фульбе. Отметим при этом, что появление арабов в Западной Сахаре, приведшее к очень серьезным переменам в жизни берберских племен годдала, месуфа, санхаджа и других, и в частности к быстрой исламизации и арабизации, не нарушило целостности блока туарегов. Разве что к югу от Адрар-Ифорас поселились зената кунта и несколько племенных объединений того же происхождения, которые подверглись туарегизации и ныне живут к северу от Тахвы.

Территория туарегов в начале нашей эры, населенная ливийцами-гарамамтами и родственными племенами, не изменилась и к XIX в., когда здесь появляются первые европейцы. Историческая преемственность представляется даже гораздо более тесной, чем это предполагали до сих пор, под влиянием весьма смелых, но не доказанных лингвистических гипотез, приписывавших некоторым племенам азиатское или какое-то иное происхождение. По

мере того как умножаются археологические находки и проясняется смысл текстов, всплывают малоизвестные факты. Существует не только географическое, но и культурное единство туарегов, несмотря на неизбежное влияние извне. Лингвистические исследования А. Бассе о территориальном распределении диалектов зената и туарегского лишь подтверждают эти предположения. Когда-нибудь социологам и географам придется высказать свое мнение о подобном явлении, нам же представляется, что оно безусловно связано с рельефом и природой этой страны. Факты кажутся относительно простыми. Вначале туареги занимали горные массивы на севере страны, которые вскоре, как только начались военные столкновения с египтянами, персами, греками и даже римлянами, превратились в неприступные крепости. Позднее либо рост населения, либо поиски новых пастбищ заставили туарегов установить свою власть сначала над массивом Адрар-Ифорас, а затем над Аиром. Будучи пленниками Сахары и не имея возможности завоевать более богатые земли на северо-западе, они подчинились законам пустыни в рамках кочевого образа жизни, который они без сомнения вели во все времена. По мере того как наступала пустыня, туареги перемещались к югу в поисках лучших пастбищ. Разумеется, Нигер не мог не стать целью их экспансии и их естественной южной границей, ибо именно здесь выращивали зерно, которого так не хватало кочевникам, не знакомым с земледелием. С обоих флангов их защищала пустыня, так что продвижение к югу полностью зависело от военного превосходства туарегов, которым они, впрочем, обладали благодаря лошадям. И туареги действительно

достигали Нигера. К XIV в., а быть может и раньше, первые пришельцы переправились через реку и обосновались на ее берегу в области Гурма, не переступив, однако, границы, определенной присутствием многочисленного чернокожего населения или слишком влажным и не подходящим для белых климатом.

Глава III.

ТУАРЕГИ АХАГГАРА

Ни один журналист, поэт или писатель не в состоянии передать то восхищение, которое испытывает путешественник, прибывший с севера, при виде гористого, похожего на лунный, пейзажа Ахаггара. Однако влекут в эту страну прежде всего живущие там загадочные туареги. Каждый раз, встречаясь с ними, так и предавляешь себе, будто они только что прибыли с другой планеты или из эпохи, совершенно нам неведомой.

В пределах большого треугольника, образованного городами Гадамес, Томбукту и Агадес, встреча с туарегами не редкость. Их караваны осуществляют торговую связь между Северной Африкой и областями на реке Нигер. Но больше всех остальных остались верны своим тысячелетним традициям и образу жизни предков туареги, населяющие сказочные горы Ахаггара, Тассили и Аира. На территории, превышающей 1 млн. кв. км, которую

пересекают полдюжины караванных троп, живут 250 тыс. кочевников-туарегов, единственных коренных жителей Центральной Сахары. Основные места их поселений почти не меняются с течением времени: Ин-Салах и Аулеф в Тадеманте; Ин-Экер, Си-лет, Иделес, Таманрассет в Ахаггаре, Полиньяк, Джанет и Гат в Тассили; Иферван и Агадес в Аире; Тахва в нигерийском Сахеле.

Туареги делятся на две большие, враждующие между собой группы: восточную, где доминируют племена кель-аир и кель-гресс, и западную, более многочисленную и лучше изученную, подчиняющуюся племенам юлемедден, кель-ахаггар, кель-аджер, ифорас и тенгеренгиф (прежние владыки Томбукту). Поскольку все лагеря кочевых туарегов более или менее похожи один на другой, а граница между восточными и западными племенами точно не определена, то различать их удастся только по цвету палаток: у западных туарегов палатки черные и красные, у восточных — полосатые (белые, желтые и коричневые).

Условия кочевой жизни и нравы туарегов.

В большинстве своем туареги высокие, сухощавые и мускулистые, люди очень гордые и немногословные..

В тех случаях, когда им выказывают уважение, они проявляют себя довольно гостеприимными хозяевами, даже по отношению к чужеземцам. Однако туареги обидчивы и

заносчивы. В их внешности сохранились ярко выраженные черты берберской расы, к которой, они принадлежат. Очень строгие племенные законы всегда запрещали туарегам — свободным воинам, принадлежащим к господствующей касте, — жениться на женщинах с черной кожей. Их традиции и язык остались неизменными; они ревниво охраняются и передаются из поколения в поколение.

Хотя туареги и привыкли уже к европейской рубашке с длинными рукавами, однако они охотнее продолжают заворачиваться в тонкий шерстяной хаик или в доккали — просторную тунику темно-синего цвета, которую носят поверх широких штанов, завязанных на лодыжке. Туареги не делают татуировки, не раскрашивают тела в отличие от своих слуг и чернокожих рабов. И только женщины, тоже заворачиваясь в длинные куски хлопчатобумажной ткани темно-фиолетового цвета и в легкие покрывала, продолжают согласно арабскому обычаю подкрашиваться хной. Туареги-мужчины и женщины — испытывают безудержную страсть к драгоценностям и разным украшениям. Воины привязывают их к единственной пряди волос, остающейся у них на голове после обязательной стрижки.

Серьги, браслеты, подвески, амулеты из серебра или рога, хранящиеся в кожаных мешочках с серебряной гравировкой, представляют собой живописный набор как воинов, так и женщин.

Но если не считать этих «эксцентрических» привычек, вся одежда туарегов приспособлена к той кочевой жизни,

которую они ведут в пустыне. Длинные, удобные штаны, завязанные на лодыжке, как бы созданы для езды верхом; кожаный, обшитый белым холстом пояс стягивает талию; сандалии на широкой подошве и с загнутыми носами сделаны специально для ходьбы по песку и по каменистой почве, и, наконец, знаменитое покрывало-лисам — вот одежда, необходимая для жизни в пустыне.

Туарег не снимает свое синее или белое покрывало ни когда ложится спать, ни во время еды. Он лишь слегка отодвигает его, чтобы положить пищу в рот.

Покрывалом служит кусок ткани вроде шарфа длиной 1,5 м. Его наматывают вокруг головы и закрывают лицо до самых глаз. Покрывало очень хорошо защищает органы дыхания от песка пустыни, а лицо и голову от солнечных лучей.

Обычай мужчин-туарегов носить покрывало — единственный в своем роде в Африке — отображается во многих легендах, которыми мы обязаны главным образом богатому воображению арабов. На самом же деле его происхождение до сих пор остается неизвестным, и, поскольку ни финикийцы, ни египтяне, ни римляне не упоминают о нем, возможно, что, появление этого обычая датируется более поздним временем, чем грек римская эпоха. Некоторые этнографы высказывал предположение, что обычай носить покрывало — какой-то загадочный, магический обряд, очевидно, давно забытый. Он предписывал закрывать рот покрывалом; возможно, это было своего рода «табу», касающееся рта.

Туарег не чувствует влечения к таким занятиям, как охота или скотоводство или тем более земледелие. Его инстинктивно тянет к войне; он, не задумываясь, нападет на любого, кто ему помешает. Теперь, правда, времена несколько изменились. Научные экспедиции — этнографические, геологические и альпинистские — пользуются услугами проводников-туарегов и могут без риска вступать на их территорию.

После второй мировой войны у туарегов осталось много магазинных винтовок, однако еще до 1950 г. французские власти их изъяли. Сейчас в Ахаггаре и в Тассили лишь изредка встречаются итальянские винтовки довоенного образца. Из-за нехватки огнестрельного оружия снова приобрело большое значение традиционное вооружение туарегов: длинное железное копье, меч с прямым клинком, кинжал, который носят в ножнах в левом рукаве, и большой прямоугольный щит из шкуры антилопы или верблюда.

Даже с таким примитивным оружием туарегам удалось завоевать уважение всего соседнего населения, основать могущественные государства и в течение долгого времени оказывать сопротивление арабам, суданцам и европейцам. Еще и сегодня они прибегают именно к этому оружию для урегулирования споров между племенами, т. е. в междоусобных войнах, столкновениях между царьками или вождями.

Нужно, однако, сказать, что туареги имеют свой рыцарский кодекс, в котором они очень четко проводят различие между войной (амджер) и грабежом (эджен).

Первое слово означает открытое сражение между племенами или объединениями племен, тогда как второе — кражу с помощью засад или неожиданных нападений.

Грабеж может сводиться к угону скота у одной или нескольких семей либо у соперничающего племени и обходится, как правило, без кровопролития, разве что хозяева пытаются защитить или отбить своих животных.

Инстинктивная жажда приключений толкает туарега на кражу не только коз, верблюдов и овец, но и драгоценностей, одежды и оружия, принадлежащих другим племенам. Еще недавно поселения суданских негров подвергались молниеносным нападениям грабителей, предпринимавшихся с целью захватить рабов. В то время как грабежи совершаются обычно летом, лучшим сезоном для войны считается, напротив, зима, время, когда легче найти пастбища для верблюдов и гораздо больше дичи в пустыне.

Как грабежи, так и войны подготавливаются и проводятся очень четко. На каждую операцию назначается верховный вождь, требующий полного повиновения. Он распределяет добычу, причем доля каждого воина устанавливается заранее, в ходе разработки плана нападения, и зависит от возложенной на него задачи.

В одной старой песне туарегов говорится: «Дай мне мехари, седло и шатер — и я буду счастлив».

Действительно, туареги проводят большую часть жизни верхом на верблюде, который дает ему возможность жить в

пустыне и, если это необходимо, быстро передвигаться. Коричневый верблюд обеспечивает его молоком (шесть — восемь литров в день), мясом, шерстью, лекарствами (моча, например, используется как дезинфицирующее средство). Туарег перевозит на этом животном и свое имущество, ведь верблюд переносит до 250 кг груза.

Однако только мехари делает туарега счастливым и приносит ему ощущение свободы на просторах пустыни. Мехари, поторые находили прежде применение в военных подразделениях французов в Сахаре, а также англичан и итальянцев, сделали грозными неожиданные атаки туарегов. Этот верблюд поистине их неразлучный спутник: хозяин часто бывает обязан ему жизнью. Нередко от мехари зависит, спасется ли туарег от преследования врагов, от песчаной бури, доберется ли вовремя до колодца с водой, сумеет ли убить резвую антилопу или газель.

На мехари туарег нагружает все, что ему может понадобиться в пути. В большую квадратную сумку из ярко окрашенной кожи, привязанную к седлу, он кладет еду, одежду, жевательный табак, смешанный с солью, бурдюки, наполненные маслом, пачки чая и и несколько кастрюлек для его приготовления.

Когда прозрачный и пылающий закатом горизонт возвещает о приближении ночи, туарег привязывает колышку веревочную уздечку (она прикреплена к железному кольцу в правой ноздре мехари), с помощью которой управляет животным; разбивает свою палатку, сшитую из шкур или вытканную из шерсти верблюда, овцы или муфлона, вносит

внутри сбрую и сумку, сооружает из трех камней очаг и зажигает перед палаткой огонь.

Пока на пустыню быстро опускаются холодные ночные тени, туарег садится на корточки перед огнем и пьет душистый чай. Часами он остается неподвижным, один перед девственной, необъятной природой. Молится ли он? Приходят ли к нему воспоминания? Страдает ли он от одиночества или наслаждается своей свободной жизнью?

При знакомстве с туарегами первое, что поражает больше всего, это частое использование ими христианского символа — креста. И верхушка седельной луки, иголка эфеса меча или кинжала имеют его форму.

Крестом же украшают сандалии (наил), и бурнус (шерстяной плащ), и щит; наконец, даже талисман из кусочка рога, который туарег носит на шее, сделан форме слегка намеченного треугольника, напоминающего этот христианский символ.

Туареги — мусульмане, однако еще и сегодня они сохраняют древние анимистические верования. Этнографы, конечно, были очень удивлены, встретив крест у туарегов, но не нашли никакого объяснения этому интересному явлению. Ученые полагают, что это отголоски христианской веры, которая была распространена в Африке до мусульманского вторжения.

Несмотря на ислам, туареги верят в духов природы, потустороннюю жизнь и в,наваждения так же, как верили во времена грека Геродота и римлянина Помпония Мелы, судя по сообщениям последних. Туареги часто старается предугадать будущее; он опускается на колени на могилу своих предков и, погрузившись в раздумья, ожидает от них предсказаний.

Двор аменокала, «верховного вождя» — отголосок сказочного средневековья в самом сердце Сахары. Однако на первый взгляд он похож на обычный лагерь бедных кочевников пустыни и трудно представить себе, какие неожиданности здесь скрываются.

Шатер, где живет аменокал, самый обыкновенный и ничем особенным не выделяется, хотя сшит из сотни шкур и растянут на десятке кольев двухметровой высоты. Внутри он просторен; до 30 кв. м. Разбросанные в живописном беспорядке шкуры диких животных, ковры, холодное и огнестрельное оружие, щиты, огромная ступка для проса и фиников, седла, чересседельные мешки, бараньи рога, где хранят масло, и большой барабан — вот те предметы, которые находятся в шатре. Позади шатра в двух больших ямах хранятся запасы зерна: это царские хранилища. Чуть подальше — обширное, окруженное живой колючей изгородью пространство, царские конюшни, где содержатся самые красивые верблюды и мехари из стада, принадлежащего племени.

Однако больше всего поражает контраст между столь скромной внешней обстановкой и царственной атмосферой,

которой окружен аменокал. Он абсолютный монарх и вступает на престол согласно наследственному праву, по которому верховная власть после смерти аменокала переходит к его брату; при отсутствии родного брата — к двоюродному, а если таковых не имеется, к старшему сыну старшей сестры.

Главы знатных семей собираются на совет и утверждают кандидатуру нового аменокала. Затем последний принимает клятву на верность и подношения племен-вассалов в виде шкур, соли, зерна, масла, коз, верблюдов. Кроме того, все караваны, пересекающие территорию племени, обязаны платить натурой аменокалу пошлину за проезд, а еще недавно каждый воин должен был вносить подать своему вождю по 5 французских франков.

Знатные семьи также платят суверену дань, которую, впрочем, возмещают за счет своих вассалов.

Огромный барабан, находящийся в шатре аменокала, служит символом царского достоинства. Его сдержанная барабанная дробь слышна лишь по случаю начала войны, заключения мира да еще тогда, когда царь вершит правосудие.

Как у любого знатного воина, у аменокала есть свои оруженосцы, обычно чернокожие, которые носят за ним его длинное копьё и большой прямоугольный щит.

Но даже все эти полномочия и почести не гарантируют аменокалу спокойную жизнь. Не говоря уж о набегах и сражениях с соперничающими группировками и племенами, а также с изгнанными инакомыслящими, царь, по традиции, будучи верховным военным вождем должен лично участвовать в этих сражениях. Совет знати может сместить аменокала, если он не способен повелевать или окажется не слишком храбрым. Аменокал обязан также вступать в поединок с членами царской семьи, претендующими на престол. Кроме того, нередко его положение зависит от воли или капризов придворных женщин, которые пользуются громадным влиянием на совет знати. Все это приводит к тому, что практически аменокал окружен бесконечными придворными интригами и, если хочет удержаться на троне, должен проявлять большую изворотливость. Добавим к этому, что монарх не может отдавать прямые распоряжения; они должны пройти через амраров, т. е. знатных советников, которые не всегда соблюдают его интересы.

Каста имохар, состоящая из самых богатых владельцев скота и зерна, — аристократический класс, в чьих руках была сосредоточена вся власть: за этими отборными воинами стоят их вассалы и слуги.

Наконец, очень важную роль у туарегов играет класс инислимен, т. е. святых людей, или марабутов пользующихся религиозной властью.

Когда я ехал по Центральной Сахаре в район Ахаггара, направляясь к Аиру, с машиной что-то случилось. Это

заставило меня искать пристанища в лагере туарегов тайток, чьи козы и верблюды паслись и скудном пастбище на дне пересохшего уэда.

Я предложил аменокалу немного риса и чая. За это он принял меня от имени всего племени и отдал вмесе со мной «визит вежливости» всем своим соплеменникам, обходя палатку за палаткой. В небольшой естественной пещере, куда не удавалось пробиться даже яркому солнечному свету, сидели на корточках два человека. Они были без шеша (покрывала, которым закрывают лицо), с бритыми головами и что-то мастерили с помощью металлических инструментов.

Я заинтересовался их работой и хотел подойти поближе. Однако аменокал резко остановил меня, молча, но выразительно демонстрируя свое отвращение к этим «парням».

— Это всего лишь инеден, — добавил он на языке тамашек, — они приходят неизвестно откуда и, кроме того, прелюбодействуют с рабынями.

Затем он широким жестом пригласил меня в свой шатер. Там аменокал объяснил, что заинтересовавшие меня ремесленники-евреи из Ахаггара сопровождают племена туарегов. При его племени живут 14 таких ремесленников.

— Мои предки, — сказал вождь, — обращались с ними как с рабами, я же отношусь к ним как к свободным слугам. Они делают для меня вещи, которые мы сами не умеем делать, а живут на то, что получают от меня, и благодарят Аллаха всемилосердного.

На следующий день, пока мой шофер-шаамба пытался вызвать в машине желание продолжать путешествие, мне удалось немного — правда, незаметно, чтоб не обидеть хозяев, — понаблюдать за ремесленниками; одни стучали по наковальне, другие раскрашивали кожу. Я увидел, что эти столь презируемые люди весьма изобретательны. У них имелась сумка с набором небольших хитроумных металлических инструментов, которыми они ловко пользовались, нанося на кожу узор, а также для удаления зубов и, кажется, даже трепанации черепа. Они выполняют и роль парикмахеров племени. Как и в средневековой Европе, в современной Сахаре ее суеверные жители считают, что столь необычные способности идут от сверхъестественных и демонических сил — следовательно, этих людей надо опасаться и проклинать.

Ремесленники внушают своим хозяевам такой сильный ужас, что те при встрече уступают им дорогу и затыкают уши, чтобы не слышать их песен, причем мужчины боятся дурного глаза, а женщины бесплодия.

Инедены говорят на непонятном диалекте, который напоминает язык евреев Туата.

Нелегко определить происхождение инеденов. Может быть, они потомки тех ливийских племен, которые в пуническую, римскую и византийскую эпохи населяли Центральную Сахару и создали в пустыне подлинную цивилизацию. Генеалогия некоторых из них, возможно восходит к

Моисею и к эпохе Книги бытия, где они фигурируют под именем лехабим, тогда как в Библии они названы лубим. Это имя в египетских надписях XIX династии засвидетельствовано в форме "лебу". Но были ли эти ливийцы палестинскими евреями, пленниками Египта, перебравшимися затем в страну гарамантов (нынешний Феззан), или же коренными жителями Сахары, принявшими иудаизм, сказать невозможно.

Привилегированная роль женщины. Если говорить о жизни женщин Сахары, то у туарегов она раскрывается с наиболее удивительной стороны, более нигде не принятой в мусульманском мире.

Чтобы понять роль женщины в туарегском обществе, следует прежде всего вспомнить, что, согласно легенде, этот народ происходит от знатной женщины по имени Тин Хинан, о которой написано много сказок и раманов. Но эта легендарная личность стала исторической после того, как неподалеку от Абелессы в кургане доисламской эпохи были найдены и идентифицированы ее останки. Оказалось, что «царица туарегов» действительно существовала. Ее образ вдохновил Пьера Бенуа на создание знаменитой «Антинои».

Гордые и очень красивые, наследницы Тин Хинан сохранили благородные и властные манеры, отличающие их от женщин других мусульманских стран. Став ныне полноправными гражданками молодой Алжирской республики, туарегские женщины остались такими же, как

их описывал Лев Африканский: «Эти дамы весьма любезны в разговоре, они охотно подают вам руку...»

Непринужденность женщин Сахары неизменно удивляла и удивляет арабов, как путешественников средневековья, так и чиновников молодой Алжирской республики, не привыкших к подобному поведению своих жен.

Социальные институты туарегов защищают то привилегированное положение, которое занимает женщина в их обществе, а ее полная независимость, особенно до замужества, воспринимается мужчинами как нечто само собой разумеющееся. В противоположность остальному исламскому миру туареги вовсе не ставят себя выше своих жен, а относятся к ним с глубоким уважением и почтением...

Туарегская женщина самая свободная среди всех мусульманок (она пользуется даже большей свободой, чем многие европейские женщины, как я сам мог в том убедиться). Мужчина женится не для того, чтобы пользоваться своей женой как вещью, а чтобы создать семью и окружает ее заботами и любовью.

Так, например, женщина после родов расстается с мужем на сорок дней. Когда же она, возвращается, муж дарит жене новую одежду и сандалии, а также украшения, подчеркивая этим свое уважение к ней как к матери. Нужно сказать, что материнство пользуется у туарегов величайшим почетом.

Воспитание детей, как мальчиков, так и девочек, целиком доверяется матери, тем более что туарегские женщины образованнее мужчин. Действительно, почти все они умеют читать и писать на тифинаг — языке, близком к древнеливийскому и имеющему свой собственный алфавит. Тифинаг ныне употребляется только туарегами, но туареги-мужчины уже чаще пишут и говорят по-арабски в ущерб берберскому. Те же, кто знает только берберский язык, передают его на письме арабскими буквами. Таким образом, именно женщины — хранительницы языка предков — не позволили ему превратиться в мертвый язык.

Наблюдая за хлопотами женщин в туарегском лагере, выносишь определенное впечатление, что они более развиты и умны, чем мужчины... тем более что последние закутаны в покрывало, а женщины всегда ходят с открытым лицом. Как это ни забавно, но во время моих двух поездок в страну туарегов я ни разу не видел ни одного мужского лица, тогда как в общении с женщинами у меня не возникало никаких затруднений.

В этом сахарском обществе, полностью подчиненном обычаям, одна неожиданность сменяет другую: девочка пользуется всеми теми преимуществами, которые в остальных мусульманских странах предоставляют только мальчикам; к тому же она получает более полное образование. Женщины любовно и терпеливо передают ей множество практических навыков. Для начала она берет уроки кулинарии, впрочем весьма простые, а также

знакомится с растительным миром Сахары, чтобы научиться отличать съедобные растения от ядовитых. Кроме того, ее учат шить, штопать, прясть козью шерсть, выделывать кожу, разбивать палатку, причесывать мужчин и женщин.

Позднее столь же заботливо начинают заниматься культурным развитием девочки. Мать учит ее писать и читать на тифинаг, обучает Корану и молитвам, стихам и декламации и — что очень ценится в туарегском обществе — игре на амзаде, однострунной скрипке.

Этот музыкальный инструмент — опаснейшее «оружие» в руках туарегской женщины. С его помощью он заставляет слушателей любить ее, желать, добиваться приглашать, ухаживать за ней; но самое главное — он может умолять и карать. Действительно, муж или возлюбленный, который ведет себя не лучшим образом, не может избавиться от страха перед тем, что, вернувшись в свою палатку либо отправившись вечером на ахал, не услышит от жены или своей любимой возбуждающих звуков амзада. В свою очередь, надежда на то, что женщины сыграют для него на своей волшебной скрипке, пробуждает в нем мужество и чувство соперничества, делает послушным и ласковым в отношениях с ними. Такова власть музыки над сердцами тех, кого называют «грабителями пустыни».

Когда девочка достигает половой зрелости, отец устраивает в ее честь праздник и дарит одежду, полагающуюся молодой девушке.

Для туарежкой семьи характерна личная свобода всех ее членов, чувство взаимного уважения и духовный союз. В ней скорее наблюдается сходство с европейской, нежели с классической мусульманской семьей.

Еще один важный момент, отражающий привилегированное положение туарегской женщины по сравнению с остальными мусульманами, заключается в том, что сахарская девушка имеет право сама по своему желанию выбрать себе спутника жизни, причем влюбленным позволено встречаться до свадьбы. Вопреки Корану обычай разрешает туарегской женщине отвергнуть своего мужа и потребовать развода с ним. Чтобы освободиться от брачных уз, женщине достаточно обвинить своего мужа в том, что он плохо с ней обращается, пренебрегает своими супружескими обязанностями, недостойно ведет себя или не уплатил приданого.

Туареги считают достаточно серьезной причиной для развода несходство характеров супругов. Однако надо сказать, что разводы нередко происходят по решению одной женщины, принятым ею против воли мужа.

Более того, чтобы не ждать три месяца — предписанного Кораном срока перед новым замужеством, женщина пользуется чрезвычайно удобным народным поверьем. К подножию дерева, в котором, как говорят, живет добрый дух, она кладет подношения. Он "соблюдает" вместо нее воздержание в течение трех месяцев, она с легким сердцем возвращается к свободной жизни, т. е. к состоянию ахсри.

Даже самый характерный для туарегов обычай является одним из своеобразнейших проявлений свободы, которой пользуется женщина в этом обществе. Я имею в виду ахал. Так по-берберски называются посиделки, нечто вроде вечеринки туарегской молодежи (наши вечеринки не столь поэтичны, но более приличны), почти каждый вечер устраиваемые женщинами, свободными от всяких семейных уз. Здесь поют, беседуют, играют на амзаде, сочиняют стихи и поэмы; на посиделках присутствуют молодые люди обоего пола.

Приглашение подростка принять участие в ахале расценивается как признание его мужчиной. Он готов любой ценой добиться этого приглашения. А чтобы выглядеть лучшим образом в любовных стихах и рассказах, прославляющих его персону, да еще вызвать заинтересованный или даже восхищенный взгляд одной из музыкантш, он готов один сражаться против целой армии руми (так туареги называют европейцев).

Ахал - один из пережитков древних языческих ливийских обрядов, не поддавшийся исламизации.

Если туарегская женщина желает понравиться мужчине, она становится весьма кокетливой и прибегает к различным эстетическим ухищрениям, которые, правда, европейцу кажутся спорными.

Понаблюдаем за туалетом молодой женщины, собирающейся в шатер, где происходит ахал. Она не носит шаровар, подобно арабке, а наматывает вокруг бедер длинную белую юбку и надевает очень яркую кофточку у или же закутывается в гандуру, нечто вроде длинной белой туники, закрывающей все тело.

Ноги она обувает в деревянные сабо или сандалии, которые держатся благодаря кожаным ремням и напоминают те, что носили еще римляне.

Затем она долго гримируется: наносит на лицо мелкие рисунки охрой, красит порошком индиго губы и десны, а чтобы придать взгляду большую выразительность, обводит глаза широкой синей полосой. Затем настает очередь волос, предмета самых тщательных забот. Сначала туарегская женщина чистит их песком или золой, затем, чтобы вернуть им блеск, смазывает прогорклым маслом и расчесывает каждую прядь.

И наконец, заплетает прелестные косички, искусно укладывая их вокруг головы,— каждая, кстати, делает это по-своему. У некоторых племен женщины покрывают головы цветными платками (или, нередко, широкополыми соломенными шляпами, защищающими от палящих лучей солнца).

Все женщины, от самой смиренной имрад (низшая общественная группа, класс пастухов) вплоть до гордой имохар (класс аристократии), украшают себя драгоценностями из массивного или чеканного серебра —

перстнями, многочисленными браслетами, массивными кольцами в ушах, бусами с подвесками. Туареги никогда не носят золотых украшений. А. Лот объясняет это тем, что, по их мнению, золото развращает душу человека и приносит несчастье.

Среди украшений, переходящих от матери к дочери всегда имеется ожерелье, которое носят, почти все туарегские женщины. Это подвеска на серебряной чеканной цепочке в виде двух венков: один сделан из сине-черного и зеленого стекла, другой имеет овальную сердцевину из слоновой кости, обрамленную небольшими серебряными шестиугольниками. Туарегские женщины носят на шее различные амулеты «на счастье» и кожаный футляр, представляющий собой настоящую дамскую сумочку в миниатюре. Как ни удивительно, но в этом небольшом футляре помещаются маленькие ножницы, косметика, зеркало и кошелек с двумя отделениями,— один для табака (они его нюхают или жуют) а другой для денег.

Теперь пора отправляться на ахал. Он может происходить в любой палатке лагеря, но обязательно где-то вдалеке от родителей и пожилых людей, чтобы молодежь, которая относится к ним с должным почтением, не стесняла себя. Однако хозяйке ахала помогает подруга постарше; ей и поручается возглавить это собрание (мне так и хочется назвать его светским) и сдерживать пыл слишком шумных гостей.

Юноши племени приходят на ахал пешком, разодетые в лучшие наряды, щеголяя вышитыми поясами, красивым

оружием, эфес и ножны которого инкрустированы, а клинок отделан чеканкой. Молодые люди и отдаленных племен, привлеченные славой юной красавицы либо искусством одной из музыкантш, решившие участвовать в ахале, прибывают на верблюдах. Они проделывают верхом не одну сотню километров по Сахаре и по горам, не давая себе отдыха ни днем ни ночью, питаясь толчеными финиками и... надеждой на успех.

В шатре на коврах удобно расположились молодые женщины со скрипками в руках. Каждая имеет одного или нескольких поклонников; они сидят, скрестив ноги, или полулежат, склонив голову к плечу музыкантши,; чтобы лучше слышать музыку, ловя при этом сияющие и страстные взгляды предмета своего поклонения. Другие мечтательно смотрят вокруг и ждут поэтического вдохновения, чтобы сочинять стихи и серенады и посвящать их той, к которой стремится их душа. Третьи вглядываются в лица возможных соперников и стараются припомнить обидные для них подробности, касающиеся их отношения к девушкам, особенности поведения в повседневной жизни, в сражении, манеры одеваться и т. п. — и все это только для того, чтобы развенчать соперников в глазах красавицы.

Но самое интересное заключается в том, что эти словесные дуэли, где могут прозвучать самые сильные оскорбления, самые резкие обвинения, не кончаются ни драками, ни спорами, и даже не оставляют обиженных.

Таково рыцарское правило игры, принятое всеми ее участниками; в то же время никто из них не чувствует себя

униженным, если потерпел поражение. Более того, соперники, не умеющие достойно отвечать и скрывать свою страсть или ревность или же повышающие голос и употребляющие грубые выражения, неуместные в подобной словесной перепалке, которая, несмотря ни на и что, носит почти дружеский характер, автоматически лишаются права участвовать во всех последующих ахалах.

Как бы то ни было, старшая женщина всегда следит за тем, чтобы не возникало нежелательных последствий, и налагает, если это нужно, небольшие штрафы на тех участников, кто переходит границы или забывает правила вежливости.

Что касается девушек, то своей музыкой, чаще всего сентиментальной, но порою и трогательной, они создают непринужденную и веселую обстановку. Юноши поощряют их возгласами «юю», неистово хлопают в ладоши и подпевают. Все чаще и чаще звуки амзада и пение прерываются взрывами смеха, шутками, выражениями восхищения и комплиментами в адрес музыкантш. Возбуждение достигает своего апогея, и мужчины начинают свободнее проявлять свои чувства: каждый принимается читать только что сочиненные им вирши, импровизировать, причем в стихах, имя девушки никогда не произносится, а только по намекам на какую-то деталь ее внешности или бытовую подробность можно догадаться, кому они адресованы. Женщины начинают покидать шатер, и каждая приглашает своего избранника следовать за ней подальше от посторонних взглядов.

Туарегская девушка никому, даже родителям, не обязана отчитываться за свое поведение, но после замужества она становится верной, преданной женой.

Туареги обладают особой настроенностью чувств и ума, что часто придает возвышенный характер их стихам и песням, не нарушая в то же время их непосредственности и свежести.

Однако специалисту, интересующемуся туарегской поэзией, придется нелегко, так как, не имея письменности, этот народ передает из поколения в поколение все свои произведения устно, через посредство все того же бессмертного ахала.

Я не останавливаюсь здесь на многочисленных стихах, созданных мужчинами и прославляющих воинские подвиги какого-либо отдельного героя или целого племени, смелость и выносливость верблюда; на эпических и романтических легендах об обманутой и безответной любви — все эти темы чаще, чем остальные, отражаются в творчестве кочевников.

Туарегские женщины и здесь, в области литературы, превосходят мужчин самобытностью и разнообразием, являясь наиболее красноречивыми выразителями мира жителей Сахары.

Эти стихи, воспевающие природу с ее ярким колоритом, небесные светила, животных, словом, все, из чего

складывается среда, где рождаются, живут и умирают туареги, изумляют образным смыслом слов. Они приписывают любому предмету, который привлек взгляд и пробудил фантазию автора, человеческие, и даже личные, черты. Вершины гор Ахаггара, вода в источниках и колодцах, дающая туарегам жизнь, газели и шакалы, разделяющие эту с ними жизнь в знойной пустыне, верблюды, их верные друзья и неоценимые помощники, редкие кусты и редкая трава в бесплодных долинах, покрытых песком и камнем, — все это имеет свое название, свое лицо, свою душу и свою историю.

Романтически настроенные девушки превращают эту мертвую и бесплодную пустыню в живописную и сказочную страну; в их воображении она походит на сады Эдема.

Однако более всего туарегских поэтесс и музыкантш вдохновляет тема любви. Она вызывает к жизни каскады рифм — песни, просьбы, заклинания, сожаления; в них звучит мольба, они пылают страстью и полны мечтаний.

Что касается меня, то, побывав на ахале, я убедился, что человеческие переживания везде одинаковы. В 1952 г. я записал и перевел у туарегов тайток, несколько стихотворений, и среди них произведение одной девушки, любовь которой не находила ответа:

Не хочу, чтобы видел ты слезы мои,
чтоб узнал, как томлюсь и горю от любви.

Я на шумном ахале тоскую, дрожу
и амзад выпадает из рук.

Как охотник в засаде, я тихо сижу,
жду, когда ты появишься, друг.

Ты еще попадешься, хоть ты и хитер,
Ты потянешься сердцем в мой тихий шатер,
Хочешь пить? Я источник в пустыне безводной.

Ты озяб? Я тебя отопрею, холодный.

Сердце девушки, сердце влюбленной—
словно в полдень песок раскаленный.

Свадебные церемонии у туарегов изобилуют древними обрядами. Они сменяют друг друга в течение недели, и лишь на восьмой день супруги действительно могут считать себя мужем и женой. Тем временем ставится новая палатка, готовая принять молодую пару; марабут совершает обряд бракосочетания, а одна из самых старых женщин племени произносит необходимые заклинания, изгоняющие из будущей супруги злых духов, которые могут помешать брачному союзу. Затем будущая супруга передает ей пару новых сандалий и входит к своему мужу в палатку. Но и после этого еще много дней продолжаются танцы под звуки флейт, барабанов и амзадов и не прекращаются достойные

Пантагрюэля трапезы и состязания в мужестве и ловкости среди воинов племени, к которому принадлежат молодожены.

В замужестве туарегская женщина остается свободной и продолжает пользоваться большим уважением.

Вместе со своим мужем туарегская женщина принимает участие в мужских собраниях и советах, происходящих в палатках; она имеет право высказывать свое мнение по вопросам, касающимся ее семьи и всего племени. Больше того, к ее мнению прислушиваются. Нередко женщины прекращали ссоры и споры, встав между противниками, уже готовыми взяться за оружие.

Муж пользуется правом покарать, даже убить неверную жену, но и жена вольна развестись с ним. Для этого ей достаточно отправиться к дереву *Maegua crassifolia* и, сложив под ним ритуальные подношения, громко объявить соплеменникам о своем желании быть свободной. Такая свобода женщин, так же как и обычай, согласно которому муж обязан в течение года жить среди родственников жены, прежде чем увезти ее, восходят к древней форме матриархата.

Экономические перспективы Ахаггара. Уже французская оккупация привела к значительному сокращению традиционных источников, откуда туареги черпали средства к существованию. Колониальные власти отменили право туарегов взимать пошлины с караванов, проходящих через их территорию. Был положен также конец грабительским набегам, а ведь племени удавалось иногда продержаться в течение целого года только благодаря добыче.

Кроме того, постоянная опасность и угроза нападения со стороны туарегов привели к тому, что главный торговый путь между рынками Северного Алжира и странами, расположенными южнее Сахары, отклонился от Ахаггара. Потеряв в результате этого значительную часть своих доходов, туареги в начале нашего века наладили собственную транссахарскую торговлю. Не располагая местными ресурсами для обмена, они специализировались на перевозках соли, которую брали в Амадроре, северо-восточнее Ахаггара, а затем продавали африканцам Сахеля. Это так называемая меновая торговля. За один груз соли давали четыре груза проса.

Караваны отправляются в Амадрор в апреле — мае, совершая за оба перехода путь в 600 — 800 км. Однако иногда это расстояние увеличивается до 1400 — 1600 км. На обратном пути туареги покупают в Аире седла, оружие, сандалии, сухие сыры и перепродают все это на базаре в Таманрассете.

Обычно караван насчитывает около сотни верблюдов, причем каждый четвертый или пятый верблюд несет груз соли (50 — 60 кг). Считают, что в этой торговле ежегодно занято от 3 до 4 тыс. верблюдов. Столь архаическая торговля возможна ныне лишь благодаря решению правительства, запретившему перевозить соль грузовиками и оставившему этот источник дохода кочевникам.

По возвращении домой туареги складывают просо в небольшие личные глинобитные хранилища. Просо здесь потребляется в огромных количествах. Поскольку

сельскохозяйственные районы Ахаггара производят главным образом пшеницу и ячмень и мало проса, то местное население предпочитает продавать либо обменивать пшеницу. Поэтому следующий караванный поток увозит часть урожая пшеницы в Джанет, прежде всего в Тидикельт, где его обменивают на финики, из которых тут же, чтобы уменьшить вес груза, вынимают косточки.

Однако эта меновая торговля сейчас значительно сократилась, так как были проложены новые проезжие дороги. Перевозки же зерна и фиников грузовиками теперь не запрещены, а только несколько ограничены.

Итак, туарег помимо продуктов, которые ему дает скот, питается просом, выменивая его на соль, и финиками, получаемыми в обмен на пшеницу. Второй постоянный источник дохода туарегов Ахаггара — скотоводство. Действительно, все племена кель-ахагарв совокупности владеют в настоящее время стадам из 10 — 12 тыс. верблюдов, а также огромным количеством черных коз, с трудом находящих себе скудное пропитание на крутых склонах массива и на дне высохших уэдов.

Именно коза, как и 3 тыс. лет назад, продолжает кормить потомков гарамантов. В среднем она ежедневно дает от одного до двух литров молока. Приблизительно половину его выпивают, а остальное перерабатывают либо в очень твердый сыр, годный для длительного хранения, либо в уди (мягкое масло), в которое - чтобы оно не портилось — добавляют какую-то сахарскую траву.

Почти все потребляемое туарегами мясо, сырое и высушенное на солнце, — конина.

Овцы пасутся рядом с лагерем под присмотром малолетних пастухов, но верблюдам пастбищ в Ахаггаре не хватает. Их стада, особенно в засушливые годы, гонят почти до Тамесны в Нигерийском Аире и до Адрар-Ифорас в Республике Мали.

И тогда мужчины на несколько месяцев оставляют лагерь. Вот почему путешественники, оказавшиеся в Ахаггаре, часто застают в туарегских палатках одних только женщин, детей и стариков. «Ковбои» же необъятных сахарских просторов до своего возвращения в лагерь проходят более тысячи километров.

Теперь, после получения независимости и раздела территории Сахары между молодыми государствами, туареги Ахаггара платят пошлину Республике Нигер, если они собираются пасти своих верблюдов в Аире, поскольку туареги кель-ахаггар стали отныне гражданами Алжирской Народной Демократической Республики, то в Нигере они иностранцы. А кроме того, для своих животных они берут воду из колодцев, пробуренных жителями Нигера, и пользуются пастбищами, которые по праву претендуют туареги Нигера.

Это положение еще больше усложнилось за последние года, так как поголовье скота туарегов Нигера значительно возросло. В то же время у кель-ахаггар давно вошло в

привычку вообще не перегонять свой скот обратно в Ахаггар, а пасти его в Нигере, в районе Тамесны.

В независимом Алжире в некоторых долинах Ахаггара начали складываться земледельческие центры, где селятся бывшие чернокожие рабы. Чтобы добраться до воды под руслом уэдов, они оборудуют сложные гидравлические установки — фоггара. Эти земледельцы становятся настоящими исполщниками туарегов; при этом либо туарег за свой счет разводит фруктовый сад, снабжая земледельца орудиями труда, семенами и просом для пропитания и получая в обмен на это $4/5$ урожая ячменя и пшеницы, либо арендатор сам добывает себе пропитание и семена; в этом случае он отдает хозяину-туарегу лишь половину снятого урожая.

Почти все обрабатываемые земли, занимающие всего несколько сот гектаров, расположены вокруг Атакора. Если бы и в других районах Ахаггара началось подобное освоение земель, пусть даже частичное и постепенное, то, возможно, в настоящее время чрезвычайно бедная экономика туарегов несколько улучшилась бы.

Ведь жизненный уровень этих легендарных воинов-кочевников один из самых низких на земном шаре! Туарег имеет в среднем 150 кг зерна или фиников и немногим более тысячи старых франков в год на все свои покупки, включая сахар и чай.

Что касается кустарного промысла, то и здесь экономические возможности Ахаггара чрезвычайно ограничены. Не так давно алжирские власти организовали в Таманрассете небольшой ремесленный центр. Его цель — познакомить туристов с местными изделиями Ахаггара и в то же время повысить заинтересованность самих туарегов в подобного рода деятельности.

В настоящее время в племенах кель-ахаггар имеются две разновидности кустарных промыслов: семейное производство, которым заняты женщины в своих палатках, или слуги и мужчины, и профессиональное производство инеден.

Прежде женщины сами изготавливали почти всю деревянную и кое-какую плетеную хозяйственную утварь.

Ныне же образовалось два мощных торговых потока: первый идет с севера и связан с торговцами из Гардаи, Метлили; второй — с юга, из Агадеса, Тахвы, Зиндера.

Торговый обмен между Алжиром и Суданом привел к обратному потоку товаров из Судана в Алжир; отсюда теперь и идет снабжение племени кель-ахаггар предметами ремесленного производства, которыми они привыкли пользоваться.

У самих кель-ахаггар нет определенной отрасли, на которой они, могли бы специализироваться в кустарных промыслах, за исключением плетеных соломенных циновок, служащих ширмой перед палаткой. Туареги Нигера тоже плетут красивые циновки, но несколько иного вида.

Главное занятие женщин — обработка кожи. Дубленые кожи идут на изготовление бурдюков для воды и молока, мешков для продовольствия, уздечек для мехари, палаток, сандалий. Поскольку поголовье скота постоянно уменьшается, то кочевнику приходится покупать за деньги в других районах, где скота больше, предметы, которые служат украшением упряжи и дают удобства в шатре.

Если семейный кустарный промысел — это изготовление простых хозяйственных предметов, то не так обстоит дело у профессиональных ремесленников, инеден. Первоначально они изготавливали различное оружие: мечи, железные копья, дротики, кинжалы, щиты и продавали их в Европу. С появлением огнестрельного оружия ремесленники перешли на производство ножей, употребляемых для жертвоприношения животных и для бритья. Кроме того, они делают и чинят всевозможные металлические предметы, необходимые в быту: мотыги, серпы, топоры...

Ремесленники изготавливают классические украшения туарегов: большую нагрудную подвеску треугольной формы, браслеты, кольца, серьги, коробочки для амулетов. Эти украшения сделаны из массивного серебра в виде пластинок или чеканки. Их геометрические рисунки обычно похожи один на другой.

Обработка дерева мало распространена из-за отсутствия подходящего материала. Большинство предметов домашнего обихода, в том числе ступки, блюда, ложки, поставляют торговцы из Судана. Кроме того, они теперь

предлагают по доступным ценам и скобяной товар, который привлекает покупателей своей новизной.

Жены ремесленников заняты только дублением кожи, из которой плетут шнурки и шьют мешочки для амулетов, женские и седельные сумки, бумажники... Они прядут также козью шерсть и делают из нее веревки или парадные сбруи для мехари.

Поскольку женщины кочевников и сами очень искусно обрабатывают кожу, то они редко прибегают покупке предметов, изготовленных женами ремесленников. Их приобретает главным образом африканское население сельскохозяйственных районов, жители Таманрассета, торговцы, перепродающие их в своих лавках, и туристы.

Фактически предметы домашнего обихода в большинстве своем изготавливаются не здесь. Вся жизнь туарегов, все их традиции и обычаи, типичные для скотоводов, связаны с Суданом, который благодаря своему климату, разнообразным ресурсам и большим городам остается для них главным полюсом притяжения.

Пользуясь покровительством властей, туареги долгое время продолжали вести свободную и беззаботную жизнь. Однако с исчезновением основных источников дохода — скота едва хватает, чтобы прокормиться, караванная торговля страдает от конкуренции грузовиков, в сельскохозяйственных центрах все труднее найти арендаторов для обработки земли — их положение меняется.

Но в то же время запросы туарега растут. В лавках Таманрассета он видит всевозможные новые для него

предметы, вносящие изменения в его доселе скромную жизнь, и, естественно, хочет их приобрести.

Однако новые занятия уже стали уделом других слоев населения: жители Мзаба, владеющие грузовиками и лавками, монополизировали современную торговлю, более образованные арабы с севера страны заняли должности квалифицированных рабочих, шоферов, почтовых служащих... харратины устроились разнорабочими на стройки. То же самое пытаются делать и некоторые бывшие рабы туарегов, а это может лишить племена кель-ахаггар всех их пастухов, погонщиков караванов и слуг.

Чтобы остановить процесс хозяйственного упадка, были выдвинуты предложения, предусматривающие повышение низкой рентабельности скотоводства. Для этого необходимо в самом Ахаггаре иметь достаточное количество пастбищ, чтобы не перегонять верблюдов в Тамесну. Используя относительно частые скопления туч над Атакором, предполагается вызывать искусственные дожди. В свою очередь, обсерватория Таманрассе

та оборудовала в Атакоре сеть дождемеров, которая будет давать туарегам сведения о количестве осадков, что позволит упорядочить использование пастбищ. Все эти предположения находятся еще в стадии эксперимента, но они представляют большой интерес, поскольку не требуют слишком больших перемен образа жизни кочевников.

В Ахаггаре открыли для них школы, тем самым сделав первые шаги по пути организации там школьного обучения. К сожалению, это мероприятие оказалось слишком дорогостоящим, поскольку число детей школьного возраста

не превышает десяти человек на одного учителя. Пока работают всего две школы для кочевников, одна в лагере аменокала, вторая — в Тамесне.

Школьное обучение перенесено главным образом в земледельческие центры.

Хотя на первый взгляд туареги кель-ахаггар по-прежнему остаются все теми же великолепными, воинственными и свободными кочевниками, на самом деле их образ жизни из-за происходящих глубоких перемен меняется.

Этническая группа туарегов утрачивает свою самобытность, ибо во внешних сношениях ее язык вытесняется арабским или французским; богатая эпическая поэзия уходит в прошлое вместе с войнами; наконец, туареги, не имеющие многочисленного потомства, становятся свидетелями увеличения численности харратинов и арабов, отличающихся более высокой рождаемостью, которые перебираются в Ахаггар. В целом «низшие» слои прежней иерархии Ахаггара начинают превосходить своих бывших хозяев по богатству и техническому оснащению.

Кроме того, кочевая жизнь, прежде представлявшая собой силу туарегов, становится причиной их отсталости, так как они с трудом приспособляются к оседлости и требованиям современной жизни.

Проблемы, связанные с туарегами Ахаггара, носят в некоторой степени еще и психологический характер благодаря складу мышления, типичному для кочевников; они большей частью остаются равнодушными к переменам,

которые пришли в Сахару следом за технической революцией широким распространением цивилизации.

ТУАРЕГИ ТАССИЛИН-АДЖЕРА

Путешественник, пересекающий Тассилин-Аджер севернее Джанета (между Форт-Гардель и Форт-Тарат), поражается необычайно дикому характеру окружающего пейзажа. Эта область представляет собой огромное плоскогорье, на котором природе, очевидно, вздумалось необузданно нагромождать всевозможные рельефы. Обширные пространства плоских плит песчаника сменяются громадными глыбами сожженных солнцем скал. Их причудливые очертания вырисовываются на фоне неба лишенными жизни силуэтами, нередко напоминающими древние развалины. Наконец, в глубоких ущельях проложили свои обрывистые русла редкие уэды.

Тем неожиданнее выглядит на этом суровом фоне чудесный оазис Джанет, выросший на тассилинских песчаниках: это огромный цветущий букет среди обуглившихся гор.

Растительный мир Тассили в последнее время стал значительно беднее; этот процесс длился годами: на смену исчезающей зелени постепенно пришли какие-то тщедушные кусты, которые местные жители называют тальха. В то время как в районе Джанета появилась еще

одна разновидность кустов с широкими листьями и белым соком, в Тассилин-Аджере постепенно исчезают последние экземпляры кипарисов. Однако не следует забывать об одном очень важном для сельского хозяйства Тассили факторе: это стихийная растительность, которая после ливней возникает в буквальном смысле слова из-под земли. Нельзя поэтому спорить, что почва Тассили неукоснительно враждебна растительному миру. На самом деле всюду, где есть источники воды и где земля обрабатывается, возможно земледелие. Доказательство этому — финиковые пальмы, огромное богатство Сахары в районах между Лагуатом, Гардаей, Уарглой, Форт-Флаттерс и Джанетом.

В оазисе Джанет насчитывается 57 тыс. пальм, из которых 58 тыс. плодоносят и дают в среднем по 30 кг фиников в год на каждую пальму, что приносит ежегодный урожай в 950 т.

И то же время возможности пальмовых рощ не ограничиваются тем, что получают от финиковых пальм; были сделаны попытки, удобрив известью слишком богатую кремнеземом почву, разводить в тени деревьев различные однолетние культуры. Так, в Джанете под пальмами рядом с пшеницей, ячменем и просом растут зеленый горошек, фасоль, помидоры, лук, капуста, картофель, сладкий перец, морковь, репа, салат и даже цветы.

Кочевое и оседлое население в оазисе Джанет.

Человек знает: ничто не должно пропадать там, где природа не слишком к нему щедра. Поэтому, подрезая пальмовые деревья, он преследует двойную цель: прежде всего, чтобы обеспечить постоянным кормом свои стада и тем самым дополнить то, что дает спорадически возникающая стихийная растительность, и затем использовать в качестве топлива ветки, которые он очищает от листьев, а потом сушит. Если срубают целое дерево, его ствол идет на оборудование колодцев или на плотницкие работы.

Население Тассили (помимо расовых различий между берберами, арабами и чернокожими) делится на две большие категории: кочевников и оседлых жителей.

Кочевое население как с физиологической, так и с социологической, психологической точек зрения сумело приспособиться к этой враждебной всему живому среде. Действительно, несмотря на свою хрупкую внешность, кочевники отличаются крепким телосложением.

Их физиологическое строение и характерная для них худоба не случайный факт, а результат воздействия среды.

То же самое наблюдается и в плане психологическом, ибо изолированность кочевника приводит как бы к некоторому обособлению личности. Этой стороной нельзя пренебрегать теперь, когда встает вопрос об изменении положения

кочевников или о включении их в рамки современного общества, в основе которого лежит необходимость труда и улучшения условий жизни.

Жилище кочевника также отражает его обособленность. До крайности упрощенное, оно состоит почти исключительно из переносных палаток, изготовленных из верблюжьей шерсти.

Оседлые жители, вышедшие из той социальной группы, которая в прошлом так долго находилась в зависимости от кочевников, - теперь строят, в частности в Джанете, небольшие глинобитные дома с плоскими крышами и узкими окнами. Их обстановка самая простейшая, но еще чаще она и вовсе отсутствует. Правда, дом служит хозяевам только в зимнее время. Летом им дает приют маленькая тростниковая хижина, поставленная посреди пальмовой рощи.

Оседлое и кочевое население, исповедующее мусульманскую религию, относится к приезжим сдержанно может быть из-за того, что не желает усугублять свое стесненное положение, но это не делает их менее гостеприемными. К природным условиям, которые изолируют их от какого бы то ни было воздействия современной жизни, добавляется тот факт, что их язык, тамашек, не имеет ничего общего с другими языками Северной Африки.

Пища местных жителей невзыскательна: это молоко, финики, иногда сушеное мясо муфлона, кускус ...

Население оазисов питается в основном просом и сыром местного изготовления (ладджера). Овощей выращивают немного и продают их на месте. Правда, постепенно увеличивается количество сортов ранних овощей.

Больше всего распространены помидоры и картофель.

В качестве курьеза стоит заметить, что яйца здесь не употребляют в пищу, хотя при рациональном птицеводстве они могли бы значительно улучшить питание.

Способ ведения хозяйства регулируется обычаями. В Джанете семья обрабатывает землю, которая считается ее владением. Теоретически земля не принадлежит никому, она не покупается и не продается. Все домашние работы ведут женщины.

И все-таки кочевник приобщается к промышленному труду. Нефтедобывающие компании набрали много местных жителей для работы на нефтепромыслах в бассейне Полиньяк.

Хотя за последние годы поголовье скота несколько уменьшилось, предпринимаются попытки его постепенного, восстановления, сочетающиеся с мерами по развитию птицеводства в Джанете и в Ин-Аменасе.

Восстановление поголовья и сохранение пород скота требуют не только проведения определенной системы мероприятий; но и персонала, знающего методы разведения и сохранения домашних животных. Однако число специалистов весьма ограничено. Для разрешения этой трудности в префектуре Оазисов намечено создать школу пастухов, выпускники которой приобретут навыки по

уходу за животными и сумеют делать им прививки при угрозе эпизоотии. Борьба с болезнями животных поможет жителям Сахары обеспечить себя мясом, тогда как его еще продолжают ввозить из соседних государств, расположенных южнее Сахары.

Дикая фауна представлена прежде всего муфлонами в Тассили и газелями в районе Амгида, Тарата и Полиньяка.

Торговля связана с большой подвижностью кочевников. Жители Аджера отправляются в соседние южные страны (Ливию, Нигер, Судан) и продают там финики и соль. Привезенные из Ливии чай, сахар, кофе обмениваются в Судане на овец, составляющих основу местного животноводства.

Отметим, что товары фабричного производства и консервы в торговом обороте встречаются нечасто, большие расстояния затрудняют их перевозку. Что касается изделий мелкого местного производства, кое-где из верблюжьей кожи изготавливаются различные бытовые предметы. Из шерсти ткнут джеллабы, либо, чаще, она представляет главную статью обмена на ткани, ввозимые из стран, лежащих к югу от Сахары.

Следует заметить, что возможности обмена по прежнему ограничены, а объем меновой торговли невелик. Самое большее, о чем здесь можно говорить, это об обмене в рамках обычного натурального хозяйства, которое ни в коей мере не отвечает требованиям повышения жизненного уровня.

Даже в самые благоприятные годы возможности тассилийской почвы явно недостаточны для того, чтоб удовлетворить потребности населения. Собираемый земледельцами урожай фиников и зерновых минимален, а поголовье скота, как мы видели, незначительно.

Поэтому уже с очень давних пор местные жители получают дополнительное продовольствие частично в ливийском Феззане и в Нигере, частично в Тидикельте и в Ахаггаре. В сахарские районы независимого Алжира товары первой необходимости, доставляются теперь самолетами из столицы или на грузовиках из Уарглы.

Тем не менее кое-какие караваны, как и в старину, продолжают заниматься торговлей к Феззаном. С сентября по январь они направляются в районы Гата, Мурзука и Гатруна. Там кочевники покупают огромное количество фиников, а также немного зерна и растительного масла. Иногда они продают верблюдов приобретая взамен примерно 200 т зерен и фиников. Количество верблюдов, совершающих это путешествие с запада на восток, постоянно уменьшается — то ли из-за трудностей пути без воды и пастбищ, то ли из-за строгой таможенной проверки введенной алжирскими властями.

То же самое относится и к существующей издавна меновой торговле с Нигерам. В ней участвуют сейчас всего три племени туарегов Аджера: иссакаморен, имокарассен и кель-джанет.

Иссакаморен перевозят в Нигер соль из Ахаггара, имокарассен — финики из Эль-Барката а Джанета, а кельджанет — часть своего урожая. В обмен на это они привозят в Тассили просо, а иногда и пшеницу из Иферуана, главного города Аира.

Что касается будущего меновой торговли, то положение туарегов Тассили не сулит им ничего хогошего:

потребности жителей растут, в то время как местные ресурсы остаются на прежнем уровне, а поголовье верблюдов даже уменьшается. Остается надеяться, что асфальтированное шоссе, которое ныне прокладывается от Уарглы, в ближайшее время дойдет до Джанета, иначе эта огромная часть Алжирской Сахары не сможет выбраться из ужасающей нужды.

Гадамес — берберский город и промежуточная стоянка караванов

После нескончаемого перехода через Хамаду-эль-Хамру, которая в течение двух дней предстает перед путником в виде однообразного каменистого пространства, усеянного скелетами верблюдов, из первых дюн песчаного моря Большого Восточного Эрга внезапно всплывает берберский оазис Гадамес: красные дома с белыми зубцами стен, окруженные пышными пальмами. Это один из самых древних берберских оазисов, к тому же наиболее

характерный для Ливийской части Сахары, и даже для всей пустыни в целом.

Внутри городских стен в прохладной полутьме переплетаются километры улочек. Их население — 2,5 тысячам сахарских жителей, предки которых под теми же сводами встречались с карфагенскими купцами и римскими легионерами.

Гадамес занимает исключительно выгодное положение. Он находится примерно на одинаковом расстоянии от Триполи, Габеса, Джермы и Уарглы. Долгое время Гадамес служил оживленным перевалочным пунктом на караванных путях. Этот оазис, питаемый водами внутреннего источника Айн-эль-Фрасс, известен со времен классической древности, когда он носил название Сидамус. Во все времена Гадамес жил за счет транссахарской торговли и оставался единственным оазисом Центральной Сахары, которому удалось сохранить зависимость от туарегов и объединиться с этими "всадниками пустыни" в свободный союз для перевозки товаров.

Таким образом, жители Гадамеса оказались самыми предприимчивыми людьми в Сахаре; их влияние на торговлю простиралось от Нигера до Средиземного моря, а в Тунисе они основали одну из богатейших колоний. До прихода в Сахару европейцев, вплоть до начала нашего века, торговцы из Гадамеса встречались на всех базарах — как в Судане, так и на побережье.

Жители Гадамеса берберы бени-уазит и бена-улид раньше враждовали друг с другом и жили в окруженных стенами кварталах, ворота которых запирались на ночь. Люди,

жизнь которых проходила в рискованных путешествиях по Сахаре, добравшиеся до самых отдаленных рынков Африки, не отваживались выходить на темные улочки соседнего квартала! Да и сегодня они решаются на это не без опасений.

На маленьких площадях в центре города жители Гадамеса все еще показывают приезжим столбы, к которым привязывали цепью темнокожих рабов — мужчин и женщин. Туареги захватывали их во время разбойничьих набегов на юге и продавали затем на рынке Гадамеса богатым триполитанским работорговцам или берберам, которые использовали рабов для обработки садов в оазисе. Ныне былое процветание, которому вынесли приговор законы, введенные европейцами, живет лишь в памяти сынов Сахары.

Лавочки базара в Гадамесе, выходящие на квадратную площадь, теперь торгуют только сандалиями, зерном, мясом верблюдов и газелей, высокими седлами для туарегских верблюдов, коврами и украшениями из чеканного серебра.

После исламизации Гадамеса, которая была настолько быстрой и радикальной, что его жители возносят сегодня молитвы в одной из самых древних мечетей мусульманского мира, жизнь города распалась на две сферы: мужскую и женскую. Женщины имеют право посещать подземные помещения для омовения лишь с шести до семи часов утра и с пяти до семи часов вечера, и остальное время они работают, прогуливаются, навещают друг друга на плоских крышах домов, кото-рые сообщаются

между собой и остаются их неприкосновенным царством, пронизанным воздухом и солнцем.

На одной из крыш у женщин есть даже свой рынок.

Дома в Гадамесе чрезвычайно своеобразны. Снаружи они все выдержаны в стиле Ахаггара и окрашены светлой охрой, что прекрасно сочетается с естественной окраской Сахары и составляет контраст с ослепительно-белыми постройками остальных ксуров *(укрепленных городов, замков) Северной Африки. Внутри дома общая комната, выполняющая одновременно роль гостиной и столовой, обставлена сундуками из крашеного дерева, устлана коврами и увешана по стенам множеством блестящих медных безделушек. Кстати, подобная обстановка больше нигде в оазисах Сахары не встречается. Узкая каменная лестница ведет, на второй этаж и на крышу.

Пройдя по лабиринту темных улочек и длинных сводчатых переходов к центру города, полного очарования и таинственности, оказываешься у небольшого зеркала воды бирюзового цвета, в котором отражаются пышно разросшиеся пальмы окружающих садов. Это источник Айн-эль-Фрасс, по преданию, начавший бить из-под копыт коня Укбы бен-Нафи, арабского завоевателя, который едва не погиб от жажды... На утренней заре и в сумерках закутанные в синее суданские служанки неслышными шагами спускаются по ступенькам к источнику и набирают из него воду в глиняные кувшины, которые относят своим хозяевам-берберкам.

Когда же наступает ночь и на сахарском небосклоне появляется полная луна, она превращает поверхность этого источника в серебристую гладь сказочной красоты.

Вокруг города расположилось лагерь множество туарегов, которые здесь, в Гадамесе, ведут довольно любопытный и оригинальный образ жизни. Некоторое время назад эти "всадники пустыни» отказались от черных палаток кочевников, но не сменили свои кочевые жилища на дома оседлых жктелей. Одной из самых интересных сторон подобных попыток туарегов Ливийской пустыни перейти на полуоседлый образ жизни является тот факт, что они вернулись, по сути дела, к тем самым неолитическим жилищам, которые 4 тыс. лет тому назад давали приют первым сахарским жителям, как полагают, предкам туарегов. Только в Гадамесе можно воочию увидеть эти круглые или четырехугольные жилища, сложенные из камней и покрытые конической крышей из шкур. Повсюду в других местах Великой пустыни, вплоть до Канарских островов, об их существовании рассказывают лишь наскальные рисунки и древние тексты. Оживление в этот лагерь вносят женщины с гордой осанкой и дети: у каждого мальчика небольшой хохолок на бритой голове. Эти люди донесли из далекого прошлого и сохранили до наших дней не только свой язык, но и обычаи. Туареги из Гадамеса относятся к последним "людям под покрывалом», которые еще бегло пишут на берберском языке, пользуясь алфавитом тифинаг.

В семи километрах от Гадамеса проходит алжирская граница, в пятнадцати — находится крайняя точка тунисской границы, а за дюнами, соприкасающимися пальмовой рощей, тянется нефтепровод из Эджеле в Габес. В Гадамесе сосредоточены самые организованные полицейские силы; они же являются наиболее действенными во всей мусульманской Африке. Кадры полиции набраны исключительно из сахарского населения, а в пограничных частях служат как чернокожие солдаты, так и арабы. Они одеты в безукоризненное обмундирование, в их распоряжении скоростные вездеходы и мощные рации. Полиция держит под контролем караванные дороги и их перекрестки, колодцы и оазисы.

Внутренние области пустыни во всех направлениях патрулируют туареги верхом на своих верблюдах-мехари.

При их выносливости и знании Сахары они способны неделями оставаться в седле, поддерживая силы бурдюком воды и горстью фиников из сумки, привязанной к седлу драмадера. Командование этой полиции сосредоточено в руках высшего офицера, который непосредственно подчиняется только правительству в Триполи. Связь между всеми полицейскими постами в пустыне осуществляется регулярно через каждые полчаса и поддерживается непрерывно в течение 24 часов в сутки.

Гат — оазис туарегов.

Оазис Гат образуют три деревни: Гат, Туинин и Тадрамет. Главный центр состоит из девяти районов, причем

население трех из них благородного происхождения, тогда как в шести остальных живут потомки берберов.

Жители знатных районов принадлежат к группе туарегов-аджер. Возможно, одни из них происходят от гарамантов, в то время как другие — потомки лемтуна, завоевавших Марокко и Испанию. Напротив, рабы (иковарен), получившие ныне свободу, все принадлежат к негроидной расе и в большинстве своем суданского происхождения. Их появление в Гате на службе у хозяев, закрывающих лицо покрывалом, восходит к далекой древности.

Отличительная особенность Гата заключается в том, что здесь издревле постоянно живут туареги. Это единственный город Центральной Сахары, городскую общину которого образуют эти "вечные кочевники».

До отмены рабства Гат был одним из самых процветающих городов Сахары. Как и в Мурзуке, работоторговля составляла неистощимый источник его благосостояния и богатства. Теперь в Гате осталось всего 10 тыс. пальм, около сотни садов и 300 домов, где живет тысяча туарегов вместе со своими подданными. Сотни других, теперь мирных туарегов нередко разбивают палатки у подножия его крепостных стен.

Этот оазис лежит почти в центре обширной впадины, с юга и с запада ограниченной северным и восточным краем нагорья Тассили, с востока ее окаймляет неровная цепь гор Акакус, с севера — группа гор Индинен.

Значительная часть этой впадины засыпана песками.

Пригодную для обработки землю можно найти лишь у подножия небольших скалистых возвышенностей.

Недра оазиса изобилуют подпочвенной водой. Его территорию освежают и орошают сотни источников, а также артезианские колодцы, которые дают жизнь пышным садам, как, например, в Тумине. Вода источников собирается в бассейны, а оттуда по довольно глубоким каналам распределяется для орошения.

Сады Гата — маленькие уголки земного рая. Здесь повсюду растут цитрусовые, виноград, оливки, табак, пшеница, ячмень, овощи и сотни фруктовых деревьев, среди которых особенно много фиговых и гранатовых. В оазисе имеется всего две внушительные постройки: замок с четырьмя башнями и бывшая турецкая казарма. В городе, где все туарегское население занимается одновременно и торговлей и садоводством, сады обрабатывают рабочие (джеббада). В лавочках всегда кипит жизнь.

Строительством занимаются каменщики, выходцы из Туата. Они сооружают дома из высушенных на солнце кирпичей, которые скрепляют с помощью грязи. В этом районе в изобилии встречается белый пористый камень известняк. Куски известняка сваливают в яму и поджигают сложенные поверх них дрова; закончив обжиг, женщины толкут камни в ступах, полученный белый порошок разводят водой и пользуются им для побелки стен.

Кузнецы умеют обрабатывать железо, медь и латунь. Они выделывают серпы, заступы, клинки и ножи, кинжалы, молоты, щипцы для сахара, а также изготавливают всякие замки и запоры, которые невозможно взломать и прочные ключи к ним. Они делают кастрюли и кофейники и умеют даже обращаться с серебром, используя его для мелких украшений.

Столяры, работающие исключительно с пальмовым деревом и тамариском, изготавливают двери, полки для товаров и изредка кровати.

Скорняки шьют сандалии местного фасона и футляры для амулетов, не менее дюжины которых каждый житель Гата всегда носит на себе.

Для окраски шкур они пользуются красящим веществом, смешивая для этого листья хны (*Lausonía Alha*), кору некоторых видов тамариска и корни гидари (*Rhusoxiantha*). Женщины занимаются изготовлением плетеных изделий из пальмовых; листьев: циновок, корзин, подносов.

Помимо этих простых и утилитарных ремесленных работ туареги Гата не проявляют никаких художественных склонностей и не имеют представления об архитектуре, скульптуре, живописи и керамике.

В своих домах туареги хранят оружие предков. Такуба — длинные, прямые, обоюдоострые, мечи с головкой эфеса в форме креста; кинжалы в ножнах из тонко выделанной кожи, которые привязывают к левой руке, метательные копья, сделанные целиком из железа и напоминающие

римский дротик, деревянные копья ахейского стиля, луки и стрелы с наконечником в форме ромба и, наконец, большие прямоугольные щиты из шкур антилоп.

Туареги Гата утверждают, что союз туарегских племен ведет свое происхождение от легендарной прародительницы, пришедшей из Феззана (похоже, что речь идет о принцессе племени лемтуна). Тем не менее почти нет сомнений в том, что класс знати, ихаггарен, который соответствует классу имохар в Ахаггаре, произошел от знатного, или «белого» класса древних гарамантов. Таким образом, в настоящее время они, очевидно, самые прямые и, возможно, единственные потомки «пришельцев с моря», которые явились на своих колесницах и наслоились на неолитический ливийско-берберский элемент местного, пастушеского населения. Введя обработку металлов, письменность тифинаг и более совершенные формы ремесел, они возвели цивилизацию гарамантов на наивысшую ступень ее развития. Это они, вступая в браки с женщинами покоренных берберов, подняли их роль в сахарском обществе, где она, пройдя через века, сохранилась до нашего времени.

Возможно, что туареги даже доверяли отдельным выдающимся женщинам прерогативы царя или по крайней мере аменокала. Примером этого могла бы послужить Тин Хинан, знаменитая «царица туарегов», останки которой Рейгасс обнаружил в погребении доисламской эпохи в уэде Абалесса в Ахаггаре и которая, возможно, жила в IV в. н. э. Определенные аспекты материальной культуры, и среди

них некоторые реминисценции периода гарамантов, почти идентичны у всех туарегских племен, будь то в Гате, Тассилин-Аджерере, Ахаггаре, Аире или Адрар-Ифорасе.

Селение Туинин построено недавно; сто лет назад его еще не существовало. Как и все селения Феззана, оно делится на два квартала: Азар и Сорфа. Жители Туинина происходят из Туата, по, несмотря на это и невзирая на упорное соперничество, царящее во всех делах между ними и жителями Гата, считают себя как бы сородичами последних.

И наконец, Тадрамет — очень живописное поселение, в котором живут ремесленники — иковарен. Жизнь там бьет ключом.

Одну из ремесленных корпораций здесь составляют кузнецы, которые выдают себя за уроженцев Судана, хотя, судя по некоторым обычаям (например, ударяя по наковальне, они каждый раз называют имя Давида) их можно было бы отнести к евреям. Члены этой корпорации заключают между собой браки и образуют совершенно особую касту. Досуг они посвящают музыке.

Кузнецы из Тадрамета поставляют почти всех музыкантов, которые играют на традиционных религиозных празднествах и на свадьбах в Гате.

Второй, не менее значительный класс образуют кто дубит и выделывает кожу. Затем следуют горшечницы — женщины, весьма искусные в изготовлении глиняной посуды. Из

поколения в поколение, от матери к старшей дочери передаются своеобразные орнаментальные рисунки.

Последнюю и самую презираемую в глазах туарегов аджер касту составляют мясники (зокаи). Они тоже принадлежат к черной расе и происходят от рабов. Помимо того что зокаи забивают животных и разрубают мясо на базаре, они выполняют и другие подневольные обязанности. В Эль-Баркате, например, трое закаи выступают в роли гонцов. Их прозвали "змеи" они снуют между двумя деревьями, нося при себе палки.

Закаи принимают участие во всех общественных и семейных праздниках наравне с шейхом деревни и его женой. Они организуют свадебные торжества, присутствуют на свадьбах и на церемонии обрезания, получая в качестве вознаграждения блюдо с кашей, хлеб и кусок мяса после каждого ритуального жертвоприношения и даже половой орган жертвенного барана, если только его не выбрасывают в пустыню. На похоронах закаи имеют право на двойную порцию фиников.

Километрах в двадцати от Гата находится его соперник — поселение Эль-Баркат, состоящее из двух деревень: Эссейен и Тинджарабент, разделенных расстоянием в 5 км. В то время как Тинджарабент - деревня, населенная крестьянами и ремесленниками и окруженная садами, полями ячменя и пшеницы и огородами, Эссейен — квадратная каменная крепость, напоминающая, возможно, тот римский укрепленный город, о котором упоминает Плиний, говоря о древней Рапсе.

Однако вернемся в Гат. На много километров к юго-западу от города простирается большой некрополь доисламского периода. Там возвышаются сотни курганов цилиндрической формы, сложенных из необожженного кирпича и поставленных над прямоугольной ямой. Эта яма, ориентированная с севера на юг, открывает доступ к колодезю, в который можно спуститься по маленькой лестнице. Колодезь в глубине расширяется, образуя погребальную камеру. Еще и сегодня гадалки Гата укладываются спать на древних могилах, как это раньше делали насамоны и делают это нынешние жители оазиса Ауджила.

Перед похоронами братья или дядья покойного обмывают труп теплой водой, согретой на древесине алоэ, натирают его жиром, а также лубаном — благовонием, которое жгут наподобие ладана, — и розовой водой, привезенной с побережья. Рот, нос и уши затыкают ватой, чтобы туда не проникли злые духи. Затем труп облачают в тунику и белый бурнус. Наконец три профессиональные плакальщицы, принадлежащие к числу невольников, оглашая воздух причитаниями, сопровождают бранные останки, уложенные на носилки, вплоть до кладбища. Семья покойного устраивает для них и для могильщиков погребальную трапезу.

Институт вдов представляет здесь большой интерес.

Для вдовы в Гате траур заканчивается после четырех менструаций; в течение этого срока она не имеет права выходить из дому и причесываться. Каждую неделю она надевает рубашку покойного мужа. Кровь от четырех менструаций она собирает в келаль, глиняный сосуд, где обычно держат растительное масло и растопленный жир. Когда кончается установленный срок, вдова моется с ног до головы, сливает воду от мытья в келаль, обрезает волосы и бросает их в тот же горшок, причесывается и одевается во все новое. Затем она идет на кладбище, где разбивает о камни келаль.

Последнее по времени научное обследование в Феззание проведено французским этнографом Вивианой Пак. Позднее она опубликовала превосходную работу о космическом баране и его роли в социальных и территориальных связях населения Феззана. Мы заимствуем у нее некоторые из наблюдений, относящиеся к пережиткам в Гате древнего культа барана.

В этой части Ливийской Сахары баран продолжает играть в основном роль жертвенного животного. Во время больших праздников или по случаю прихода уважаемого гостя режут верблюда или барана, как это делается повсюду в мусульманской Африке, однако баран остается по преимуществу священным животным.

Мясник не имеет права резать барана на базаре в оазисах. Это единственное животное, которое считается чистым: его

приносят в жертву во время праздника ал-Кебир, а также на свадьбах и торжествах по случаю дня рождения. В Гате перед свадьбой жених обязан преподнести в дар семье невесты одного или нескольких баранов сверх прочих подарков натурой.

Баран сохраняет все свое значение и в похоронных обрядах. В Гате семья покойного должна зарезать барана и разделить его с друзьями и родственниками во время большой погребальной трапезы, на которой гости выражают свои соболезнования и подносят родным усопшего дары по случаю похорон.

Баран непременно фигурирует на всех праздниках языческого ливийского происхождения, которые все еще отмечаются в Гате.

В прежние времена; когда в конце, марта солнце вступало в созвездие Овна, туареги праздновали пробуждение природы. Праздник весны, ныне запрещенный правительством, был также и первым днем, когда разрешалось есть бобы, сваренные в соленой воде, а мясо барана представляло при этом главное блюдо праздничной трапезы. В наши дни в Сахаре отмечается- в его языческой форме — один-единственный праздник весны, он проходит в оазисе Сива и будет описан ниже.

Другой праздник, также языческого происхождения, отмечают самбани — члены религиозного братства рабов; в нем принимают участие все чернокожие, захваченные

некогда туарегами во время их набегов. Весной, перед началом уборки урожая, они тоже режут барана.

Принесение барана в жертву подчинено точному ритуалу и четко определено традицией. Жертвоприношение совершает самый старый и уважаемый мужчина в общине.

Барана кладут головой к югу и режут его в ямке.

Пропитанный кровью песок бросают в пустыню, подальше от деревни и от возделанной земли. Затем голову отделяют от туловища, которое сначала разрезают вдоль на две части; одна половина оказывается на восточной, другая на западной стороне. После этого каждая половина разрезается на две поперечные части, так чтобы один кусок лежал на южную, а другой на северную сторону. Каждая четвертая часть, в свою очередь, делится пополам, что составляет восемь кусков. Наконец все эти куски, в свою очередь, разрезают еще на шесть и получают в итоге 48. На праздник Ид ал-Ке-бир, по традиции, собираются вместе четыре семьи, которые делят между собой одного барана.

Голову, сердце, кишки и селезенку отдают либо рабу, который готовит ужин, либо какой-нибудь чернокожей женщине. Печень сначала делят пополам, а затем разрезают на мелкие кусочки, предназначенные главам семей.

Очищенную от шерсти шкуру жарят на углях и едят.

Половой орган рабыня бросает в поле, подальше от города.

Шерсть покупает один из гостей и отдает своей жене, которая превращает ее в пряжу, а затем в ткань.

Ткачество является самым благородным занятием в Гате, приличествующим только туарегским женщинам.

Символически оно равнозначно пахоте и обозначается тем же самым словом — «тарата». В кочевом племени матери семейств выполняют традиционные рисунки на поясах, уборах для верблюдов, подушках и коврах. Но только оседлые жительницы Гата ткут плащи.

Мужской плащ ткут две женщины с помощью восьми палок, воткнутых в землю: четыре палки с одной стороны, три с другой и одна посередине. Между ними ткачихи натягивают семь уточных нитей, которые переносятся на вертикальный станок. Ткань кроют, а затем метят каждый из четырех углов семью рисунками из красной и зеленой шерсти. После этого плащ окрашивают в красный, белый или черный цвета — три основных, принятых для одежды в Гате. Мужчины одеваются в белое, только закрывающий лицо лисам темно-синюю или черного цвета. Женщины благородного происхождения носят красную одежду, а рабы черную. Когда знатная женщина отправляется навестить свою подругу, она надевает одно на другое три или четыре платья.

Женщины уделяют много внимания прическе. Каждые две недели их причесывает профессиональная мастерица, которая переняла парикмахерское ремесло у своей матери. В Гате имеются четыре такие мастерицы. Волосы сначала смачивают грязью, растертой растительным маслом, в котором предварительно замачивают в толченом виде шесть различных благовонных растений (в том числе гвоздику).

Если речь идет о девочке, мастерица разделяет ее волосы на 48 прядей с помощью кинжала, подобно тому как разрезают барана. Сначала все волосы на голове делят на две половины: заднюю и переднюю. В свою очередь, на затылке их разбирают надвое и заплетают с каждой стороны в шесть свободно падающих кос. Спереди волосы тоже разбирают пополам и заплетают по три толстые косы, завязанные вместе и ниспадающие справа и слева. Каждая из этих шести толстых кос состоит из шести тоненьких косичек, туго заплетенных от корня до кончиков волос. На лоб девочки падает еще одна дополнительная коса, но она не относится к прическе, имеет другое, символическое значение.

Прическа девушки или взрослой женщины состоит из 24 кос. Когда в Феззани женщину выдают замуж, в первый день свадьбы ее причесывают как девочку, во второй как взрослую женщину. Пока женщина способна рожать, она не меняет прическу, затем форма прически уже не имеет значения.

Незамужние женщины раскрашивают лицо краской индиго, натирают щеки красной или желтой охрой, красят брови сурьмой, а ногти хной. Подобно мужчинам, туарегские женщины никогда не моются, полагая, что вода вызывает всякие болезни... Для стирки белья и одежды они пользуются либо белой глиной, либо стеблями растения из семейства лебедовых, которое называют таза. Их растирают в ступке, получая массу, пенящуюся в воде. Женщины любят себя украшать многочисленными и разнообразными

безделушками, чей вес служит признаком класса, к которому принадлежит женщина.

В Гате языческие обряды продолжают сохраняться в таких обычаях, как сражения между девственницами, которые были в большом почете у авсеев времен гарамантов и отголосок которых дошел до нас в сообщениях Геродота. Раз в 30 лет эти народы чествовали Минерву. Во время праздника две группы девушек сражались друг с другом с помощью камней и палок. Те, то умирал от ран, не считались девственницами.

Вивиана Пак относится к числу тех немногих европейских этнографов, которым посчастливилось присутствовать на подобной церемонии. Она рассказывает ней так занимательно и подробно, что, принимая во внимание всю важность этого документа, нам остается лишь воспроизвести его дословно.

"На солончаковую равнину Тинджарабента, куда не могут спуститься духи, приходят собирать соль (27 числа месяца рамадана) все девственницы Гата и Эль-Барката. Оаи одеты в черные и белые платья, а на их груди перекрещиваются наподобие греческого пояса два шеша — белый и красный. Каждую группу девушек возглавляет старуха таменокальт, которая несет красное знамя войны. Рядом с ней идет вторая старуха.

аидин; в маске из белой глины, она несет на голове блюдо и лает по-собачьи. Собранную соль старухи продадут на

базаре, но каждая девушка оставит себе по куску и будет его хранить весь год: считается, что эта соль, будучи растворенной в воде, приобретает целебные свойства. Каждая из двух групп имеет своего кузнеца, бьющего в барабан. Собрав достаточно соли и вооружившись палками, вырезанными из лимонного дерева (табарит), на которых красными, черными и белыми красками нарисованы ломанные линии, девственницы начинают воинственный танец инкутид. Затем обе группы во главе со своими таменокальт и аидин сближаются и становятся друг против друга. Девушки скандируют песню, ударяя в землю босыми ногами: два раза одной ногой, один раз другой, затем меняют ногу.

Они бьют друг друга коленями, задевают палками, скрещивая и разводя руки перед грудью. Эти жесты сопровождаются восклицаниями и попытками тамено калът отобрать у другой красное знамя, которое защищают „собака" и девственницы. Преимущество победившей группы выражается в том, что ее таменокальт проверяет девственность всех молодых участниц битвы, но, каков бы ни был результат ее проверки, всегда объявляется, что в деревне побежденного лагеря девственниц мало. Естественно, что кади Гата запретил этот праздник, оставив его только на долю рабыня и иковарен. Тем не менее он устоял после 2500 лет всяческих потрясений.

Персонаж „собаки" при таменокальт наводит также на мысль о ритуальных греческих сражениях, которые сопровождались принесением в жертву разрубленных надвое собак, знаменовавшим победу нового года над

старым. Возможно, сражения девственниц следует сопоставить и с другими состязаниями, которые происходят по случаю праздников ашура в память появления Ноя из ковчега, играющими в то же время роль Нового года. В Гате праздник длится три дня. Вечером, на закате солнца, дети — мальчики и девочки — выходят на улицу, размахивая факелами из тюрзы (*Calatropis procera*), которыми они постукивают над головами прохожих, распевая при этом „Аллеле тюрза“ („имеется тюрза“); ни дать ни взять просвещенные элевзинцы, разыгрывающие поиски Персефоны с двумя факелами, которыми пользовалась Деметра. Затем из дома выходят кузнецы, они бьют в барабаны, а за ними образуется процессия из мужчин и женщин, которые вместе обходят город через Тафраджет, Эзели, Баб-эль-Гир, по ходу обращения звезд. Участники процессии вооружены палками гранатового дерева длиной в три локтя (это дерево Деметры); при этом двоюродные братья наносят друг другу удары, то же делают и двоюродные сестры. По сторонам танцевальной процессии по двое дерутся между собой негры.

Для изготовления палок используются ветви большого гранатового дерева, причем выбираются нижние. Если у парня в саду нет граната, он идет за палкой в сад своего двоюродного брата, но обязательно в пределах своей деревни; немислимо, чтобы кто-то направился за палкой из Туинина в Гат или в Эль-Баркат. Однако жители Туинина присоединяются к процессии в Гате, тогда как в Эль-Баркате формируется собственная процессия, которая обходит свой город вел за собственными кузнецами, И если жители Гата делают всего один круг, то в Эль-Баркате —

семь кругов, что служит напоминанием о союзе между этими двумя городами».

Арабский автор ал-Хашаиши в своей работе "Путешествие в страну сенусийя через Триполитанию и области туарегов» называет семейство Ауналлах в числе самых известных родов, поселившихся в Гате в прошлом веке и занимавшихся караванной торговлей в Сахаре. Действительно, приход арабов не прервал караванную торговлю на древней дороге Триполитания — Нигер, а сам Гат, который ныне оказался в ряду незначительных сахарских поселений, играл, на ней роль поворотного пункта.

Мы познакомились с текстом письма, которое каид Абдеслам, член знаменитой торговой семьи Ауналлах, написал в 1943 г. французскому майору Брюлару в качестве ответа на его анкету о торговой деятельности в ливийском Феззане.

Направляясь в Триполи, караваны могли выбирать между дорогой, которая шла через Мурзук и Себху (по этой дороге теперь ездят на машинах, так как она асфальтирована на участке от Триполи до Себхи), и дорогой, которая уходила прямо на север вдоль алжирской границы и пролегла через Гадамес. От Гата до Нигера караваны продолжали путь, следуя по хорошо и известной трассе, которая, проходя через Аир и Агадес, заканчивалась на большом африканском рынке в Кано, на севере нынешней Нигерии.

От Гата в сторону Триполи караваны перевозили страусовые перья, благовония под названием "цивет», страусовый жир, шкуры, шкатулки из дубленого и расписного мочевого пузыря верблюда для хранения духов и украшений, бивни слонов (ввоз слоновой кости продолжается и в наши дни), живых страусов, попугаев, золотые изделия, бабуши, сахарские сандалии и мужскую одежду, сшитую в Нигере.

У одних купцов в Триполи были компаньоны или друзья, которые по прибытии караванов брали на себя торговые переговоры. Другие же, напротив, сами непосредственно занимались всеми своими делами.

Продав товары, привезенные из Нигера, они обзаводились для собственных нужд коврами и одеждой, а для торговли в Нигере приобретали конские седла, все возможные духи, индийские и египетские сабли, такуба (знаменитые туарегские мечи с рукояткой в форме креста), бусы из дутого желтого стекла, браслеты, различные стеклянные изделия, медь в пластинах, чайники и стаканы для чая, шелковые нитки в катушках или мотках для вышивания гандур, сахар и чай, перкаль из белого хлопка, ткани синего цвета (выкрашенные краской индиго), простую и широкую бумажную материю, кисею для чалмы, муслин для головного покрывала, благовонную древесину алоэ, привезенную с Востока, хиосскую мастику, фасук (корень, которым окрашивают ткани в красный цвет), маленькие и большие зеркала (маленькие зеркала пришивали на одежду, и они пользовались очень большим спросом в Кано), штуки сукна, бурнусы, ковры из Мисураты, витые пояса ярких

цветов, которые туареги носят через плечо. Прежде чем отправиться в путь, начальник каравана покупал также продовольствие на дорогу, в том числе кускус.

Караваны, пересекавшие Сахару через Гат, облагались, естественно, пошлиной за проезд, установленной «защитниками» — туарегами. Фактически ни одному каравану не удавалось пройти через Феззан или Аир, если он предварительно не налаживал связь с каким-либо туарегским племенем. Когда транссахарские купцы прибывали в Гат, их обязательно навещали посланцы племени, взявшего на себя обязанности их покровителей. Купцы должны были прежде всего кормить их утром жареной мукой, а вечером кускусом. Плата вносилась натурой: гандуры и чалмы для знати туарегов, медные подносы, зеркала и иголки для женщин.

Все в том же Гате, на большой площади Эшели, неподалеку от главной мечети, проходили переговоры о найме верблюдов для каравана на остаток пути. Практически Гат был центральным перевалочным пунктом для обоих транссахарских направлений, и именно там хозяева верблюдов отдавали свои «четвероногие корабли» внаем для перехода туда и обратно. Вплоть до конца XIX в. эти финансовые операции производились с помощью раковин каури, а не денежных знаков. Судя по текстам, за 3 тыс. этих раковин давали один ливийский реал. Стоимость же перевозки от Гата до Кано (или в обратном направлении) составляла от 30 до 100 тыс. каури.

Когда караван прибывал в Аир, его хозяева бы обязаны уплатить вторую пошлину туарегам Аира. Они требовали с каждого проходящего каравана по одной штуке ткани. Иферван, главный город Аира, являлся также контрольным торговым пунктом для караванов, направлявшихся из Кано в Гат и Триполи. Здесь у ливийских купцов были постоянные представители; эти доверенные «инспектора» заставляли распаковывать все товары, доставляемые караваном. Они тщательно переписывали все перевозимые предметы, вплоть до самых мелких, а затем уже разрешали каравану продолжать путь, одновременно вручив своему «патрону» составленный ими точный список товаров. Тюки перевязывали узкими кожаными ремнями, прикрепляли к ним этикетку с именем хозяина, а внутрь клали еще одну записку, где перечислялось содержимое тюка. Конвоир нес ответственность за товары вплоть до получения их владельцами, которые удерживали стоимость пропавшего предмета из жалованья, причитавшегося начальнику каравана.

Приход каравана в Гат был целым событием, при котором присутствовали все его жители. Купцы, ожидавшие товары, являлись в сопровождении секретаря.

Тот, осмотрев все тюки в караване и определив по этикеткам те, что принадлежали хозяину, записывал их количество, а также имя сопровождающего, которому они были доверены. Закончив осмотр каравана и найдя его в целости и сохранности, секретарь показывал каждому купцу предназначавшиеся ему тюки. Если на каком-либо из них не

оказывалось этикетки, он распаковывал его в присутствии всего народа и читал положенную внутрь записку.

После того как купцы отправляли свои товары на склад, секретарь собирал конвоиров для выплаты им причитающейся суммы, половину они получали деньгами, половину товарами.

На обратном пути из Нигера караванам снова приходилось платить туарегам. На этот раз они брали пошлину деньгами, тогда как женщины получали 8 кг пшеницы, перец, хну и деревянные ложки.

Глава V

ТУАРЕГИ НИГЕРИЙСКОГО АИРА

Первые туареги, появившиеся в Аире, были, по-видимому, торговцами, которых привлекли в этот район превосходные пастбища. Хотя в общих чертах их история прослеживается довольно легко на протяжении целого тысячелетия, и при этом перечисляются их многочисленные вторжения, мы не в состоянии указать какие-либо точные даты тех или иных событий, так что общая историческая картина, известная нам, остается в целом очень фрагментарной. Она складывается, с одной стороны, из устных традиций, с другой — из исторических письменных источников.

Особое место среди них занимает «Хроника Агадеса»; она состоит из различных арабских рукописей, которые являются собственностью султана Агадеса. Он были опубликованы в переводах и в кратком изложении (Пальмером — в 1910, 1928, 1936 гг.; Юрвуа — в 1934 г.). Многие исследователи внесли свой вклад в разработку истории туарегов Аира (Барт — в 1857 г.; Родд — в 1926 и 1938 гг.; Пальмер — в 1936 г.; Юрвуа — в 1936 г.; Никола — в 1950 г.).

Начиная с VII в. крупные миграционные потоки берберов-скотоводов, включавшие две группы племен лемта и зарева, пересекали Сахару. Племена лемта обосновались вокруг р. Нигер и положили начало державе Сонгаи. Племена зарева дошли до оз. Чад, где было создано государство Канем-Борну. К этому времени и в Аире появились другие племена, и там возникли новые государства. Одно из них известно под именем государства хауса Гобер, или Гобир, просуществовавшее до XII в.

Если великолепные пастбища Аира, возможно, были причиной первоначального вторжения туарегов, то позднее сюда, видимо, присоединился еще один фактор, именно приход в Северную Африку арабов-бедуинов бени-хилаль и бени-солейм. Эти кочевники заняли туарегские владения в Триполитании и в Феззани, что и привело к переселению туарегов на юг и в Аир.

История и обычаи.

Утверждают, что большие племена благородных туарегов из конфедерации кель-феруан, а именно настоящие кель-феруан (или ираваттан) и кель-азель, состоят в родстве через женщин, поскольку прародительницей кель-азель была женщина из племени кель-феруан.

Благородные кель-феруан иногда утверждают, что эта женщина вышла замуж за араба, которого они убили по ее же требованию. Однако существует и другая версия, более общего характера, согласно которой прародительницы обоих благородных племен вместе пришли из Ауджилы; с ними была еще третья сестра, которая положила начало племени ибердианен, Вот эта история.

Три сестры покинули свою родную страну Ауджилу верхом на трех верблюдах; однажды ночью, находясь не очень далеко от Ифервана, они все трое легли спать.

Старшая сестра по имени Сабена проснулась раньше других сестер и развязала путы принадлежавших им верблюдов, которые после этого ушли в пустыню. Поскольку верблюд был теперь только у Сабены, то, когда сестры прибыли в Иферван, она одна ехала верхом, а две младшие сестры шли пешком. В Иферване жил один очень могущественный человек по имени Азерер.

Он спросил у сестер, кто они такие. Сабена сказала, что одна из девушек была ее сестрой, хотя и не настоящей, а другая - ее вассалом. Вождь Азерер захотел жениться на Сабене, так как она сидела верхом на верблюде-самке и,

следовательно, принадлежала к знатному роду. Сабена согласилась выйти за него замуж на том условии, что приданое будет заплачено землей.

Было решено, что она получит в приданное столько земли, сколько сумеет объехать на своем верблюде, не сделав ни одной остановки. Она выехала из Ифервана, и ее верблюд устал, только оказавшись рядом с Тагедуфатом, к югу от массива. Там Сабена сошла на землю и забросила свою палку далеко на юг; эта палка упала в колодец Тагедуфата. Таким образом, Сабена получила право на всю область от Ифервана на севере до колодца Тагедуфата, расположенного на равнинах юга. С тех пор эта обширная территория принадлежит потомкам Сабены, каковыми являются настоящие благородные кель-феруан, или ираваттан. Однако туареги этого племени утверждают, что с того времени они настолько расширили свои владения, что являются теперь подлинными хозяевами и области, лежащей к югу от массива вплоть до Рессавы, близ границы с Северной Нигерией.

Верховный вождь благородных кель-феруан владел единственным барабаном всей этой племенной группы. Он не расставался с ним даже в своих поездках и пользовался различными сигналами, созывая подданных. Говорят, что этим сигналам обязаны были повиноваться не только члены всех вассальных племен, но же благородные кель-азель. Барабан все еще находится в лагере вождей кель-феруан; он деревянный и обтянут кожей. Туареги верят, что барабан обладает магической силой. Вот почему, когда требовалось

сменить на нем износившуюся кожу, человек, которому поручали это дело, должен был работать, не глядя на барабан из страха; а ослепнуть. По преданию, к барабану никогда не должна прикасаться туарегская женщина.

Положение рабов в Ахаггаре и в Аире, по-видимому, очень схоже. Пленные принадлежат своему хозяину: в наши дни они не могут больше служить предметом торговых сделок, но даже в доколониальную эпоху не в обычае было продавать пленных. Они передаются по наследству внутри одной семьи, и всего несколько лет назад было принято включать в приданое одну пленницу. С пленниками не всегда обращаются хорошо: например, за некоторые проступки, за которые благородные туареги обычно расплачиваются штрафом — домашними животными, может быть определено наказание по приказу вождей — бичевание. Однако их хозяин редко выступает в роли исполнителя подобного наказания. За все время своей жизни среди туарегов я, например, наблюдал всего два случая телесного наказания и оба раза в весьма смягченной форме.

Это объясняется тем, что у пленника, с которым плохо обращаются, всегда есть возможность сменить хозяина. Он пользуется для этого обычаем, который все еще в ходу в наши дни: когда пленник видит верхового верблюда, принадлежащего тому туарегу, к которому хочет перейти, то догоняет его и отрезает верблюду кончик уха. Тогда хозяин верблюда обязан вступить во владение пленником, а прежний уже не может вернуть его назад. Этот обычай некоторым покажется странным, на деле же это всего лишь

символический акт, имеющий более глубокое значение. Действительно, отрезать ухо у верблюда, который принадлежит кому-то другому, значит нанести ему ущерб, но ведь за поступки своих пленных отвечает сам хозяин. Вследствие этого «виновный» пленник переходит в руки владельца верблюда в качестве «возмещения за ущерб», понесенный его животным. Потеря пленника наносит престижу туарега серьезный урон, тогда как для нового хозяина это большая честь. Поэтому он приветливо принимает пленника, дает ему одежду, верблюда и седло. Этот обычай приводит к превосходным отношениям между хозяином и пленником.

Кель-феруан говорят, что, если у них пленник хочет перейти к другому хозяину, он слегка царапает ухо одного из детей этого человека и после этого становится собственностью отца «раненого» ребенка.

Если же пленник попросту сбежал, хозяин может потребовать его возвращения. Однако в Ахаггаре возможно вмешательство в пользу пленного со стороны верховного вождя — аменокала, когда тому становится известно, что с пленным плохо обращались или же плохо его одевали. Подобные правила благоразумны и способствуют улучшению условий жизни пленников.

Лишь в исключительных обстоятельствах пленники едят вместе с хозяином. В обычное время они живут не в палатке, а под открытым небом, укрываясь лишь от ветра или солнца. В общем образ жизни туарегов мало чем отличается от жизни их пленников; последние носят почти такую же одежду и такие же украшения.

Пленинки пользуются также оружием, а в прежние годы, когда угон верблюдов и война пополняли доходы туарегов, они нередко участвовали вместе со своими хозяевами в набегах и военных вылазках.

Если у туарегской семьи достаточно много пленных, их обычно загружают тяжелой домашней работой и охраной стад. В качестве пастухов пленники приобретают немалое влияние, ибо нередко они лучше самих туарегов умеют ухаживать за различными животными.

Когда забивают какое-либо животное, каждое из туарегских племен имеет право на определенный кусок туши: одно получает часть спины, другое сердце, третье печень. Пленникам обязаны отдавать шею, а в некоторых районах хвост и ноги.

Обычные правила наследования не распространяются на пленников. Если кто-то из них находится в хороших отношениях с хозяином, тот может постепенно передать ему некоторое количество коз. Пленник может распоряжаться ими по собственному усмотрению, например волен забить или продать. Но его дети не наследуют ни стада, ни какое-либо другое имущество отца. Все это после смерти пленника снова становится собственностью его хозяина. Пленные считаются как бы детьми хозяина, он - «отцом», а женщина, владеющая пленными, «матерью». Точно так же молодые пленные считаются как бы братьями и сестрами детей хозяина. Организацию системы рабства на основе семейной модели можно продемонстрировать на следующих примерах.

Если женится молодой пленник, то его хозяин в качестве «отца» обязан заплатить стоимость приданого, включающего несколько коз, обычно от трех до пяти.

Это приданное предназначается хозяину пленницы, с которой заключается брак. Если владелицей пленника является женщина, то она, подобно мужчине, обязана либо заплатить, либо принять приданое по случаю брака ее собственных пленников или пленниц. Когда пленный женится на пленнице, то та становится невесткой хозяина своего мужа.

Муж в семье туарегов-скотоводов остается в положении «отчима» (асдегал) для всех пленников, принадлежащих его жене, тогда как его жена является "мачехой» (аддегалт) для всех пленников мужа. Между этими фиктивными «родственниками» по браку существует установленный обычаем запрет, который, однако не соблюдается очень строго: так, например, мужчине не следует жениться на пленнице, принадлежащей его разведенной или покойной жене, точно так же как ему было бы неприлично жениться на своей падчерице.

Мужчине не запрещается жениться на собственноручно пленнице, несмотря на то что она считается его «дочерью". Если он женится на одной из своих пленниц, то у туарегов Аира их дети не попадают в число ишерданен, или иборелитен, т. е. «метисов». Они имеют право называться чистокровными туарегами, или имаджерен.

Но если мужчина женится на пленнице, которая ему не принадлежит, дети от этого брака не считаются чистокровными туарегами. Следует, однако, добавить, что в туарегском обществе положение людей, не являющихся чистокровными туарегами по своему рождению, зависит в основном от их личных качеств: если человек умен, богат, щедр или если он марабут, все туареги выразят готовность устроить с ним отношения «на равной ноге, даже если он имеет ярко выраженную негроидную внешность. Я не раз отмечал примеры подобного рода, а однажды повстречал кочевника с очень черной кожей, которого единодушно уважали все тугреги, потому что ему случилось в один день зарезать семь собственных коз чтобы достойно принять гостей из других племен.

В туарегском обществе существуют своего рода классы и касты. Теоретически детям от смешанных браков между туарегами и пленными, по-видимому, относительно несложно считаться туарегами, поскольку социальное положение пленников отличается от положения подлинных каст «черной» расы.

Если пленная женщина вскормила грудью туарегскую девочку или вырастила ее как собственную дочь, её считают настоящей матерью ребенка. А если у этой женщины впоследствии появятся собственные дети, их будут рассматривать как братьев и сестер туарегской девочки. Когда позднее та выйдет замуж, ее муж станет настоящим зятем пленной кормилицы — «матери» и их отношения будут подчинены очень строгому запрету.

Тем не менее эта «мать» не имеет права наследовать (текашит) скот, оставшийся после смерти ее дочери.

Однако ей отдадут часть стада, называемую элхак. Что касается туарегской девочки, то она не получает наследства после своей пленной «матери» и не имеет права даже на часть ее животных. Так как пленники находятся на положении детей своих хозяев, они принадлежат не только к малым семьям и семейным группам, но и к племенам, и даже в некотором смысле к классам.

Агадес — город султанов Агадес, являющийся наряду с Томбукту и Валатой самым интересным городом в Южной Сахаре, теперь насчитывает всего от 4 до 5 тыс. жителей, в то время как Г. Барт застал там еще семитысячное население. Его извилистые улочки и живописный базар по-прежнему заполняют кочевники и туареги из Аира. Там их встречаешь на каждом шагу; своими оружием и одеждой они вносят оживление в этот пришедший в упадок город, напоминая о его былом великолепии.

В центре города на широкой площади находится базар. Потребительские товары представлены прежде всего солью, проделавшей сотни километров на спинах верблюдов и выставленной теперь перед покупателем в виде колонн с капителями; лекарствами, изготовленными из растений и каких-то странных порошков; яркими седлами для верблюдов, иногда тщательно отделанными и с обязательным украшением в виде туарегского креста;

местной бижутерией — кстати, в соседнем квартале нетрудно увидеть, как ее изготавливают. Для этого достаточно пройти по извилистым улочкам, где ноги погружаются в песок, к лавочке ювелира, такой тесной, что войти туда можно только согнувшись. Устроившись кое-как прямо на земле, наблюдаешь за изготовлением кольца: его сначала отливают техникой «потерянного воска», затем чеканят, и если работа не отличается большой изысканностью, то это объясняется тем, инструменты ремесленников не менялись на протяжении многих веков. Кроме колец и подвесок здесь делают знаменитые агадесские кресты, подобные которым можно обнаружить даже у некоторых парижских ювелиров. Эти кресты распространены по всей Африке.

Среди памятников бурного и блестящего прошло следует отметить мечеть, сооружение которой восходит к XVI в. Она одна уцелела из числа трех зданий религиозного назначения, некогда существовавших в городе.

Мечеть целиком сложена из banco и состоит из ограды, образованной невысокими стенами, к которой примыкает несколько хижин, и красивого минарета высотой 27 м в форме сахарной головы, оцетинившейся колышками. Земляная лестница с истертыми ступеням внутри минарета ведет на самый верх, откуда открывается замечательный вид на город, уходящую в бесконечность равнину на юге и горы Аира, которые вырисовываются вдоль горизонта на севере. У подножия мечети видны развалины бывшего дворца султана, от которого ныне сохранились лишь обвалившиеся стены ограды да трехэтажное жилое здание с

узкими окнами. Ещё одной архитектурной достопримечательностью является ансамбль домов, окружающих базарную площадь. Их сложенные из глины стены украшены рельефами на арабские мотивы и увенчаны плоскими крышами, огражденными ажурной сквозной балюстрадой.

Все султаны Агадеса, которых признавали туареги Аира, были чернокожими. Если верить легенде, то первый них, занявший престол в 1405 г., был рабом, привезенным из Константинополя туарегским посольством, которое ездило к византийскому императору с просьбой назначить одного из своих сыновей первым правителем Аира...

Султан Агадеса может жениться на туарегской женщине, но детей от этого союза никогда не провозглашают султанами. Действительно, чтобы султан оставался в стороне от ужасных распрей, которые раздирали различные туарегские племена, он не должен был находиться ни в малейшем родстве с какой бы то ни было группой туарегов. Его действительная власть над туарегами Аира весьма относительна, но он пользуется большим уважением и очень богат. Прежде султан взимал пошлину с товаров, провозимых через Агадес; он мог получать ее и с поступающей из Бильмы соли. Однако налог ему обязывались платить только подданные из негрского

населения Агадеса и двух близлежащих деревень: Ин-Галь и Тиггидан-Тесем. Напротив, туареги Аира никогда не несли этой повинности. Следовательно, только чернокожие полностью подчинялись султану. Что касается туарегов, то они обращались к нему в спорных случаях как к судье и посреднику, но он не вмешивался в их внутренние дела и не пользовался никакой исполнительной властью.

Султана Агадеса избирали все вожди туарегских групп Аира, но не все они присутствовали на церемонии возведения его на престол. Эту церемонию описывает Г. Барт: «Из своих личных покоев во дворце султан входил в зал для публичных приемов. Там вожди племен итезен и кель-гресс просили его сесть на постель, оплетенную из прожилок пальмовых листьев и покрытую циновками, но ему не разрешалось поднять ноги и сесть на восточный манер до тех пор, пока ему этого не позволят вожди кель-уи...».

Группа кель-уи временами пользовалась очень большим политическим влиянием. Она состояла в основном из оседлых земледельцев, тогда как остальные упомянутые группы включали в себя главным образом скотоводов, кочевавших в более низких местах массива и на соседних равнинах.

Скотоводы Нигера

Если туарегские племена Аира все еще живут в этом легендарном, древнем сахарском мире, который, как и для туарегов Ахаггара, является миром последних воинов — "всадников пустыни», то наибольшее число нигерийских туарегов обитает все же к югу и к западу от Агадеса. Их насчитывается более 200 тыс., и все они неизменно заняты кочевым скотоводческим хозяйством. В отличие от туарегов Аира эта группировка племен

называемая кель-тамашек, образована прежним классом рабов (иклан), которые в настоящее время полностью освободились от власти своих прежних хозяев, благородных имаджерен. Они кочуют по огромной области Сахеля, составляющей 2/3 всей территории Республики Нигер. Эта переходная зона от Сахары к Суданской саванне, а также то место, где встречаются «белые» кочевники, пришедшие с севера, и чернокожие оседлые жители, сонгаи и хауса.

В этой же части Нигера туареги вступают в соприкосновение, а нередко и в соперничество из-за колодцев и пастбищ с другими неизменными кочевниками фульбе.

От туарегов севера иклан отличает то, что они ни в коей мере не считают труд позорным и, хотя не отказываются полностью от кочевой жизни, занимаются в Сахеле земледелием и торговлей. Урожай, который они собирают со своих небольших полей, наряду со скотоводством обеспечивают им значительно более высокий уровень жизни, чем тот, который мы наблюдали у туарегов Аира или Алжирской Сахары.

В лагере иклан трудятся все. Дети стерегут стадо, женщины занимаются всеми хозяйственными работами в палатке, а также доставкой воды и дров; мужчины сеют просо и сорго, пропалывают всходы и убирают урожай. В период между севом и уборкой урожая иклан возвращаются к кочевой жизни и гонят свои стада по огромной нигерийской бруссе в поисках хороших пастбищ. Собрав просо и продав ту часть урожая, которая идет на уплату налога и приобретение некоторых необходимых готовых товаров (циновки на постель, подушки, деревянные миски), они используют деньги, вырученные от продажи остального урожая, для приобретения нового скота.

В настоящее время скот в Нигере — главное богатство страны. Поголовье состоит в основном из зебу, которых обычно называют горбатыми быками. Собственно быков разводят лишь на берегах оз. Чад и в непосредственной близости от него.

Зебу в Нигере делятся на две породы: с длинными рогами, так называемые бороро, и с короткими рогами — сахельские зебу.

Бороро хорошо известны своим диким нравом. Их владельцы и пастухи — почти исключительно скотоводы фульбе. Это очень крупное животное — полтора и более метров до холки — достигает иногда веса 600 кг, у него рыже-красная шкура и огромные рога в форме лиры, белый матовый цвет которых резко выделяется на красноватом фоне шкуры и переходит постепенно на концах в светло- или темно-коричневый цвет.

Этот скот не боится переходов и постоянно передвигается под присмотром своих пастухов.

Сахельская порода средних размеров — от 1,15 до 1,20 м до холки, весит от 350 до 440 кг; ее окраска весьма разнообразна, либо однотонная, либо пегая (как, например, дикая разновидность в Азаваке), рога недлинные, загибающиеся кверху от короткого горизонтального основания. Она дает довольно много молока, а некоторые ее разновидности даже очень много. В то же время продуктивность этих животных говорит о том, что они принадлежат к хорошей мясной породе. Численность сахельских зебу колеблется. Сейчас их около 1600 тыс. голов, что составляет 45% общего поголовья.

В стадах имеются и овцы, которые относятся к двум породам (причем от обеих получают шкуру, а не шерсть). Первая распространена у фульбе (с двумя ее разновидностями, белой, и черно-белой, у которых черная шерсть растет спереди), а вторая в Сахеле (известна также как туарегский баран).

Овцы первой породы принадлежат только фульбе. Это очень короткошерстные, крупные животные, горбоносые, с длинными ушами и длинными ногами, привыкшие к постоянным передвижениям. Они могут достигать хорошего веса — от 60 до 70 кг. Мясо у них вкусное, а шкура великолепно поддается обработке.

Овцы второй породы имеют более или менее длинную шерсть; они не такие горбоносые, со сравнительно

короткими ушами, не столь крупные и меньшего веса (и среднем от 30 до 40 кг). В общем они ценятся гораздо ниже как с точки зрения качества мяса, так и шкуры. Эти овцы принадлежат главным образом туарегам и лучше, чем овцы фульбе, приспособляются к условиям северной части Сахеля.

Вместе с овцами пасутся козы двух пород. О первой мы скажем вкратце: это большая нескладная коза, с обвислыми ушами, разномастная, как правило дающая много молока и достигающая в живом весе до 30 кг.

Такие козы образуют значительные стада, пасущиеся (часто попеременно с овцами) по всему обширному Сахелю.

О второй породе мы расскажем подробнее. Она известна в Нигерии как «коза из Кано или Сокото», а в Нигере была прозвана «рыжей козой из Мареди». Эту коренастую козу среднего роста, с однотонной рыжей шерстью, со стоячими ушами легко отличить от ее сахельской родственницы. В массе своей такие козы принадлежат оседлому населению. У них помимо молочных и производительных качеств ценится прежде всего шкура, которая выступает в качестве товара на мировом рынке.

Верблюды распространены по всей территории. В целом местная порода отличается небольшим весом. Наиболее более крупные животные пасутся на востоке, в районе Манга.

Лошади в большинстве своем принадлежат арабско-берберским породам с примесью монгольской крови. Они невысоки (1,40 м) и в общем грубоваты.

Одним из основных районов их разведения является область Нигера, где животные пасутся на участках, затапливаемых рекой во время разлива.

Ослы, встречающиеся более или менее повсеместно, принадлежат к тому классическому африканскому типу, который называют «бурико». Все они небольшого роста — от 80 до 90 см до холки, — чаще всего серого мышинного цвета, так что попытка выделить среди них местные породы оказалась бы бесполезной. В общем можно сказать, что при любых пастухах в любой местности животное всегда нераздельно связано с окружающей средой, являющейся для него основным источником корма, причем единственное существенное исключение делается для лошадей, которые получают дополнительный корм либо в виде собранной специально для них соломы, либо в виде проса.

Отгонное скотоводство (мы предпочитаем этот термин выражению «кочевое скотоводство», ибо он предполагает годовой цикл в определенных зонах скотопрогона, а это отражает истинное положение) становится обязательным, как только возрастает поголовье; это вызвано поисками как новых пастбищ, так и воды. При нынешних условиях скотоводство вряд ли могло бы обойтись без этого способа.

Пока идут дожди и пастбище покрыто зеленой травой — примерно в течение четырех месяцев из двенадцати, — корма вполне достаточно. Но как только трава высыхает,

исчезает вода, появляются многочисленные стада (их тем больше, чем больше здесь было воды и чем меньше ее в других местах). Неизбежное следствие такого явления — отсутствие корма при большом скоплении животных. Но вода всегда имеет большее значение, чем корм.

Как исправить это положение? Видимо, следует создавать источники воды там, где есть корм.

Рытье глубоких колодцев хотя и внесло бы некоторое улучшение в сложившуюся обстановку, но оказалось бы все же недостаточной мерой, ибо натолкнулось бы на два главных препятствия. Одно из них экономического порядка — стоимость колодца в соотношении со стоимостью животных, которые будут им пользоваться; второе технического: подъем воды на поверхность превратился бы в настоящую каторгу для тех, кто будет ее выполнять вручную.

В оседлой зоне этот вопрос ставится несколько иначе. Оказавшись перед необходимостью отводить земли под сельскохозяйственные культуры, хозяева отгоняют скот на зимовку на север, и тем дальше, чем многочисленнее население.

Когда урожай собран и скот возвращается домой, он быстро съедает всю стерню, а затем наступает голод.

Приходится констатировать, что для кормовых культур земли совсем не остается. На наш взгляд, впрочем, именно в этом и состоит проблема объединения земледелия и скотоводства, причем это объединение нельзя

рассматривать только как использование в земледелии животных, представляющих тягловую силу, и удобрения без всякой отдачи.

Нельзя забывать и многочисленные проблемы, возникающих в связи с санитарными условиями содержания скота, который, перестав перемещаться, не сможет избежать болезней. Все это не может не увеличивать трудности перехода от отгонного скотоводства к оседлому.

Переходя теперь от изучения естественной среды к методам, используемым скотоводами, следует отметить следующее:

- 1) возможность напоить и накормить скот — самая насущная забота тех скотоводов, которые перегоняют стада, стремясь обеспечить им необходимый минимум воды и корма. При этом, как мы уже видели, необходимость поить скот одерживает верх над необходимостью кормить его в тех случаях, когда то и другое невозможно совместить;
- 2) воспроизводство, которое происходит круглый год, скотоводы далеко не всегда оставляют на волю самих животных, как об этом обычно пишут. Они заботливо улучшают путем подбора породу самцов некоторых видов (лошадей и особенно верблюдов), руководствуясь не только их экстерьером, но и присущими им качествами. Этого нельзя в той степени сказать относительно второстепенных видов скота: овец, коз и ослов.

В социальном отношении скотоводы-туареги отличаются одной странной особенностью. Их стада никогда не являются коллективной собственностью, каждое животное принадлежит лично одному из мужчин и одной из женщин-иклан. В работе Э. Бернюза содержатся точные сведения о хозяйственной и общественной жизни этих туарегов.

Значение скота в жизни иклан проявляется даже в приданом, которое чаще всего состоит из коз и овец, и иногда и из быков.

После свадьбы новобрачная переходит в лагерь своего мужа с палаткой и домашним скарбом. Она забирает с собой тех животных, которые ей принадлежат и тех, которых дает ей отец (тевет, или агнем). Иногда отец оставляет дочери и животных, полученных за нее в приданое, в противном случае она получает их после его смерти с добавлением полагающейся ей доли наследства. Таким образом, сразу же после замужества женщина становится хозяйкой небольшого стада. Она может увеличить его, если сумеет выручить достаточно денег от продажи на рынке проса, фонно, дров и прочих товаров. Таким образом, она владеет небольшим капиталом в отличие от женщины благородного происхождения, чьим стадом, распоряжается ее отец, или даже от женщины-имрад, у которой не может быть личных доходов. После смерти имущество покойного, по мусульманскому обычаю, распределяет марабут. Тем самым стадо подвергается опасности распылиться вследствие браков и смертей; важно поэтому заключать благоприятные брачные союзы, позволяющие не раздроблять этот капитал: таким средством признается брак между двоюродными братьями и сестрами.

На рынках можно наблюдать живописные сценки торговых сделок между молодыми туарегами и чернокожими. Они энергично торгуются, обмениваясь всевозможными товарами, которые нужны либо кочевникам, либо оседлым. Женщины-иклан могут предложить лишь просо и сорго, которое они выменивают на другие продукты или на готовые изделия.

Туареги кель-гресс из Мадавы и некоторые племена кель-аир снаряжают в октябре — ноябре каждого года большой караван из 20 тыс. верблюдов для перевозки проса и хлопчатобумажных тканей из Мадавы в оазис Бильма через Агадес. Они возвращаются с грузом примерно в 500 т. фиников, собранных в этой очаровательной пальмовой роще, которые затем продадут на хаусанских рынках Нигера.

Статьи обмена товарами с Ахаггаром не меняются: соль из Амадрора обменивается на просо и нигерийские ткани. Этот транссахарский товарообмен осуществляется двумя различными способами, в зависимости от того, торгуют ли туареги Ахаггара, владеющие соляными копиями, или туареги Аира. Кель-ахаггар посылают туда на лето своих харратинов добывать соль. В октябре они перевозят ее до Тамесны, обширной равнины между Аиром и Аддрар-Ифорасом, где постоянно кочуют крупные лагеря кель-ахаггар. Здесь они оставляют уставших животных, а на свежих верблюдах отправляются в Тахву или Зиндер. Соль и небольшое число молодых верблюдов, приведенных из Тамесны, обменивают на просо, на готовые европейские или местные изделия, в частности на кожаные сандалии из

Тахвы и Агадеса, на невыделанную кожу из Зиндера и Нигерии, на седла и седельные сумки из Агадеса. Кель-ахаггар возвращаются к себе в январе, вновь сменив по дороге в Тамесну верблюдов.

Кель-аир отправляются в Ахаггар в ноябре с овцами и старыми жирными верблюдами, предназначенными для бойни в Таманрассете. На деньги, вырученные от продажи этих животных в Алжире, они приобретают соль, которую увозят в Аир. Там формируются новые караваны, отвозящие эту соль в Зиндер, где ее продают вместе со скотом. Возвращаются кель-аир с просом и готовыми изделиями.

Глава VI

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ САХАРЫ

Еще в XIX в. неоднократно предпринимались попытки, особенно во Французской Сахаре, применить теории сельскохозяйственного, а также экономического торгового развития к ее нетронутым пространствам, но все они приводили к плачевным результатам. В настоящее время неиспользуемая человеком Сахара составляет треть всей Африки, равную площади Европы.

Она простирается с запада на восток от Атлантического океана до Красного моря на 5500 км и с севера на юг от Средиземного моря до Нигера на 1500 км.

Использовать ресурсы Сахары можно только в том случае, если сочетать следующие четыре фактора: создание оазисов

и плодородных зон, для чего необходимо высадить финиковые пальмы, в тени которых смогут расти фруктовые деревья и различные экзотические растения, идущие на экспорт, и обеспечивающие значительный доход; орошение водой артезианских колодцев, число которых следует резко увеличить; затопление водой районов Сахары, расположенных ниже уровня моря, при помощи системы каналов на больших внутренних озерах, алжиро-тунисских шоттах; и, наконец, сооружение современных центров во внутренних районах пустыни, а также железных и шоссейных дорог через Сахару.

Почему же до сих пор все разработанные проекты не были осуществлены, хотя мы живем в век техники и механизации?

Возможности сельского хозяйства Любой план, предусматривающий использование ресурсов Сахары, наталкивается на то препятствие, которое существует вопреки общему мнению — весьма разнообразные географические условия. Каждая зона имеет свои климатические, геологические и орографические особенности, требующие отдельного анализа и оценки. Степи плоскогорий отличаются от граничащего с пустыней Сахеля; хамада, или каменистая пустыня, не имеет ничего общего с песчаным морем, которое образуют дюны; гара с их известняковыми террасами и твердыми, плоскими

участками совершенно не похожи на пересохшие русла древних рек — уэды, или сухие бассейны — себхи с солончаковым дном.

К подобному географическому многообразию нужно добавить еще трудные атмосферные и гидрологические условия. Преобладающая часть растений, которая может расти на земле пустыни, никогда не сумела бы выдержать такую сильную засуху, с обжигающими ветрами (иногда перемещающими горы песка со скоростью более 100 км/час), с убийственными солнечными лучами и ночным холодом, приводящим к тому, что перепады температур в течение одних суток достигают 30'.

А как бы все это перенес человек, решивший поселиться в пригодных для использования районах Сахары?

Поэтому специалисты скептически относятся к появлению новых проектов создания во внутренних областях Сахары крупных поселений.

Проблема воды не менее сложна, чем проблема климата. Проводимая до сих пор система бурения и рытья артезианских колодцев — без всякой взаимосвязи их друг с другом — никогда не сможет удовлетворить потребности в воде подобных поселений. Выходящая на поверхность или доставаемая из этих колодцев вода может быстро иссякнуть, а, кроме того, высокий процент содержания в ней минеральных веществ способен нанести вред посевам: они перестанут давать урожай.

Вот почему пустынная флора, за исключением злаков и кактусов, не поддается искусственному оплодотворению.

Между тем в Сахаре достаточно воды, чтобы помочь человеку создать плодоносящие зеленые островки. Для этого необходимо вмешательство науки и современной техники с их рациональными и, в то же время радикальными методами.

Чтобы добиться эффективного и экстенсивного орошения, прежде всего требуется изучить подпочвенное стратиграфическое строение пустыни и определить наличие, уровень циркуляции и периметр стока водоносных слоев, а также происхождение подземных рек и направление их течения. Затем следует отвести все воды, принимая меры против их утечки как под землей, так и на ее поверхности. Для этого необходимо создать подземную сеть тоннелей (как это сделали французы в Туате), расположенных горизонтально даже на больших глубинах. Через каждые 10 — 15 м бурятся открытые вертикальные шахты цилиндрической формы для поднятия на поверхность вырытого грунта. И только при наличии подобной сети подземных каналов, разветвленной по всей Сахаре, можно рассматривать вопрос об использовании вод пустыни в сельскохозяйственных и промышленных целях.

Следует сказать, что местные жители, пользуясь примитивными средствами, уже прорыли в различных районах Сахары подобные тоннели, тянущиеся на много километров, например фоггары в Туате и в Тидикельте.

Для подачи воды с большой глубины было бы выгодно построить насосные станции, приводимые в движение ветром, как это предприняли израильтяне в пустыне Негев. Они построили две электростанции, работающие на ветровой энергии, близ Эйлата на Красном море и в Неби-Йоша в Галилее, и еще несколько прямо в голой пустыне. Электростанция в Эйлате снабжает электроэнергией даже общественные здания. Стоимость электростанции чрезвычайно низка; нет необходимости подвозить топливо и производить множество других расходов.

Воды, поднятые из недр пустыни, имеют различные свойства, что зависит от геологической формации, в которой они протекают. В известняковых и глинистых осадочных отложениях, т. е. под хамадой и под высохшими руслами уэдов, вода мутная и солоноватая и поэтому требует очистки.

Там, где поверхностные воды сначала просачиваются в подземные слои, а затем благодаря тектоническим нарушениям снова поднимаются наверх, они становятся геотермальными с температурой от +20°C до +80°C.

В тех зонах, где почва образована путем измельчения кристаллических пород или железистых минералов, как это имеет место в гара, нетрудно обнаружить на глубине 30 — 35 см горизонтальные трещины, заполненные пресной водой, которую можно использовать для орошения любых сельскохозяйственных культур.

В песчаных зонах, например под дюнами, и в пористых и рыхлых образованиях также можно обнаружить многочисленные источники прозрачной пресной воды..

Песок — естественный фильтр, полностью очищающий воду от любых посторонних примесей, а заодно и от всех бактерий.

В этой огромной пустыне на территории 2 млн.

кв. км в 1960 г. было зарегистрировано всего 580 тысяч человек. Однако прирост этого населения определяется 2,5 — 2,7% в год. Это происходит главным образом благодаря возвращению беженцев из Марокко и Туниса после завоевания Алжиром независимости, но также и потому, что специалисты, производившие перепись в 1960 г., занизили численность кочевников. Таким образом, население сахарских районов насчитывает почти 750 тыс. человек. Следует, впрочем, отметить, что это резкое увеличение численности населения произошло одновременно с переменами, последовавшими за началом нефтяных разработок и за крупным капитальным строительством.

Необходимо найти наиболее подходящее решение, но такое, чтобы преобразование этого общества не сопровождалось слишком большими потрясениями и, главное, чтобы жизненный уровень населения поддерживался по крайней мере в прежних пределах. По данным переписи 1960 г., активное население насчитывало 200 тыс. человек, что составляло 34% общей его численности.

В свою очередь, 58% активного населения занято в сельском хозяйстве, остальное в других отраслях. Что касается социальной структуры, то 15 % населения работает по найму, в основном в качестве сезонных поденщиков, 24% — феллахи, или собственники, 51% — работники, участвующие в трудовых процессах в составе семьи, и 10% — хамесы, т. е, издольщики, получающие 1/5 часть урожая. Квалификация сельскохозяйственных работников очень низка и 85% их состава имеют случайные доходы. Лишь небольшое число рабочих-управляющих — почти все они входят в состав комитетов самоуправления — имеют твердую зарплату и постоянное место работы.

Положение сельского хозяйства Алжирской Сахары вплоть до настоящего времени определялось несколькими факторами, которые, следует признать решающими и для его будущего развития.

Климат является главным фактором, поскольку он неуправляем. С помощью применяемой человеком техники (орошение, защитные заслоны) его можно частично компенсировать, но изменить нельзя. Вот почему в первую очередь климат определяет сельскохозяйственное производство и возможности его развития. Осадки всегда распределяются неравномерно, что вызывает засуху.

Влажность в Сахаре незначительна. Сухость воздуха еще более усугубляет отсутствие достаточного количества влаги для растительности. Ветер увеличивает испарения, сушит и сжигает растения, кроме того, он перегоняет песок, который портит посадки и мешает работать. Температура имеет

огромную амплитуду колебаний, которая может, достигать 60° в год (от — 10° до +50°С) и 40° в сутки, а иногда даже в течение нескольких часов (в 6 часов - 10°С, в 10 часов +30°С).

Интенсивность освещения настолько велика, что способна вызвать вегетативные расстройства или нарушить физиологическую деятельность некоторых растений.

Хотя на первый взгляд, все сахарские почвы кажутся более или менее похожими, на деле же они отличаются достаточно характерными особенностями. Совершенно ясно, что в засушливом климате, который господствует во всей Сахаре, физические явления оказывают решающее воздействие на все прочие, влияющие на образование той или иной почвы, причем фактор времени дополняет это воздействие. Особенно разрушающее действие производят ветры, к ним присоединяются колебания температуры и конденсация влаги по ночам все это способствует выветриванию скальных пород.

В Сахаре существуют такие сложные почвы как гара, предгорные почвы, чешуйчатые или хаотические аллюзии в Гире, останцы Тидикельта, почва Эль-Голеа и т. д. За исключением аллювиальных, которые здесь очень редки, остальные обрабатываемые почвы с точки зрения их структуры являются худосочными, попадающими в разряд песчано-тяжелосуглинистых почв. С химической точки зрения эти почвы бедны азотом и фосфорной кислотой и почти всегда лишены органических веществ.

Только земледелие в низких, заливаемых местах (дайя) не нуждается в орошении, но они составляют лишь небольшой процент всех обрабатываемых площадей. На всех же остальных полезных землях невозможно обойтись без орошения. Таким образом, источники воды и запасы водоносного слоя определяют всю сельскохозяйственную деятельность любого оазиса.

Для получения нормального урожая на гектар требуется в среднем 5 тыс. куб. м воды, т. е. 500 мм осадков в год. Однако в Сахаре вследствие содержания солей в воде, с одной стороны, и интенсивного испарения — с другой, в поверхностных слоях почвы откладываются соли, и поэтому, чтобы растворить и удалить их с орошаемых земель, приходится доставлять воды гораздо больше, чем это необходимо для нужд растений.

Стремясь использовать скудные ресурсы воды и почвы, сахарские земледельцы разработали «линейную» систему посадок вдоль уэдов и «точечную» — в оазисах.

В оазисах Тагаута оседлые жители веками пользуются колодцами с противовесом, тогда как кочевники, лишь недавно начавшие выращивать финиковые пальмы, довольствуются обычными, простыми колодцами. Кое-где подземную воду собирают и отводят по разветвленной сети фоггар, которых в Гураре имеется 340, в Туате — 531 и в Тидикельте — 64.

Фоггара — это сложное гидравлическое сооружение, с помощью целой системы подземных галерей осуществляющее сбор и подачу подземных вод. Над галереями на некотором расстоянии друг от друга устроены шахты для вентиляции и удаления выкопанной земли. Фоггара доставляет воду на уровень, слегка превосходящий уровень оазисов, и поэтому вода течет сама.

Наконец, в других районах, особенно в уэде Рир, необходимую для земледелия воду добывают из скважин с приличной глубины. К сожалению, много воды пропадает на пути от источника до орошаемых участков; ее можно было бы использовать с большей пользой.

Система землепользования до сих пор чрезвычайно сложна. Существует четыре категории земель: мельк, которая если не юридически, то фактически является частной собственностью и принадлежит исключительно белым, согласно глубоко укоренившемуся в обычаях принципу "траб ал-бейда", что значит «земля белых»

Эту землю обрабатывают для них харратины (бывшие черные рабы), которые получают за свою работу необходимый прожиточный минимум, а именно пятую часть урожая. Сейчас начинает развиваться другая форма отношений, нечто вроде сдачи в аренду. Владелец предоставляет земельный участок, семена и пальмовые саженцы, а хамес (издольщик) обязуется произвести посадки и обрабатывать участок в течение определенного срока; в конце этого срока он становится владельцем трети или половины этого участка.

Земли мельк почти повсюду раздроблены, так как делятся между наследниками; случается даже, что отдельные пальмы имеют несколько владельцев.

Земли арш не являются частными владениями. Они принадлежат племени, право же пользования этой землей передается тому, кто ее занимает и регулярно обрабатывает. Больше того, обусловлено, что это право распространяется только на мужчин.

Земли хаббус связаны с пожалованием участков религиозному, благотворительному или общественному учреждению. Эти земли имеют три характерные особенности: они неотчуждаемы, неотъемлемы и неприкосновенны. Хаббусат (акт о пожаловании) со временем претерпел изменения и в настоящий момент чаще всего поедставляет собой не больше чем оговорку, юридический документ. Главной, если не единственной целью основателя хаббуса является стремление воспрепятствовать действию наследственного права.

Кроме земель хаббус, жалуемых какому-либо благотворительному учреждению, существуют хаббус — частные земли. Сейчас наблюдается тенденция к увеличению числа последних вследствие эмиграции населения.

К примеру, глава семьи, уезжая из оазиса, но собираясь вернуться, уступает свою землю в качестве хаббуса и тогда его семья не может продать эту землю в его отсутствие. Право пользования частным хаббусом передается по наследству, пока род не прекратится.

После получения независимости в Сахаре появились земли, отличающиеся от всех перечисленных выше всех, известных в мусульманском праве. Эти земли принадлежат социалистическому сектору и подчиняются особому уставу и самоуправлению. В сектор входят, с одной стороны, пальмовые плантации, принадлежавшие крупным европейским землевладельцам, с другой — земли колониальной администрации; в настоящее время все эти земли подчиняются Национальной службе сельскохозяйственной реформы.

Здесь возможны две разновидности земледелия: одна с использованием паводков, другая с помощью ирригации.

Система паводков заключается в следующем: после спада воды крестьянин или кочевник обрабатывает участок с помощью своих обычных орудий (лопаты, заступа, гадума и изредка плуга). Такой участок предназначается исключительно под зерновые. Из-за неравномерного выпадения дождей урожай, как правило, удается собрать один раз в три года. Следует отметить, что в большинстве случаев представление местного населения о сельскохозяйственном цикле весьма относительно.

Крестьянин обрабатывает землю по мере того, как спадает вода, а также когда находится для этого время, особенно если он скотовод-кочевник.

Обработка земли с применением орошения имеет различные формы: система бурбур (когда непосредственно к корням растений подводится подпочвенная вода); орошение на базе уэдов водами поверхностного стока,

водами источников; использование подпочвенных вод с помощью простых колодцев, колодцев с противовесом, колодцев с блоком и животной тягой, фоггара и артезианских колодцев.

Финиковая пальма лучше других растений приспособлена к сахарским условиям, и не только потому, что она растет на любой почве и переносит среднюю засоленность, превышающую 12 г на литр, какую не способно выдержать почти ни одно другое растение. Она хорошо приспособилась к сахарскому климату, с его зноем и резким перепадом температур. Действительно, финиковую пальму не губит ни температура выше + 50°C, ни холод, доходящий до — 10°C. Время цветения для большинства ее видов приходится на период между 15 марта и 15 апреля. У этой пальмы мужские и женские цветы растут на разных деревьях, поэтому для получения положительных результатов опыления необходимо вмешательство человека.

Урожай снимают с июля до ноября. Различают два вида финиковых пальм: одни приносят плоды с тонким вкусом, сорт деглет-нур, отправляемый на экспорт, другие дают обычные финики.

Но человек пользуется не только плодами пальмы. Стволы пальм идут на поделки и на топливо, листья используются для покрытий различных хижин и для плетения, а из их волокон плетут мягкие изделия и вяжут веревки. Сок служит для приготовления алкогольного напитка (лагми), и даже косточки идут на корм животным.

Наконец, тень, отбрасываемая пальмами, тоже приносит пользу: в Сахаре невозможно было бы разводить те культуры, которые растут под ее прикрытием. Поэтому в большинстве пальмовых рощ сельскохозяйственные культуры произрастают в три этажа: самые высокие финиковые пальмы, затем под ними — многочисленные виды фруктовых деревьев, и, наконец, однолетние травяные культуры (зерновые, овощи) .

Основную часть остающейся площади засевают ячменем, и особенно мягкой пшеницей. Подобная система гораздо ближе к огородничеству, нежели к земледелию, поскольку земельные участки настолько малы, что порой едва достигают нескольких квадратных метров. Сев производят в октябре. Уход за посевами сводится лишь к поливу и нескольким прополкам. Один, или два раза приходится обрезать верхушки деревьев, что, впрочем, дает дополнительный корм мелкому скоту: козам, овцам и т. п.

Урожай снимают в марте — мае, выдергивая стебли из земли. Сорго и просо сеют в апреле — мае, а урожай собирают в октябре — ноябре, по мере созревания колосьев, стремясь тем самым уменьшить ущерб, наносимый птицами. Разведение овощей и фруктов необходимо, чтобы дополнить рацион жителей Сахары витаминами.

Как и в умеренной зоне, овощи выращивают в два сезона в зависимости от их сорта и вида: с октября по апрель и с апреля по октябрь. В основном выбирают простые культуры, которые хорошо переносят суровые климатические условия и, главное, не гибнут от избытка

соли. Если почва или вода слишком соленые, приходится отказываться от разведения фасоли и клубники.

Артишоки, свекла, сельдерей, капуста, бобы и лук-порей — прихотливые растения; морковь, репа, репчатый лук, спаржа, кресс, помидоры более выносливы, но их вкус портится от высокого содержания соли. Очень выносливое растение виноград, он хорошо растет в большинстве оазисов; к сожалению, иногда его поражают болезни. Фиговые, абрикосовые и гранатовые деревья пользуются славой непритязательных и встречаются повсюду; реже выращивают цитрусовые и еще реже, особенно на севере, оливки, яблоки, персики и сливы.

В некоторых местах разводят такие промышленные культуры, как табак и хлопок (особенно в Суфе и в Туате) .

Бичом для Сахары является нашествие саранчи, причем, по наблюдениям, появление этих насекомых происходит циклами, каждые восемь лет.

Большой ущерб причиняют птицы, особенно продовольственным культурам. Постоянные опустошения наносят также крысы и муравьи.

Немало в Сахаре и других врагов сельскохозяйственных культур, хотя эта область самая засушливая во всем мире. До сих пор практически ничего не было сделано для исправления подобного положения; с одной стороны, неизвестны предупредительные или репрессивные меры, а с другой — никто не заботится о введении более стойких видов сельскохозяйственных культур.

Упомянем, наконец, байюд — чрезвычайно опасную болезнь. Она представляет собой угрозу как для финиковых пальм, так и для всего сахарского сельского хозяйства. Байюд — это *physariose* пальмы. Около века назад эта болезнь впервые появилась в Марокко, где она уничтожила свыше 5 млн. пальм, тем самым полностью вычеркнув Марокко из списка стран — экспортеров фиников. С тех пор она медленно, но верно проникает в Алжирскую Сахару, а за последнее десятилетие этот прогресс ускорился в результате развития транспортных средств. Недавно байюд обнаружили уже в Метлили, рядом с зоной разведения пальм деглет-нур, оказавшихся наиболее восприимчивыми к этой болезни, против которой до сих пор не найдено никаких действенных средств. Если так будет продолжаться, это угрожает гибелью почти всей сельскохозяйственной продукции сахарских областей.

СУФ

Если в Алжирской Сахаре существует место, полностью отвечающее манящему и несколько романтическому образу пустыни — как ее представляют себе туристы, — то эта, конечно, Суф. Никто из побывавших здесь не может избавиться от того волшебного впечатления, которое остается от огромного моря песка, простирающегося от Туггурта до тунисской границы. Среди этих гигантских золотых волн рассыпаны зерна оазисов, образующих настоящий архипелаг. Самый крупный живописный из них — Эль-Уэд, выделяющийся единственной в своем роде

сахарской архитектурой. Крыши всех его построек имеют форму купола, и если посмотреть на город с высокой дюны, можно подумать, будто он построен из тысяч перевернутых яичных скорлупок.

Шум и оживление большого базара, располагающегося каждое утро на площади перед мечетью, не в силах нарушить — в отличие от всех других оазисов библейского и несколько таинственного покоя Эль-Уэда. Песок, тонким войлоком покрывающий все извилистые улочки, заглушает даже постукивание копыт ослов, безраздельных хозяев городского движения.

Чтобы насладиться свежестью пальмовых рощ, нужно только спуститься в огромную естественную впадину, в центре которой неутомимые и предусмотрительные жители несколько веков назад вырыли воронки, высадили рощицы деревьев, с трудом защищаемые от вечного нашествия песков. Таким образом, корни пальм непосредственно питаются подпочвенной водой. В качестве вознаграждения за эту тяжелую работу деревья приносят ежегодно по 40 кг фиников.

Их существование находится под постоянной угрозой, и, охраняя его, люди каждую ночь поднимают на своей спине со дна воронки корзины с песком. Это шествие ночных теней, освещаемое светом пальмовых факелов, придает фантастичность столь необычной и тяжелой работе.

Пальмовые рощи в Суфе принадлежат примерно 15 тыс. представителям древних племен ребайя, ведущим

полукочевой образ жизни: полгода они обрабатывают их, а другие полгода кочуют со своими стадами по всему восточному по всему Восточному Эргу. Эти кочевники Сахары, некогда свершавшие героические деяния, упорно - продолжают скитаться по песчаному морю и не хотят перейти к оседлому образу жизни и выращивать новые огородные культуры, чтобы поднять свой жизненный уровень.

Их общественная организация — более прочная, чем у других племен Суфа— покоится прежде всего на кровных узах. Эта патриархальная система прослеживается на различных уровнях. Основной ячейкой является, разумеется, домохозяйство — «палатка». Она включает от шести до восьми человек, причем нередко вместе живут три поколения. Патриархальная семья объединяет определенное число домохозяйств, мужчины которых связаны родственными узами. Осенью эта семья располагается на стоянку в одном поселке, где оставляет на хранение запасы продовольствия и иногда живет продолжительное время.

Племя (арш) — более крупная единица, нежели патриархальная семья, но, по сути дела, оно носит тот же самый характер.

Племена ребайя также обнаруживают патриархальные черты. Они пользуются одним знаком для клеймения верблюдов, с некоторыми изменениями для каждого племени отдельно. 14 племен ребайя претендуют на общее происхождение, хотя на самом деле тесные генеалогические связи объединяют лишь некоторые из них.

Прочность племенной организации нередко обуславливается браками между близкими родственниками. т.е. патриархальной эндогамией. Другая особенность союза племен ребайя состоит в том, что их общественная жизнь прдолжает подчиняться законам обычного, а не канонического права, как принято у всех оседлых племен. Поэтому вождь ребайя имеет весьма обширные полномочия и носит почетный титул шейх ал-Орф (знаток обычаев).

Кроме того, ребайя относятся к числу тех алжирских кочевников, которые в большей степени, чем остальные, оказались на обочине современного мира, точно так же как племена регейбат в Западной Сахаре. До получения независииости ничто не нарушало установившийся порядок их кочевой жизни и архаического общества.

Поскольку они остались в стороне от большой транссахарской торголи, то жизненный минимум им обеспечивает скотоводческое хозяйство и несколько пальмовых рощ. Вот почему еще и сегодня, несмотря на усилия алжирских властей повысить их жизненный уровень, т. е. привлечь к земледелию и к торговле, ребайя не участвуют в жизни Суфа. Тем не менее политические перемены все-таки коснулись и их, особенно на севере, где опустошения, произведенные войной, отразились, в частности, на поголовье скота и на пастбищах.

Здесь были созданы коммуны, охватывающие как кочевое население, так и жителей деревень; ребайя имеют своих представителей в муниципальных советах.

Некоторые из молодых ребайя жизни пастуха-кочевника предпочитают работу по найму. Небольшими группами они появляются в центрах, где ведутся какие-либо строительные или промышленные работы. Так, около сотни ребайя работают на нефтяных предприятиях; другие трудятся на стройках, проводимых в рамках общественных работ алжирским государством и Сахарской службой освоения земель. И первый признак подобного соприкосновения с нашим веком проявляется у кочевников Суфа в виде тех же новшеств, что и в других местах: в палатки, куда до сих пор доступ техническому прогрессу был закрыт, появляется транзисторный приемник.

Эволюция жилища в Алжирской Сахаре

Самые древние постройки в Сахаре — дома в ксурах, укрепленных поселках, где происходил симбиоз жителей оазисов с кочевниками. Они выросли вдоль караванных дорог в самых плодородных долинах, образуя нечто вроде островов или архипелагов посреди пустыни, и поэтому служили перевалочными пунктами для погонщиков верблюдов и проводников караванов, которые здесь отдыхали и запасались продовольствием; здесь же находились склады, где кочевники всей округи хранили свои запасы, и сюда же все съезжались на базар.

Земледельцы, торговцы, ремесленники давали этим городам жизнь, которая, кстати, была превосходно налажена. Кроме того, такие города играли важную религиозную роль.

Являясь желанной добычей для врагов, городам приходилось укрываться от них за укреплениями; последние хотя и выполняли свою роль, однако имели тот недостаток, что ограничивали дальнейшее увеличение селения. Поэтому в ксурах дома нависают друг над другом подобно черепице, занимая, таким образом очень небольшую площадь. Нередко вторые этажи домов соединяются над улочкой, на которой едва могут разойтись два человека.

К числу самых характерных особенностей жилищ этого типа относятся перенаселенность и антисанитарные условия, однако изменить подобное положение практически невозможно, пока город не выйдет за пределы своих укреплений.

В конце прошлого века, когда в Сахаре было покончено с грабежом, кочевники начали строить склады-зернохранилища, до тех пор располагавшиеся только внутри ксуров, рядом с палатками, которые разбивали на зиму. Некоторые высаживали даже пальмы и строили небольшие деревни в стороне от существующих центров. Поскольку все больше людей переходило на оседлое положение (практически это началось около 1920 г.), то вокруг «складов-зернохранилищ» постепенно начали вырастать настоящие дома. Вначале эти жилища, объединявшие семьи, отдельные племена и фракции племен, были разбросаны на обширной площади, на малопомалу, с увеличением интенсивности строительства, они превращались в настоящие кварталы. Теперь же эти

кварталы объединились и образовали поселки со школами, амбулаториями, мэриями, почтовыми отделениями и т. п.

Независимо от того, кто занимает данную область, кочевники или оседлые жители, совершенно очевидно, что устройство административных, технических, медицинских и тому подобных служб, а также строительство жилых кварталов способствуют развитию поселений городского типа. Известны случаи, когда на базе французской колонии возникали новые города, которые привлекали затем в этот район какое-то число семей извне, в частности торговцев. Жители ксуров, в свою очередь, если им удастся решить земельный вопрос, все чаще пытаются селиться вне городских стен. Наконец, в последние годы создаются сельскохозяйственные центры, где дома строятся рядом со вновь освоенными орошаемыми площадями (с помощью Службы освоения земель).

Разумеется, подобная эволюция города сопровождается изменением типа самого жилища, особенно в пригородных поселениях. Но конечно никакая эволюция не может происходить в центрах, созданных как попало, а в ксурах изменение жилищ весьма затруднительно, чтобы не сказать невозможно.

Дома, построенные в последнее время, как правило, просторнее, фундаментальнее, чем прежние, в них больше воздуха. Они снабжены туалетом, душем, кухней, иногда даже окнами, выходящими и на улицу: жители Сахары воспользовались примером домов, построенных на европейский лад. Могут возразить, что это европейское

влияние поверхностно; сказываются вековые традиции и особенно отсутствие средств, которые можно было бы вложить в подобного рода операции.

Естественно, трудно предугадать, в каком направлении будет изменяться тип дома в Сахаре, поэтому нам придется довольствоваться изложением тех принципов, которые представляются наиболее важными для осуществления эффективного строительства в этих районах. Совершенно неверно считать успехи в жилищном строительстве лишь дополнением к экономическому развитию или следствием повышения жизненного уровня.

На самом деле, правильная политика в этой области должна способствовать оптимальному осуществлению планов экономического развития, а следовательно, быть их составной частью. Она должна предусматривать людские ресурсы и рост производительности труда, а также распределение занятий населения применительно к хозяйственным функциям каждой провинции.

Последняя проблема заставляет нас помнить еще об одном важном принципе. Как это наблюдается в большинстве развивающихся стран, сельские районы по сравнению с городами находятся во всех отношениях в невыгодном положении, что неизбежно приводит к тяжелым последствиям. Только плановое строительство может разрешить этот серьезный вопрос. Иными словами, необходимо предоставить в распоряжение крестьян орудий труда для обработки земель, а также обеспечить для них такие условия жизни в которых они могли бы наилучшим

образом проявить себя. Это, между прочим, приостановит уход населения из деревень, его оседание в городах и разрастание бидонвиллей.

Однако, прежде чем приняться за осуществление кого бы то ни было проекта, необходимо учесть климатические условия сахарских областей.

Будучи страной контрастов, Сахара характеризуется высокой средней температурой, чрезвычайно небольшим количеством осадков и весьма незначительной влажностью. Как правило, местные жители предпочитают строить глинобитные дома, а камень, который труднее обрабатывать, предназначается для богатых домов и общественных зданий. Что касается способа покрытия кровли, то (за исключением Суфа, где в почете остается купол) больше всего распространена плоская крыша, остов которой составляют балки из пальмового дерева, или крешба.

Слой глины различной толщины обеспечивает ее теплоизоляцию.

Что можно сказать о самом жилище? В большинстве жалких сахарских ксуров оно окружено глинобитной стеной, за которой находится крытое помещение, где вся семья теснится зимой и в жаркие летние часы, и двор, где проводят остальное время и взрослые, и дети.

Люди привилегированные — а их немного — больше заботятся об удобствах. Их жилые помещения располагаются вокруг внутреннего двора, в доме всегда есть погреб и часто второй этаж.

Поскольку материалы с малой теплопроводностью отсутствуют, для обеспечения теплоизоляции возводят стены толщиной в метр и более. Благодаря этому в доме температура практически не изменяется в течении суток.

В мае, т. е. в начале лета, внутри таких домов температура держится около $+25^{\circ}\text{C}$, как ночью, так и днем, когда в тени она поднимается уже до $+40^{\circ}\text{C}$. Поэтому, войдя в дом, ощущаешь приятную прохладу. Зато в августе, когда жара уже пронизала насквозь всю толщу глины или камня, из которых сделаны стены домов, температура в них поднимается до $+38^{\circ}\text{C}$ и не спадает. В полдень еще кажется, что в доме относительно прохладно, так как в это время снаружи термометр показывает выше $+45^{\circ}\text{C}$, но, когда наступает вечер, он напоминает внутренность печи.

Жильцы покидают его и спят на крышах или в садах. И лишь в конце октября сахарский житель возвращается в свою спальню. Несмотря на подобные неудобства, методы строительства не менялись вплоть до последнего времени. Сами европейцы тоже возводили свои дома из глины или камня — вне зависимости от района.

Новые методы строительства появились в Колон-Бешаре, а позднее на стройках нефтяных компаний во время второй мировой войны. Во временных лагерях, разбиваемых вокруг буровой, нефтяники живут в небольших домиках. Их можно перевозить на грузовиках и тотчас же использовать.

Практически речь идет о контейнерах с превосходной тепловой изоляцией, своего рода «норвежских котелках», в которых искусственным путем, с помощью обогревателей и кондиционеров, поддерживается постоянная температура. Чтобы уменьшить вес этих домиков, их тонкие стенки делают из материалов, обеспечивающих хорошую изоляцию (пробка, стекловолокна, стиллит и т. п.).

Благодаря небольшому размеру такого домика - около 15 куб. м в нем можно очень быстро установить желаемый режим, а полученную температуру сохранять в течение продолжительного времени как зимой, так и летом, особенно если он оборудован тамбуром. Домики, которыми пользуются на нефтепромыслах в Тимимуне, имеют стенки толщиной 10 см. Внешняя сторона такой стенки обшита досками, затем идет алюминиевая бумага, слой пробковой коры, пустота, лист многослойной фанеры и, наконец, обшивки из древесноволокнистой плиты.

Совсем недавно конструкторам удалось создать еще более тонкие стенки, но с лучшей теплоизоляцией благодаря полистиролу, чей коэффициент проводимости равен 0,030.

Однако стоимость этих материалов все еще очень высока, так что инженерам нередко приходится довольствоваться менее эффективными образцами, прибегая к помощи более мощных кондиционеров.

Что касается военного строительства, то и в постоянных лагерях, и во временных казармах, которые приходилось в большой спешке возводить в незамирных областях, здесь лучше всего зарекомендовали себя металлические бараки,

так называемые "тропические павильоны Фильо», с двойной стенкой.

Внешняя стенка барака выполнена из стального листа толщиной 2 мм; внутренняя обшивка, состоящая из изолирующей волокнистой панели (коэффициент проводимости равен 0,07), устанавливается таким образом, что между обеими стенками образуется пустота 40 мм. В сахарских районах теплоизоляция усиливается благодаря слою стекловолокна, уложенному на изолирующую панель в промежутке между стенками. Стальной лист покрывают специальной краской, уменьшающей поглощение им света в дневное время, а ночью металлическая стенка, способная интенсивно отдавать тепло, очень быстро остывает и одновременно охлаждает воздух, находящийся между стенками.

Таким образом, смена температур происходит настолько быстро, что жара летом и холод зимой не распространяются на внутреннюю изолирующую панель, температура которой практически не изменяется.

Эффективность подобной системы усиливается за счет широкого выступающего навеса, предохраняющего окна, двери и стены от нагревания солнцем, а также чердачного фонаря, обеспечивающего необходимую вентиляцию кровли.

Эти бараки имеют большие преимущества, в том числе и такое важное, как уменьшенная потребность в кондиционерах, но из-за их высокой стоимости предпочтение все еще отдается деревянным или асбестоцементным домикам. Тем не менее опыт последних

лет доказывает, что металлический вариант наиболее удачный и строительство в Сахаре следует развивать с учетом использования методов охлаждения, которое вызвано очень сильным излучением в местности со всегда ясным небом.

В городах, где цены на земельные участки растут день ото дня, площадь, занятая домами, не увеличивается, так как строительство вот уже несколько лет ориентируется на возведение многоэтажных домов, и в Колон-Бешаре, например, теперь высятся четырехэтажные здания. Подобное нововведение обеспечивает жильцам хорошую вентиляцию, спасая их от уличной пыли и зноя, исходящего от земли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

"ПО ДОРОГЕ ЗОЛОТА И СОЛИ"(ТАФИЛАЛЕТ-ТОМБУКТУ)

Глава I

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ БОГАТСТВА

Благодаря десятилетним исследованиям и сопутствующим им открытиям французского школьного учителя Жана Малома, имя которого раньше не было известно археологам, история Южного Марокко отступила в прошлое на несколько тысячелетий и отсчитывается теперь с бронзового века.

Жан Малом преподавал в коллеже Сиди Мухаммед в Марракеше и был далек от археологии. С помощью специалистов он приобрел необходимые знания и опубликовал сообщения о своих открытиях в «Трудах филоогического факультета Рабатского университета». Обнаруженные Ж. Маломом наскальные рисунки особенно ценны тем, что представляют собой произведения до сих пор совершенно неизвестного искусства.

В Марокко нет ни одной другой археологической находки, относящейся к этой эпохе. На рисунках изображены люди, а также животные, которых ныне нет в Марокко, слоны, быки, бумеранги, луки и стрелы, бронзовые алебарды и кинжалы, загадочные, по-видимому культовые, фигуры, двухколесные колесницы, похожие на те, что были обнаружены в Ахаггаре и Тассили..

В целом собрание составило 3500 наскальных рисунков, выполненных на песчанике в горах Высокого Атласа, именно в Укаимедене, Джебель-Ягуре, Тизин-Тирлисте.

Ж. Малом провел большую работу: он не только сделал опись и зафиксировал место этих рисунков, но и тщательно воспроизвел их, перенося на кальку или фотографируя самые интересные. Затем он попытался расшифровать их и пришел к выводу, что алебарды на этих рисунках относятся к эпохе бронзы, так называемой «Западной Бронзовой II». Ж. Малом выявил также сходство с подобными же рисунками, обнаруженными в Испании, Португалии, Бретании, Ирландии и Шотландии. «Не рискуя совершить большую ошибку,— утверждает Ж. Малом, — эти алебарды, очевидно, можно отнести, пользуясь римским

календарем, ко II тысячелетию до н. э., к периоду поздней бронзы." На некоторых рисунках явно изображены люди, принесенные в жертву; они повержены стрелами и кинжалами, но сами вооружены алебардами и кинжалами. В то время к люди воспроизведены очень неумело, животные выполнены в великолепной стилизованной манере.

Эти находки дают возможность составить представление о жизни людей 4 тыс. лет тому назад. У них было оружие: алебарды, треугольные бронзовые кинжалы, насаженные на деревянные рукоятки (иногда даже видны заклепки), луки со стрелами, бумеранги. Для выполнения рисунка они пользовались долотом, молотком и заостренными предметами.

У них были двухколесные колесницы с дышлом, запряженные лошадьми или быками. Они занимались охотой: на рисунках изображены животные из семейства кошек, слоны, антилопы... Некоторые рисунки, вероятно религиозного содержания, где большое место отводилось солнцу, были намеренно испорчены около тысячного года н. э., может быть, приверженцами ислама. Остается загадкой, из чего эти люди получали бронзу и где они ее обрабатывали. Ведь до сих пор не было найдено ни одного предмета из представленного и рисунках оружия; ни одной мастерской, ни одного месторождения руды. Горы все еще охраняют от нас свою тайну. В открытых в Атласе рисунках с изображением людей и животных проявляется сходство с наскальным искусством долины нижнего течения р. Дра и горных цепей Сарго, Сирвы и Бани начиная от Фигига и вплоть до Суса и Нуна. Это типичное для Севера

наскальное искусство имеет продолжение далее на юге в виде значительной группы рисунков на скале Ханк. Как показывают работы Ж. Малома, в доисторический период горы Высокого Атласа не представляли собой непреодолимую преграду между сахарскими цивилизациями и цивилизациями, существовавшими на равнинах Северной Африки.

В ходе двух научных экспедиций, в 1937 и 1950 гг., Одетта дю Пигодо и Мариан Сенон обнаружили и обследовали еще четыре стоянки с образцами наскального искусства; Эль-Хавейрра, Сиди-Бу-Лануар, Асса и Фум-эль-Хасан.

Фум-эль-Хасан со своими 114 рисунками представляет собой одну из самых значительных и самых разнообразных стоянок этого района. В его окрестностях в изобилии найдены первобытные орудия из тесаного или полированного камня, палеолитические и неолитические пластины, грубые рубила, тяжелые топоры, пластины с зазубринами, скребки, резцы, наконечники стрел, миниатюрные рыболовные крючки из кремня.

Фум-эль-Хасан, или Таманарт, который можно назвать «музеем наскального искусства», расположен на южной оконечности Таггунатин-н-Тиршта, у подножия северного склона Бани.

Реализм изображения силуэтов на твердом гладком песчанике окружающих скал, а также проявившаяся в них фантазия, мастерство, а подчас и изящество штриха заслуженно делают эти рисунки произведениями искусства.

Трудно определить возраст этих рисунков. По мнению Р. Вофрея, наскальное искусство Северо-Западной Африки не выходит за пределы неолита. Т. Моно и Р. Моин делят их на три группы:

- 1) самая древняя (период с 5000 до 2000 г. до н.э.) — в нее входят те рисунки, ~на которых изображены хорошо исполненные, подчас стилизованные силуэты людей и животных; к концу этого периода сокращается число крупных представителей фауны, что свидетельствует о начавшемся наступлении пустыни;
- 2) вторая группа (период II тысячелетия до н. э.) - охотник начинает заниматься скотоводством, и теперь в его рисунках первое место занимают животные, сам пастух наг, но вооружен луком и стрелами;
- 3) третья группа (I тысячелетие до н. э.) — появляется лошадь; изображение человека стилизованно и принимает форму песочных часов, его голова увенчана перьями, он вооружен круглым щитом, дротиком, широким коротким ножом; он ездит не верхом на лошади, а на колесницах, которые изображены схематически - дышло, ось и два колеса. Этот период заканчивается около 100 г. н. э., с появлением на рисунках всадников и верблюда. Последние рисунки отличаются примитивным и грубым исполнением.

Эпоха расцвета наскального искусства широко представлена в Фум-эль-Хасане 12 слонами, пятью носорогами, одним буйволом, жирафом, свиньей, страусом,

обнаженным танцующим человеком, четырьмя топорами, восемью двухколесными колесницами, декоративным орнаментом, покрывающим большую площадь, множеством антилоп и быков. Размер этих фигур колеблется от 18 до 95 см, а высота не превышает 30-40 см. Все они, без исключения, ориентированы на юг, лишь иногда слегка наклонены к востоку или западу. Поскольку художники были охотниками, они старались склонить на свою сторону удачу и часто изображали дичь пронзенной в такие жизненно важные органы-

, как сердце, печень, почки; иногда жертва изображалась идущей по наколотой точками дороге к ловушке виде концентрических кругов. Эти люди рисовали свой скот с большим животом и выменем, т. е. таким, каким хотели бы его видеть.

Среди менее древних рисунков особый интерес представляют колесницы, ибо они означают, что между Берберией и странами Чарной Африки существовали давнишние связи. Эти схематические рисунки, выполненные посредством простого накалывания, наводят нас на мысль, что путешественники набрасывали их наспех, как будто делая зарубки, чтобы легче найти обратную дорогу или указать ее другим путешественникам. Это уже не художественные или магические произведения, а всего лишь путевые знаки, выбитые у слияний уэдов, в запутанных проходах через горные массивы или на скалистых вершинах, одиноко возвышающихся среди однообразных рогов, где так легко заблудиться.

Р. Мани установил трассу западного маршрута таких колесниц: начиная от Фигига (ущелье Зенага) 142 колесницы располагаются вдоль дороги, которая проходит через Тауз, Фум-эль-Хасан, Земмор, Адрар-Тмар, Тагант, Дар-Тишит, Валату и заканчивается в Мали, в Тондйа, близ Гундама.

К югу от Атласа, в районе, расположенном перед Марокканской Сахарой, встречается множество могильных курганов. Большие некрополи в виде курганов были обнаружены в восточной части этого района: это Фум ар-Рджам на юго-западе и Эрфуд на северо-востоке.

Эти захоронения имеют многочисленные аналогии. Они представляют собой постройки различных размеров из необожженного кирпича в форме усеченного конуса. Внутри каждой постройки находится погребальное помещение, сделанное из неотесанных плит, расположенных горизонтальными рядами и образующих незавершенный свод. Прямоугольное отверстие свода закрывалось каменной плитой.

Как и Эрфуде, так и в Фум ар-Рджаме захоронения были чаще всего не индивидуальными, а общими и насчитывали до пяти-шести скелетов, почти всегда в согнутом положении. Наиболее явное различие между этими двумя могильными группами заключается в том, что погребальные камеры в Фум ар-Рджаме возведены на земле, тогда как в Эрфуде для них выкапывали яму и закрывали их плитой на уровне почвы.

Курган представляет собой простой способ захоронений, который характерен для обществ с простейшей цивилизацией; возможно, этот способ обуславливался наличием твердых грунтов, в которых трудно копать могилы.

В конусообразных курганах трудно обнаружить какие-либо характерные особенности, позволившие различить их или сгруппировать по типу, отнести к какому-то определенному народу или установить время их возведения. Размеры курганов колеблются от 2 до 12 м в диаметре. Они бывают закругленными, остроконечными или имеют форму кратера и всегда выложены из плохо обработанных и необожженных камней. Нередко в погребальной камере со стороны боковой стенки кургана проделывается окошко, рядом с которым отводится место для подношений мертвым. Иногда несколько курганов связаны между собой тропинкой.

Внутри эти памятники не имеют ничего характерного. В большинстве случаев здесь находится погребальная четырехугольная или овальная камера, чаще возведенная на поверхности земли. Главная ось погребальных камер в основном направлена с северо-запада на юго-восток, причем головой покойник лежал к востоку, где также располагалось окошко и место для подношений, если таковое имелось. Что касается скелетов, обнаруженных в могилах то в большинстве случаев они оказывались в более или менее сагнутом положении.

Большинство известных погребальных курганов в Северной Африке — семейные захоронения, где покоятся останки нескольких человек; индивидуальные могилы распространены не столь широко.

Погребальные предметы находят очень редко и в небольшом количестве, да и в этих случаях они не представляют собой художественной ценности. К тому же часто они нетипичны и не позволяют сделать выводы относительно их точного возраста.

Возможно, что в Египте, и особенно в Нубии, некоторые курганы относятся к давним эпохам и восходят даже ко II тысячелетию до н.э., однако в целом курганы Северной Африки и Сахары не очень древние. Найденные в них монеты указывают, что они служили владельцам в конце карфагенской эпохи (III в. до н.э.), в нумидийскую эпоху (II-I вв. до н.э.), а также в римскую эпоху. Захоронения в форме кургана использовались, возможно, вплоть до исламизации различных областей.

Данные, которыми мы располагаем в настоящее время, слишком неточны, чтобы на их основании решить, кто строил курганы в Северной Африке, в том числе курганы в Фум ар-Рджама: оседлые жители, такие, как земледельцы-огородники предсахарских оазисов, черные или, может быть, негроидные; кочевники, возможно берберы, население неоднородное и плохо поддающееся идентификации, которое обычно относят к белой расе;

оседлые и кочевники, совместно или последовательно пользовавшиеся одной и той же территорией для погребений.

У нас нет ни текстов, ни надписей, ни погребальных предметов, мы не можем идентифицировать останки, но мы располагаем самими захоронениями, знаем их местонахождение и представляем, какое население живет там ныне. Фум ар-Рджам расположен на границе между земледельческой и скотоводческой зонами. Там проходили большие караванные пути, связывавшие Западный Магриб с Суданом. Некогда он был одним из важнейших пунктов, где встречались кочевники Сахары и оседлые жители оазисов; таковым он оставался до самого недавнего времени. По-видимому, самым древними оседлыми жителями здесь были черные, или негроиды, от которых и произошло то многочисленное чернокожее население, и сегодня живущее в оазисе Дра, на излучине этой реки и по ее верхнему течению. Подобное же население, по-видимому, продолжает населять все пальмовые рощи Южного Марокко. Большинство этих черных, или негроидов, говорит по-берберски, а те, кто имеет дело с арабскими племенами говорят также и по-арабски. С другой стороны, некоторые легенды сообщают, что в районе Дра в очень древние времена поселились евреи и образовали там мощное государство, которое впоследствии было ослаблено борьбой против христиан и затем погибло под натиском берберов-альморавидов (XI — XII века).

Наконец, в состав населения оазисов в области Дра входят берберы и арабы: одни уже осели здесь, другие все еще

кочуют. Большинство из них, появилось здесь совсем недавно, а самые первые пришли всего лишь 200 — 300 лет назад.

Изучение местности, исследование и сопоставление данных о населении и захоронениях наводят нас на мысль, что некрополь в Фум ар-Рджама принадлежит скорее древнему черному, или негроидному, населению нежели кочевым племенам, которые вряд ли бы выбрали это отдаленное место для возведения семейных некрополей.

Что же касается возможных связей этого населения с исламом, то, хотя мусульмане и использовали иногда подобный способ захоронения, древность погребений в Фум ар-Рджама, ориентировка могил и скелетов, а также их согнутое положение, по-видимому, полностью исключают предположение, что эти курганы были когда-то возведены населением, подвергшимся исламизации.

Другой некрополь в предсахарском Марокко, а именно в Эрфуде, не отличается от некрополя в Фум ар-Рджама ни своим расположением рядом с некогда обширными и процветающими оазисами, ни основными особенностями захоронений.

Глава II.

ТАФИЛАЛЕТ — МЕСТО ВСТРЕЧИ

КАРАВАНОВ В МАРОККАНСКОЙ САХАРЕ

Тафилалет — обширная и плодородная область на краю Сахары. Она примечательна своим разнообразным населением, богатой историей и связанными с ней легендами. Эту область с пышно разросшимися пальмовыми рощами и окруженными зубчатыми стенами ксурами пересекает уэд Зиз. Тафилалет — ворота в Сахару, уже в течение многих веков главный перевалочный пункт для транссахарских караванов и меновой торговли.

Еще в период раннего средневековья между Марокко и Черной Африкой существовала оживленная торговля. Две большие дороги соединяли Марокко с Сенегалом и Нигером: одна из них проходила по прибрежной зоне Тизнит — Гулимин, другая через Тафилалет.

Последний был процветающей областью; современный живописный и оживленный базар на главной площади Эрфуда лишь жалкое подобие фундуков и караван-сараяв прежних времен.

Это в равной мере относится к торговле и ремеслам, слава о которых в течение многих веков была известна далеко за пределами Магриба. Ныне от них сохранилось лишь искусство дубления козьих шкур с помощью коры тамариска. Выдубленная кожа — ее называют "филали", как и жителей этого района, — после искусной обработки идет на изготовление различных предметов: сумок, бумажников, бабушей, пуфов и т. п., составляющих одну из основных статей марокканского экспорта.

Другой основной источник доходов для жителей Тафилалета — разведение финиковых пальм. Оазисы, островками рассыпавшиеся вдоль уэда Зиз от высоких заснеженных гор Атласа до бескрайних песков Сахары, подобны очаровательным тихим гаваням, утопающим в зелени. Погонщикам караванов, изнуренным трудным бесконечным переходом через Сахару, пальмовые рощи Тафилалета, естественно, представляются земным раем.

В одном лишь районе Эрфуда растет около миллиона пальм, в тени их терпеливый крестьянин выращивает почти все продукты сельского хозяйства: фруктовые деревья, овощи, ячмень. Пальма приносит ему финики, которые больше всех прочих ценятся в Марокко благодаря разнообразию сортов и высоким вкусовым качествам. Финик — символ Тафилалета, и каждый год октябре в Эрфуде отмечают большой «праздник фиников».

Сиджильмасса, промежуточная стоянка купцов и паломников. Самые древние из известных нам исторических легенд, относящихся к Сиджильмассе, восходят к 140 г. хиджры (757 г.), когда был основан город. Сиджильмасса сразу же стала основным пунктом длинного торгового пути, который вел вдоль северной границы Берберии из Египта в Марокко. Его посещали даже купцы из Басры и Персии. В Сиджильмассе преобладало влияние Востока. В источниках X в. отмечается сходство ее домов с постройками Йемена.

Сиджильмасса, основанная раньше Феса, стала вторым мусульманским городом Северной Африки после Кайруана, заложенного в 670 г. Он превратился в подлинный центр

сахарской торговли Марокко, включившись в напряженную политическую, экономическую и религиозную деятельность. В течение трех веков Сиджильмасса была столицей обширного независимого государства, простиравшегося от гор Атласа до долины р. Дра. Купцы всех крупных городов Востока имели здесь свои конторы или торговые представительства.

Замечательного расцвета достигла в Сиджильмассе и культура в VIII — XI вв. Как и Фее, этот город был одним из центров, где на пути в Аравию собирались марокканские паломники; нередко они выбирали из числа его жителей начальника каравана, направлявшегося в Мекку.

Сиджильмасса была красивым городом, с великолепными храмами и богатыми зданиями учебных заведений.

В этой области, не считая деревень, было построено 300 ксуров, из которых три пользовались особой известностью: Танегент, насчитывавший тысячу очагов; в 14 км от него — Татухасант, населенный чужеземными купцами, евреями, ремесленниками; и, наконец, Мамун, не менее обширный и многолюдный. Из-за раздоров между жителями в каждом ксуре были своя партия и вождь. Одни нередко брались за оружие или засыпали оросительные каналы противника, и даже, случалось, рубили финиковые пальмы.

Часть доходов ксуров (подать, уплачиваемая евреями, прибыль от чеканки денег) изымалась вождем.

Остальная же предназначалась арабам. Каждый вождь чеканил золотые и серебряные монеты. Монетный двор

начал действовать в Сиджильмассе после захвата его альморавидами в 447 г. хиджры (1055 г.).

Тафилалет (Сиджильмасса входила в его пределы) так процветал, что платил фатимидскому государству в Кайруане 400 тыс. динаров годового налога, т. е. половину того, что платила вся Северная Африка. Ибн Баттута писал в XIV в., что каждый житель имел дом кирпича-сырца, сад и поле.

Из нескольких вырытых колодцев вода с помощью больших колес (нория) поступала по трубам по всему городу.

Сиджильмасса была расположена в центре плодородной, хорошо орошаемой равнины, где в изобилии выращивали самый нежный виноград. Очень хорошо росли и хлеба, один раз засеяв поле, урожай собирали три года подряд. Кроме того, вдоль уэда Зиз выращивали хлопок, римский и полевой тмин, а также хну, которой снабжали всю Северную Африку.

Некоторые арабские авторы сообщают, что в Тафилалете не было мух, что жители ели собак и больших ящериц, которых и сейчас еще здесь множество. Как и в настоящее время, большинство жителей страдало болезнью глаз из-за сильных песчаных бурь.

Женщины в Сиджильмассе умели прясть очень тонкую шерсть и ткать из нее великолепные ткани.

Вплоть до XII в. основным предметом экспорта в транссахарской торговле была соль, которую перевозили на верблюдах. Купцы брали с собой проводников, способных ориентироваться в пустыне по звездам и горам, и запасались продовольствием на шесть месяцев.

Прибыв в Гану, они обменивали соль на равное ей по весу количество золота; иногда плата золотом удваивалась или возрастала еще больше, в зависимости от того, сколько купцов приходило с караваном.

Позднее первое место в экспорте товаров заняли финики, в обмен на них из Судана привозили рабов, золотой песок, слоновую кость, черное дерево и кожу.

Один андалузский автор XII в. рассказывает, что «когда отправляешься из Сиджильмассы в Гану, в страну черных, то идешь два месяца по необитаемой пустыне».

Другой арабский автор XI в. сообщает, что правителю Сиджильмассы пришлось приложить немало усилий, чтобы навести порядок в пустыне и обеспечить безопасность транссахарской торговли. После распада державы Альморавидов в XIII и XIV вв. торговлю с Суданом поддерживала уже не ослабевшая официальная власть, а частная инициатива. Возникли настоящие компании, и среди них самой известной стала компания, созданная братьями Маккари. Они прославились благодаря тому, что играли важную роль в коммерческих делах. Братья привели в порядок сахарские дороги, вырыли вдоль них холодцы и обеспечили купцам полную безопасность. Их дети основали общество, в которое каждый вкладывал все, что имел и зарабатывал, доходы же делились поровну. «Контора в

Тлемсене направляла в Сахару пользовавшиеся спросом товары, а сахарская контора отправляла кожи, слоновую кость, кокосовые орехи и золотой песок. Контора в Сиджильмассе, подобно стрелке весов, оповещала их о повышении или о понижении цен в различных местах и путем переписки держала в курсе торговых переговоров и новостей. Благо

даря этому их общее состояние росло, а их дела достигли значительного размаха".

Когда был завоеван Такрум и все принадлежавшие ему области, над судьбой и состоянием братьев Маккари нависла серьезная опасность, хотя двое братьев, живших в Валате, пытаясь защитить свое имущество, наняли даже солдат. Впоследствии им удалось договориться с королем; он принял их с почетом и позволил заниматься торговлей на всей территории страны. Принц Ибн Хаммун, впрочем, проявил себя превосходным администратором, заявив: «Если бы я не боялся совершить гнусное дело, я позволил бы жить в моей стране исключительно купцам, торгующим с Сахарой, ибо они увозят недорогие товары и привозят золотой песок— металл, которому все подвластно в этом мире; другие же купцы (напротив) вывозят наше золото и снабжают нас предметами, которые быстро снашиваются и исчезают, или заставляют нас менять наши привычки и развращают глупцов».

Братья Маккари не довольствовались тем, что стягивали в свои многочисленные конторы товары со всей Африки; помимо этого, они поставляли проводников и охрану купцам, пересекавшим пустыню.

В 1362 г. Сиджильмасса была опустошена кочевниками-арабами. Так начался ее упадок, а остальное довершили пески пустыни. Они засыпала сады, засорили оросительные каналы, разрушили здания и укрепления.

Султан Мулан Исмаил сделал попытку восстановить центр города, ему удалось отстроить касбу. Уже казалось, что Сиджильмасса вот-вот возродится, но в 1818 г берберы аит-атта спустились с гор Сарго, опустошил весь Тафилалет и нанесли его древней столице смертельный удар.

Сиджильмасса не сумела противостоять этим всадникам, была разграблена и разрушена. Ей не суждено было больше подняться из руин; они сохранились до наших дней.

В XIX в. Соланж Боден писала: «В Тафилалете изготавливают хаики и знаменитые сафьяны, дубят козьи кожи и после окраски отправляют их в Фес. Тафилалет — торговый и заготовительный центр. Здесь два раза в год собираются купцы из Феса, долины Дра, Рифа и с горных массивов Атласа, отправляющие свои караваны в Судан. В Тафилалете встречаются караваны Северного Марокко. Караваны Тафилалета отправляются в путь с караванами из Рабата, Тетуана, Феса, Марракеша, Орана, Тлемсена и из некоторых пунктов Алжирской Сахары. Из Тафилалета они спускаются до района Эль-Аариб, граничащего с пустыней, а после Игидира оказываются на той же самой дороге, что и караваны, идущие из Могадора и уэда Нун. Их конечным пунктом является Томбукту.

Как правило, караваны состоят из 800 — 400 верблюдов и множества мулов; они отправляются в путь два раза в год:

весной и в начале осени. Чтобы дойти до Томбукту, караванам достаточно шести недель, а там они остаются не дольше двух недель. Рассказы, услышанные в Могадоре относительно Томбукту от мавров, совершивших это путешествие, наводят на мысль, что его славе в равной мере способствовали как его отдаленность, делающая этот город желанной целью для караванов, преодолевших длинный и изнурительный путь, так и его предназначение - пункт хранения изделий и товаров из Судана.

Караваны увозят на юг большое количество соли, бабуши, хлопчатобумажные и шелковые ткани, ханки, индиго, сурьму, свинец, финики. А оттуда они доставляют черных рабов, индиго, слоновую кость, страусовые перья, синюю бумажную материю и золотой песок. Караваны везут с собой продовольствие, а вода встречается на их пути везде, кроме одного четырехдневного перехода. Затем Тафилалет сбывает в Марокко все эти товары и свои собственные ремесленные изделия: ковры, шерстяные ткани, козьи кожи и хну, которая очень высоко там ценится. Черные жители юга никогда не приезжают в Тафилалет, а ждут прибытия караванов, чтобы обменяться товарами».

Снаряжение больших караванов Транссахарские связи между Северной и Черной Африкой существуют уже в течение нескольких тысячелетий, однако лишь с приходом арабов возник настоящий класс торговцев и «профессиональных» проводников караванов, а постоянная торговля достигла международного размаха.

Купцы прибывали с севера — из Феса, Тлемсена, Туниса, Триполи, Каира, — где они производили все необходимые

закупки. В городах юга, которые арабо-берберы основали в пограничной с Сахарой полосе, купцы учредили настоящие справочные службы, информировавшие их о наиболее ходких товарах, существующей конкуренции, экспортных ценах, политическом положении и стабильности суданского рынка, а также о наиболее приемлемом маршруте в Северную Африку и т. д.

Подобная информация играла столь важную роль, что в некоторых торговых компаниях, например у братьев Маккари, один из компаньонов занимался только подобной деятельностью.

Такие города Северной Сахары, как Сиджильмасса, Уаргла, Зуила, Гадамес и т. д., превратились в громадные склады для хранения товаров, предназначенных для вывоза в Черную Африку. В эти города со всех сторон стекались купцы, чтобы продать свои товары коммерсантам, занимавшимся транссахарской торговлей, или чтобы самим принять участие в этом трудном, но доходном путешествии.

Одни североафриканские купцы, специализировавшиеся на этой торговле, например купцы из Агмата (Марокканская Сахара), либо сами совершали это путешествие, либо полагались на своих слуг или доверенных рабов. Другие же, подобно братьям Маккари из Тлемсена, имели постоянных корреспондентов и представителей в Тлемсене, Сиджильмассе и Уаргле. Последние покупали или нанимали у кочевых племен и необходимое количество верблюдов и откармливали их, готовя к переходу через Сахару. Здесь докупались товары в соответствии с заказами

информаторов, приобреталось продовольствие и наполнялись водой герба (бурдюки из козьей шкуры), без которых в пути не обойтись. Для сопровождения и охраны каравана набирали людей из сахарских племен, умевших кормить и поить дромадеров, нагружать и разгружать их и в случае необходимости лечить.

Проводник каравана, выбирался из тех кочевников, чью территорию караван пересекал. На начальнике каравана лежала трудная обязанность: определив сумму расходов, распределить их соразмерно весу и стоимости грузов. Он обладал необходимым авторитетом для поддержания порядка, назначал время отправки и прибытия каравана, определял места остановок и т. п. Позднее, к XIX в. эти правила были смягчены. В 1830 г.

отмечалась «либерализация» подобной системы на переходе Томбукту — Тафилалет: единоначалия больше не существовало, каждый погонщик был хозяином своих верблюдов, непосредственно отвечавшим за груз.

Некоторые племена, такие, как месуфа, почти полностью владели монополией, распространявшейся на отдельные транссахарские маршруты, во всяком случае на те, что вели из Сиджильмассы в Мали и Мавританию. Их называли «хозяевами дорог», и купцы платили им пошлину. В XIV в. люди, путешествовавшие между Сиджильмассой и Валатой, сообщали, что начальник каравана был из племени месуфа и что рабы, добывавшие соль в Тегаззе, принадлежали этому племени, которое поставляло также проводников. Жители Валаты и те, что выходили с водой навстречу караванам, и

именитые граждане этого города, являвшегося перевалочным пунктом, — все были месуфа. Прекрасный и разумный пример племенной организации и использования торговли, при котором все доходы идут членам одного и того же рода.

Караван мог состоять из нескольких сотен и даже тысяч верблюдов: это зависело исключительно от того, какое количество верблюдов удавалось напоить водой из колодцев, встречавшихся на пути. Средневековые караваны были очень большими, потому что, только объединившись, их участники могли противостоять нападениям кочевников.

По климатическим условиям переходы осуществлялись почти всегда зимой. В конце зимы, когда становилось слишком жарко, караван, совершив послеполуденную молитву, пускался в путь и шел всю ночь до самого утра.

Караванам приходилось уплачивать пошлины при отправлении из северных сахарских городов, при пересечении территории племен кочевников и при прибытии в торговые города юга. На обратном пути они имели право на защиту тех властей и вождей, которым заплатили пошлину. Это, однако, не исключало возможности набегов враждебных племен, особенно туарегов, нападавших на караваны и грабивших их. Именно их набеги способствовали тому, что начиная с X в. была

заброшена древняя дорога из Египта в Гану, а позднее караваны стали обходить стороной горы Ахаггара.

После двух- или даже трехмесячного путешествия караваны попадали в южные города, где и ожидали конца зимнего периода, чтобы отправиться назад, в Магриб или в Египет, но теперь они были уже более легкими, если только не приходилось забирать с собой рабов или паломников.

Некоторые этапы торговли солью и золотом. В тринадцати днях пути на юг от Сиджльмассы, в Туате, в средние века насчитывалось более 200 дере-

вень. Самый восточный из этих ксуров назывался Таментит — многолюдный поселок, служивший местом остановки для караванов, направлявшихся из Магриба в Мали. В начале XV в. Таментит был республикой, управлявшейся джемаа — советом знатных граждан и шейхом.

Среди населения было немало евреев, которые здесь мирно жили, пользуясь покровительством многих из этих знатных граждан, причем каждый защищал своих «клиентов». При их же посредничестве происходила торговля. В 1492 г. этой мирной жизни пришел конец.

Приверженец суфизма, Мухаммед ибн Абд ал-Карим ал-Магили, выведенный из душевного равновесия превратностями ислама в Испании, начал проповедовать «священную войну» против сахарских евреев. В Таментите и в Сиджильмассе, в Тафилалете и в Судане евреи, не принявшие ислам, были перебиты. Таментит продолжал свою торговую деятельность.

Туат, находившийся в 20 — 25 днях пути верхом от различных мусульманских государств Африки — Феса, Туниса, Томбукту, Тлемсена, — был крупным центром Западной Африки. Арабские караваны, прибывавшие с побережья с грузом пшеницы и ячменя, а из Египта с бесконечными вереницами верблюдов и скота, встречались здесь с караванами, доставлявшими золотой песок из Томбукту и соль в брусках из Тегаззы. Способ добычи каменной соли в Сахаре не изменился: в Тауденни, вместо Тегаззы ставшим центром добычи соли, пласты соли разрезаются на бруски размером один локоть на три, похожие на большие плиты белого мрамора, прорезанного серыми жилками. На них ставят клеймо владельца, пишут имена мусульманских святых, украшают рисунками, обвязывают узкими кожаными

ремнями и в таком виде подвешивают попарно на спину верблюда.

Большим спросом пользовалась у чернокожего населения также медь. Ее ввозили из Византии через Александрию — Триполи — Тунис — Сеуту в слитках, брусках, тонких пластинах или в виде проволоки; начитая с XII в. медь была одним из основных грузов генуэзских кораблей, а в XVI в. венецианцы загружают ею свои галеры, направлявшиеся в Черную Африку.

Африканцы давали за медь золотой песок или растительное масло, по ценности почти не уступавшее овечьему, хотя его получали из дерева карите. Медь служила также деньгами: на медные пластинки покупали мясо и топливо; за бруски и слитки получали рабов или пшеницу.

Арабы знали, что по ту сторону Сахары, в стране, которую называли Гана, много золота. В IX в, первые мусульманские торговцы обосновались в Аудагосте, конечном пункте транссахарской дороги из Марокко, а также в Гане.

Развитие торговых отношений между севером и югом через пустыню немедленно привело к резкому подъему добычи драгоценного металла в рудниках Галам-Бамбук. Добыча золота производилась примерно в течение семи веков, в среднем по девять тонн чистого золота в год. До XVI в. вся транссахарская торговля зиждилась на золоте, арабы подчинили Западную Африку своему культурному и религиозному влиянию именно для того, чтобы получать это золото.

Нынешние Мавритания и Мали превратились в их «Дальний запад», и они беспрестанно бороздили его в обоих направлениях с караванами верблюдов и рабов.

Аудагост представлял собой главный рынок по продаже золота на юге Сахары; здесь за все расплачивались золотым песком; слитки золота в этом городе были лучшего качества, чем в любой другой стране мира. В Северную Африку оно вывозилось очищенным или вытянутым в крученую проволоку. Арабы севера ценили золото не меньше, чем чернокожие жители юга соль. Недаром в городах Сахеля соль, доставлявшаяся караванами с севера, продавалась на вес золота. Царь Ганы и его народ владели значительными богатствами.

Конские попоны, отделка щитов и мечей, драгоценности, которыми были украшены волосы принцев крови, все,

вплоть до ошейников и бубенчиков их собак, было изготовлено из массивного золота! Золотой песок находился в стране в свободном обращении, но все самородки принадлежали царю. В средние века Тадмекка была, по-видимому, первым городом в Западной Африке, где начали чеканку денег.

Внешняя торговля золотом Ганы и Мали с Северной Африкой проходила в четырех различных направлениях, но главная дорога по-прежнему вела через Мавританию на Саджильмаасу, куда суданское золото «прибывало целыми караванами». Прежде чем грузить золото на верблюдов, его превращали либо в слитки, либо в украшения, либо в крученую проволоку, либо в динары. Золотой песок перевозился только от места добычи до рынка сбыта на вывоз. Купцам вообще запрещалось приближаться к золотым рудникам; по царскому указу, одни лишь торговцы-вангара имели право хранить и перевозить необработанный металл.

Достигнув больших торговых центров Сахеля, золото переходило из рук черных, занимавшихся перевозкой грузов, в руки тех арабо-берберов или других средиземноморских жителей, которые специализировались на транссахарской торговле и на импорте-экспорте.

Мошенничество и обман не были редкостью. В Гане, Аудагосте, Томбукту, Валате, Тадмекке, Гао и в других местах в контакте с торговцами, вывозившими золото, работали весовщики и ювелиры; в их обязанность входило засвидетельствовать получение золота, взвесить его и

подготовить для перевозки через Сахару в слитках, монетах или драгоценностях. В процессе очистки металла потеря равнялась примерно 8%. Поэтому цены на очищенное золото были выше. В Валате контроль за торговлей суданским золотом монополизировали евреи. Когда все операции по покупке и обработке золота заканчивались, его упаковывали в "герба" и нагружали на верблюдов. Каждое животное перевозило в среднем 127,5 кг золота.

Аудагост — самый древний центр караванной торговли — в течение трех веков служил отправным пунктом караванов в Сиджильмаасу. В числе прочих товаров из Марокко сюда доставлялись красная медь, шерстяные одежды, тюрбаны, стеклянные бусы, связки дров, москательные товары, духи, финики и каури. Каури — раковины с Мальдивских остров в Индийском океане. Когда-то очень давно их завезли в Африку, и они сразу же стали играть здесь роль денег.

Сиджильмасса была одним из тех пунктов, откуда раковины попадали в Судан. В средние века почти во всех торговых городах Южной Сахары сделки проводились при помощи каури. Некоторые купцы богатели на том, что ввозили каури с востока через Марокко. Согласно ал-Омари, в XIV в. в Мали, Томбукту и Гао за один золотой динар давали 1150 каури.

В Аудагосте медь и марокканские ткани обменивались на золотой песок, серую амбру и на щиты из шкуры антилопы мохор (туареги Ахаггара и в наше время пользуются подобными щитами). Суммы оборотов достигали порою огромных размеров. Ибн Хаукал видел на руках одного

бербера, жителя Аудагоста, расписку купца из Сиджильмассы на 40 тысяч динаров, что равно примерно миллиону новых франков!

Начиная с XI в. дорога из Сиджильмассы заканчивалась уже не в Аудагосте, а в Мали. Его жители также разбогатели на торговле с другими суданскими городами, куда они перепродавали товары, ввозимые из Северной Африки. Город был заселен множеством ремесленников и купцов различных национальностей.

Отношения с христианскими странами Конец X в. совпал с ослаблением мусульманских держав в Африке и в Испании; их флот уже не господствовал на море. В это же время начались военные походы христиан на Сардинию и Сицилию. Итальянские республики и княжества воспользовались этим для восстановления своего влияния в бассейне Средиземного моря и для обеспечения безопасной торговли с Магрибом. Генуя, Пиза, Папский престол, Венеция усиленно действовали в этом направлении. Спустя некоторое время между мусульманами и христианами были заключены официальные договоры о торговле и мореплавании.

Ал-Бакри и Идриси рассказывают об обмене, который в то время совершался в портах Тунис, Бужи, Мелилья, Сеута, Танжер, Сале и др. Шерсть, кожи, кораллы, сушеные фрукты, мед, воск, скот, рабы, зерно служили главными

предметами вывоза для обмена на европейские ткани, скобяные товары и оружие.

Ранее заключенные договоры возобновлялись, как правило, на прежних условиях: взимание таможенной пошлины в размере 10%; совершение сделок только в указанных городах с таможенными конторами; определение прав каждой стороны беспристрастно в случае кораблекрушения, банкротства и т. п., а также права юрисдикции, обязательного для обеих сторон (так, ответчику почти всегда удавалось добиться от истца согласия на разбор дела в суде с судьями-соотечественниками); правила исполнения консульских обязанностей; права христиан в их фундуках; наконец, борьба обеих сторон с пиратством.

Каждую страну представлял консул, который пользовался правом юрисдикции и административной властью над своими гражданами. Мастерские и конторы одной страны располагались всегда рядом; там же находились часовня и кладбище, а также дом консула с помещением для приемов, с секретарями и охраной.

Это была нейтральная территория или, скорее, частичка родины, где ее подданные жили своей политической и религиозной жизнью.

В течение XIII в. страны Южной Европы заключили несколько договоров с новыми берберскими династиями, в основном на условиях, указанных выше.

К концу XIII в. связи между христианскими странами Средиземноморья и мусульманской Африкой стали

ослабевать. В следующем веке этот процесс усугубился из-за непрекращающихся войн между берберскими правителями и последующей анархии, а также из-за кризиса политической власти в таких отдаленных городах, как Триполи, Бужи и др. Тем не менее отношения между Европой и Африкой не прекращались и в течение XIV в. были заключены новые договоры.

В XIV в. берберы ввозили: соколов и других ловчих птиц, резное дерево, деревянную утварь, медь, олово, железо, сталь, золото, серебро, драгоценности; оружие, копья, кольчуги, панцири, каски и т. п.; скобяные, галантерейные товары; изделия из стекла, бумагу различных сортов; лаки, мастики, краски; ткани и сукна из Бургундии, Лангедока, Флоренции, Англии; шелк и бархат; злаки, пряности, духи, москательные товары, вина; суда и снасти.

На вывоз шли: рабы-мусульмане, основным рынком их продажи являлась Генуя; лошади, соленая рыба, всевозможные кожи и шкуры, дубильная кора (для красителей); соль, сахар, воск, мед, злаки, оливковое масло, сушеные фрукты; ткани, ковры, шерсть, хлопок; плетеные изделия, металлы, оружие; кораллы и бакалейные товары.

Таможенная служба представляла собой один из главных институтов берберского государственного аппарата. Ее руководителями, имевшими как юридические, так и административные права, часто были принцы крови. Требовалось немало опыта и осторожности, чтобы поддерживать права государства, не притесняя при этом

купцов, и улаживать всевозможные конфликты между мусульманами и подданными различных стран.

В XV в., воспользовавшись ослаблением республик Пизы и Генуи, Венеция возглавила торговлю с берберами и заключила с ними один из последних дошедших до нас договоров (1456 г.).

Флоренция, завоевав Пизу и купив Порто-Венере у Генуи, стала, в свою очередь, морской державой и заняла вскоре второе место в мире. Договор 1423 г. с Тунисом, поставил ее в один ряд с другими государствами. В 1455 г. новый акт уравнил старые права генуэзцев с правами Флоренции.

В первой половине XV в. Арагон продолжал поддерживать хорошие отношения с берберами, возникшие с давних времен. Барселоне удалось даже получить у Хафсидов права на добычу кораллов.

В это же время начала набирать силу и французская торговля. Франция поняла, какую выгоду она может получить от обмена с Востоком, и Монпелье и Нарбонна стали центром этих операций.

Соперничество и войны между европейскими странами, очевидно, оказали пагубное воздействие на торговые отношения христианских стран Средиземноморья с Африкой. Тем не менее в начале XVI в. генуэзские купцы все еще держали своих торговых представителей в Боне, Тунисе, Триполи, а также в Сеуте и других портах Магриба. В Колло они грузили на корабли кожи и воск, в Сторе — зерно, в Боне — масло и повсюду — сукно.

Глава III

ЛЮДИ и ГОРОДА ДОЛИНЫ ДРА.

Джебель-Сарго и люди аит-атта

Джебель-Сарго — горный массив, протянувшийся более чем на 100 км; от Высокого Атласа его отделяет р. Дадес, а от Антиатласа — среднее течение р. Дра.

Это неприступная естественная крепость, над которой вздымаются ввысь черные скалистые пики, достигающие 2375 м в высоту. Никому и никогда не удавалось победить людей аит-атта в их цитадели. В Бугафере, охраняющем подступы к этому дикому району, стоит небольшой одинокий памятник. Он был воздвигнут в честь капитана Бурназеле, французского офицера и чиновника, который 23 февраля 1933 г. пал в безуспешной попытке «усмирить» этих кочевников, свободных испокон веков.

На остроконечных вершинах массива Сарго люди аит-атта построили крепости, которые окружены естественными укреплениями из раскаленных мелких камней, затрудняющих доступ даже верблюдам. Здесь в случае опасности, грозящей извне, они хранят урожай садов и пальмовых рощ. Духовная столица аит-атта — Игхерм-Амердар, где знать вершит суд над вассальными

племенами. Здесь все недвижно и сурово. Ландшафт изрезан хаотичным перемежением пестрых гор и пересохших уэдов. Черные вулканические осыпи и вертикальные утесы отливают металлическим блеском. Ни единому растению не удастся пустить здесь ростки: солнце сжигает всё, повсюду царят покой и тишина. Лишь иногда за холмиком или в выемке прячутся редкие группы пальм, которые кажутся нереальными. Кроны у них часто желтые, видно, что они погибают от жажды. Но на заре или в сумерках этот дикий пейзаж, где после Аллаха неограниченными хозяевами чувствуют себя люди атта, окрашивается в самые разнообразные цвета.

Кажется, что его оживляет небо. Поражает контраст между высокими оголенными склонами гор и зеленым, благоухающим ковром, расстилающимся у подножия Джебель-Сарго, на котором тут и там высятся укрепленные поселения аит-атта. Здесь природа возвращает все то, в чем она отказала другим местам: пение птиц, прохладу вод, травы и пальмы, успокаивающую тень миндальных, фиговых и абрикосовых деревьев.

Западная цивилизация совершенно не проникла в жизнь аит-атта. Она не вступала на караванные тропы, ведущие в Джебель-Сарго, не открывала массивных ворот ксуров. Почти не изменились освященные традицией обычаи и украшения женщин, приковывающие к себе взгляд. Берберская архитектура Марокко - живая история очень древнего и простого общества. Каждая касба, укрепленный поселок, ксур с гордостью демонстрируют высокие стены и

башни из высушенного кирпича. Чувствуется, что они представляют собой государство в государстве, маленькую общину, которая живет и всегда жила замкнуто, полагаясь исключительно на собственные силы. Жителей этих маленьких «берберских республик» связывает солидарность и кровные узы. Проникнув внутрь такого маленького городка, видишь все то, из чего складывается их неяркая свободная жизнь: мечеть, площадь, где собирается маленький базар, немногочисленные лавочки, несколько ремесленных мастерских, школа, где изучают Коран, дом для приезжих.

В пальмовой роще у подножия Джебель-Сарго работают только бывшие рабы. У аит-атта все еще много чернокожих крепостных. В районе Туруга они живут в отведенном для них ксуре в нескольких километрах от города, который населяют их хозяева-берберы. Ни один чернокожий ребенок, ни одна харратинка из этого подобия «гетто» не осмелились бы пройти внутрь крепостной стены Туруга. Их место в поселке либо в пальмовой роще, где они, главным образом женщины, занимаются сельским хозяйством.

В экономическом плане положение черного крепостного мало чем отличается от положения любого сельскохозяйственного рабочего. Он получает такое же вознаграждение, т.е. пятую часть урожая. Он может оставить своего хозяина и ксур, когда это ему заблагорассудится, и отправиться на поиски работы в большие города на севере страны или даже во Францию. Большинство, однако, предпочитает свою участь неизвестности, ожидавшей бы их в подобного рода

предприятию. Состояние крайнего невежества, в котором они пребывают, и безденежье также способствуют тому, что они боятся остаться без надежной крыши над головой и пропитания, боятся покинуть свой мирок, единственно известный им с самого рождения, с его традициями, праздниками, друзьями и покровителями.

Большой общий праздник для них — тот день, когда они отправляются к аит-атта за своей долей ячменя и фиников. Мужчины и женщины поют и танцуют всю ночь. Их самый любимый танец — тауна: женщины в темно-синей одежде становятся в круг и играют на тамбуринах и цимбалах. А мужчины под этот аккомпанемент прыгают внутри круга.

Берберские города Тамгрут и Несрат

Все, кому приходилось путешествовать по югу Марокко, хранят незабываемое воспоминание о Загоре и о долине уэда Дра в ее нижнем течении. Действительно, от Агдзы до Мхамиды, между почти девственными отрогами Джебель-Сарго и подступающими к Сахаре скалами Джебель-Бани современный турист открывает для себя то же волшебное и таинственное Марокко, которое очаровывало путешественника с давних времен, несмотря на то, что в Загоре оборудована взлетная площадка, а большой отель Марокканской национальной службы туризма распахнул

перед приезжими двери... Однако Загора — это еще не вся область, а ведь очень часто плохо осведомленный или не располагающий временем путешественник пользуется только этим основным маршрутом. Тем самым он теряет возможность познакомиться с прекрасными берберскими городами, подобно драгоценным камням вставленным в оправу из пальмовых рощ — Тамгрутом и Несратом.

В свой первый приезд в Тамгрут я увидел, как среди восхитительной пальмовой рощи подобно миражу внезапно возник прекрасный город, окруженный мощными зубчатыми стенами, внутри которых сверкали и переливались белоснежные минареты и покрытые синими изразцами крыши дворцов и мечетей. Вид этого города и его архитектура не имели ничего общего ни с суровыми берберскими касбами, ни с глинобитными деревнями в областях Дра и Тафилалет.

Дети, купавшиеся в уэде, журчавшем среди пальм, со смехом и криками проводили меня в город. По обеим сторонам длинных и узких улиц стояли высокие строения с богато отделанными входами. По улицам проходили женщины с янтарными ожерельями и серебряными браслетами. Они оживляли площадь, где прибывшие с караванами торговцы раскладывали на земле ковры, покрывала из разноцветной шерсти и шелковые ткани из Марракеша.

Дети подвели мою лошадь к дому каида, который приветствовал меня словами:

— Добро пожаловать в мой дом.

Вскоре, вытянувшись на бархатных подушках, я наслаждался традиционным чаем, заваренным с мятой.

Хозяин поведал мне, что Тамгруту удалось сохранить неизменным свой облик только благодаря тому, что ни один чужеземец никогда не правил им и не жил в нем.

Даже французы, которые в течение 20 лет сохраняли контроль над этой областью, не имели своего наместника в этом городе. После получения независимости ни освободительная армия, ни королевская марокканская армия не держали в Тамгруте гарнизона. Гражданская власть, которой официально облечен главный каид в Загоре, фактически осуществляется лицами, избираемыми местным населением в соответствии с берберскими обычаями и традициями. Одна из основных причин духовной и политической неприкосновенности, которой пользуется этот город, заключается в том, что здесь находится большая завийя (высшая мусульманская школа, основанная одним из религиозных братств).

После того как были разрушены Семара и Сахарский университет, основанный Ма ал-Айнином, она стала самой известной в Марокканской Сахаре. Сюда направляются ученики из самых отдаленных областей Атласа и Южного Марокка, чтобы слушать знаменитых учителей литературного арабского языка, теологии, истории ислама, морали и коранического права.

Во время увлекательной прогулки по городу каид представил меня этим учителям. Каждый мулла находился в

окружении нескольких десятков студентов, одетых в коричневую джеллабу, которые, сидя вокруг него на циновках, благоговейно слушали наставления своего учителя или хором повторяли отрывки из лежащих у них на коленях книг.

Декан медресе, который сам был учеником и последователем Ма ал-Айнина, согласился показать мне сокровища школы. Перед нами раскрылась тяжелая дверь, и ученый старец провел нас в большую библиотеку, где, покрытые пылью веков, казалось, спали горы рукописей, пергаментных свитков, посланий, книг в богатых кожаных переплетах. Свыше 40 тыс. сочинений было собраны в зале, которого еще не касался взгляд неверного.

На каждой странице Корана огромных размеров золотом запечатлены священные стихи. Юридические трактаты, относящиеся к первым векам хиджры, и берберские тексты по обычному праву — гордость этого религиозного братства, спасшего их от жажды разрушения, владеющей человечеством, — были заботливо перевязаны ремнями, отделанными серебром.

Каид прервал мое молчание, предложив войти в куббу, где покоится прах святого, покровителя города.

Этот небольшой мавзолей — чудо магрибинского искусства: мозаичный пол, стены, завешанные полотнищами и коврами, вытканными и окрашенными вручную; покрытые резьбой и золотыми украшениями сводчатые потолки покоятся на колоннах, обшитых красным деревом с резными арабесками. Каждый год здесь собираются паломники всех берберских племен юга.

На маленькой улочке, где пахло древесными опилками и жареным барашком, каид показал мне мастерские горшечников. Ремесленники, сидя на земле, на том самом месте, где, вероятно, сидели еще их отцы и деды, мнут глину, придавая ей форму, и раскрашивают изделия, делая все это вручную. Затем изготовленные подсвечники, амфоры, масляные лампы и безделушки - верблюды в миниатюре — они обжигают на костре из пальмовых ветвей.

Мы приближались к большой мечети, когда из крытого прохода с пением появилась толпа молодых мужчин и женщин, размахивающих пальмовыми ветками.

— Они празднуют окончание учебы одного из учеников медресе, который только что получил титул муллы — объяснил мне каид и пригласил последовать за толпой.

В центре кортежа на белой лошади ехал молодой человек, чье лицо было скрыто под белым покрывалом. Лошадь вел под уздцы его друг, раскачивавший в правой руке курильницу, из которой распространялся пряный дым ароматических снадобий, окутавший всадика и наполнивший благоуханием всю улицу. Впереди, смешавшись с девушками, одетыми в лучшие наряды голубого и белого цвета и увешанными украшениями, направляли картеж два бывших ученика, размахивавших высоко поднятым — выше пальм — марокканским национальным флагом. Все остановились перед могилой марабута; молодой человек сошел с лошади и, откинув покрывало, поцеловал надгробный камень.

«Да благословит тебя и твоих детей милосердный Аллах и наш святой Мулаи Афиз, покровитель Тамгрута, и да ведет тебя по правильному пути свет всемогущего до самой твоей смерти», — пожелали юноше его соотечественники на берберском языке; тем самым они приветствовали в его лице преемственность духовной традиции, которой на протяжении многих веков славился их город.

Мусульманское гостеприимство известно всем, и хотя всего несколько часов назад я был для всех чужим и незнакомым, меня пригласили за праздничный стол в дом получившего диплом юноши, как если бы я был одним из его близких. Когда вместе с кайдом я вошел внутрь городского жилища, передо мной предстал скрытый от посторонних глаз образ жизни этого необычного города.

Проходя по улице мимо похожих друг на друга домов Тамгрута с массивными фасадами и маленькими закрытыми дверьми, невозможно себе представить всю прелесть их внутренних помещений, где в парадных залах выставлены оригинальные произведения чисто берберского ремесленного искусства. Все эти изделия из дерева, металла, шерсти и кожи являются отражением ослепительного африканского солнца и жизнерадостности его жителей. Нигде не видно открытого пола, шум шагов, смягченный бабушами, которые мы надели у входа взамен своей обуви, тонул в восхитительных коврах из козьей и верблюжьей шерсти.

В народной легенде говорится, что однажды аист уронил во двор марокканского дома кусочек ковра из Малой Азии и с

этого дня женщины ткуют такие ковры, похожие на сады. В их красках и рисунках нашел свое воплощение изысканный и утонченный образ этого берберского, но уже не принадлежащего Сахаре края. Здесь есть и охра, напоминающая пересохшие русла уэдов, и башни касб, и зелень пальмовых рощ, и коричневый цвет палаток кочевников, и белизна снегов Атласа и бирюза южного неба.

К вечеру двор заполнили танцовщицы и музыканты, которые до поздней ночи представляли нам эргис. Этот иступленный танец, исполняемый одетыми в белое женщинами, которые под быструю и непрекращающуюся ритмическую дробь барабанов постепенно впадают в состояние, похожее на транс.

Километрах в тридцати к югу от Тамгрута, на берегу уэда Дра, находится еще один берберский город Несрат, такой же свободолобивый. Его история связана с людьми айт-атта.

От Тамгруга путь к нему лежит вдоль долины Дра через укрепленные деревни Айт-Седрат, Айт-Зери и Феруата до живописного ущелья Таккат-н-Тлектаут, которое служит естественными воротами в область, населенную лектава, также принадлежащую фит-атта.

Лектава (от 3,5 до 4 тыс. очагов, 74 деревни) живут в домах, в хижинах из пальмовых веток или в палатках из верблюжьей либо козьей шерсти.

Население это весьма неоднородно. Среди них есть шерифы (шеффа), марабуты, арабы, берберы санхаджа (главным образом аит-атта), евреи, черные берберы или харратины, и чернокожие рабы. Страна, где обитают лектава, без сомнения, самая богатая во всей долине нижнего течения Дра. Рассказывают об одном марабуте, владеющем 16 тыс. пальмовых деревьев.

Область эта плодородна, так как большинство ее земель орошается. В прошлом она процветала благодаря своему исключительно выгодному географическому положению: она лежит у ворот Марокко, на дороге, ведущей из Томбукту прямо в Марракеш. Здесь проходили караваны, доставлявшие из Судана амбру, мускус, золотой песок, рабов и соль; на таможне, которая в конце XVI в. стояла на границе «Империи шерифов» и охранялась 200 всадниками и 300 аркебузьерами, они платили пошлину.

Эта плодородная область почти никогда не чувствовала себя в безопасности: действительно, на востоке и на западе над ней возвышаются отроги Антиатласа, тогда как на юге, со стороны пустыни, она не защищена ничем. Подобно своим соседним областям, она становилась добычей кочевников, пасущих свои стада вдоль алжиро-марокканской границы. Однако оседлые жители Дра часто брали реванш: большинству кочевых племен не удавалось устоять перед очарованием оазисов, так что они нередко оставляли свои кочевья и селились в этой долине. Кочевников становилось меньше, они теряли боевые качества и в конце концов сами становились добычей

других кочевников, которые появлялись здесь после них. Этим обстоятельством объясняется как раздробленность социальных групп, которым захватчики не оставляли времени на создание подлинных государств, так и смешение различных этнических элементов в составе населения. Начиная с XIX в. аит-атта сделались почти единоличными хозяевами в долине Дра, придя на смену арабам-макил и берберам зената и санхаджа.

Подобно всем остальным берберским племенам, Несрат отчасти живет по своим собственным древним обычаям (в каждом ксуре — свой обычай) и отчасти по кораническому праву. Обычаи записаны и вручены на хранение нотариусу. Кади и юристы при нем следят за выполнением коранического закона: их приглашают на совет общины — джемаа, когда там возникает спорное дело. Кади получает от племени земли и пальмовые рощи, которые поступают в собственность мечети. Кроме того, когда обращаются к его услугам, он каждый раз получает вознаграждение, впрочем довольно умеренное.

"Дом племени", в который ведет единственная дверь, делится на две части. Первая занимает восемь помещений на первом этаже, где хранится ячмень, принадлежащий всему городу, и четыре помещения на втором этаже для хранения фиников. Вторая состоит из одной большой комнаты, предназначенной для приема гостей. Кроме того, племени принадлежат и некоторые строения, разбросанные по ксуру. Они служат конюшнями, где приезжие держат своих верховых животных, седла и дорожные вещи, а также пристанищем для бедных путников. Все эти здания

находятся в распоряжении лица, носящего титул хогаддем. Он устанавливает очередность, следуя которой жители принимают гостей; у него хранятся ключи от «Дома племени», он же отвечает за все, что там собрано.

В городе имеются две мечети: «Большая мечеть» с минаретом, похожим на минарет в Тамгруте, откуда муэдзин созывает правоверных на молитву, и «Малая мечеть», построенная по обычному образцу мечетей в ксурах.

Для обучения детей построена школа, медресе. Вторая школа предназначена для дополнительных занятий, а также для собраний.

За всеми этими учреждениями закреплено значительное имущество (дома, земли, пальмовые деревья), которое позволяет их содержать. Совет общины управляет этим имуществом через амина* (казначей) обеих мечетей, он же и назначает его. Амин нанимает для обработки земель сельскохозяйственных рабочих, по общему обычаю имеющих право на пятую часть урожая.

На доходы от имущества амин покупает масло, свечи, циновки для отправления служб; он производит нужные выплаты, в том числе платежи муэдзину. Говорят, что город не считал нужным определять содержание самому амину, потому что «ему принадлежит все».

В ксуре почитают мощи трех святых: Сиди Мухаммеда бен Али, мкам, или святилище, которого находится между уэдом и ксуром; Сиди Хамва Али (святилище у ворот

Несрата) и Сиди Хассина, кубба которого находится на содержании у общественной казны.

Несрат — вассал племени аит-сфул. Его организация традиционна для всей конфедерации племен аит-атта: им управляет верховный вождь (амгар), назначаемый на один год, совместно с советом (джемаа) знатных людей племени. Кроме того, при этих лицах состоит особый чиновник — амгар л'ар, в обязанности которого входит поддержание повседневной связи племени с его вассалами. Если этот чиновник считает нужным, он приглашает себе в помощь нескольких людей аит-сфул из числа тех, кто слывет хорошим советчиком. Такой совет является временным, и не имеет специального названия.

До получения независимости Марокко в Несрате по случаю выбора покровителя происходила любопытная церемония, о которой с грустью вспоминают аит-атта.

Совет приносил «жертву» (дебиха, тигерси) у ворот ксура или у входа в дуар (группы палаток по семейному признаку) того племени, у которого просили защиты. Резали барана и делали подношение деньгами совету знати. Кроме того, Несрат преподнес своим покровителям участок земли; на нем в свое время был построен небольшой ксур, где еще и сегодня живут аит-сфул и генанма. Став покровителями какого-либо города, аит-атта обязывались — все это естественно до получения страной, независимости — защищать его от набегов других кочевников. За это покровительство они получали 1/4 часть урожая,

собираемого жителями города, и 1/20 часть урожая марабутов.

Верховный совет драва (жителей области Дра) решает совместно с джемаа аит-сфул все важные дела и разбирает спорные земельные вопросы между жителями города и их покровителями. Джемма ал-амма, как и амгар л'ар, разбирает мелкие межплеменные конфликты; наконец, каждый житель Дра имеет своего собственного покровителя; непосредственно ему он платит заранее оговоренную пошлину, а тот, в свою очередь, отвечает за земли своего вассала. Дважды в год, после сбора урожая ячменя и фиников, созывается общее собрание совета города и джемаа аит-сфул.

Территория, принадлежащая жителям ксура, на которую распространяется покровительство кочевников, делится на столько участков, сколько у последних существует фракций. Амгар аит-сфул вручает каждой фракции своего племени по палке. Затем он вызывает одного из своих братьев и, произнося название участка земли, велит ему выбрать одну из палок. Таким образом вся территория распределяется сначала между фракциями, а затем и между палатками, для того чтобы покровители и вассалы лично познакомились друг с другом.

Джемаа ал-амма следит за выплатой пошлины покровителям. Напротив, если кто-нибудь из жителей Дра замечает пропажу своего имущества, он обращается с этим к амгар л'ару. Тогда собирается совет из представителей всех подразделений аит-сфул. Все отправляются в Несрат,

где их принимают либо в «Доме племени», либо у ворот ксура — это зависит от того, приглашают ли их на обед или только на переговоры. Дело разбирается, и, если слова вассала подтверждаются, покровителя обязывают возместить пострадавшему потери.

Описанная нами организация была свойственна всем большим ксурам области, населенной лектава, вплоть до получения Марокко независимости. В мелких деревнях она несколько упрощена, там отсутствует джемаа ал-амма. Кроме того, немногочисленные оседлые аит-атта этой области чаще всего живут отдельно, в своих ксурах. Правда, некоторые аит-атта живут вместе с драва. В этих случаях советы у них смешанные, однако амгар обязательно избирается из числа аит-атта. Наконец, в тех городах, где еще живут евреи, как, например, в Бени-Хайюн и в Бени-Сбих, имеется своя особая джемаа, а у каждого дома свой покровитель, выбираемый по собственному усмотрению.

В общественной жизни области Дра прослеживаются многочисленные аналогии с тем, что можно наблюдать в других оазисах Северной Сахары, где живут харратины, в частности в Тафилалете; в Сауре, в Туате, — на востоке; в Тиссинте, в Татте и в Акке, — на западе. По-видимому, постоянные вторжения в эти оазисы, их экономическая роль в жизни кочевников, необходимость обороняться от набегов последних привели к аналогичным результатам. Городской характер образа жизни племени аит-атта, безусловно, самое большое его отличие от соседних групп берберов в

Антиатласе или а Высоком Атласе, которые разбросаны по деревням или палаточным лагерям, не имеющим четко выраженного индивидуального характера. Напротив, в пальмовых рощах ни одно небольшое государственное образование, отгородившееся крепостными стенами, не могло бы существовать без развития традиционных институтов, которые здесь, бесспорно, достигают своего совершенства. Это привело к сплочению племени благодаря чему его не смогли полностью уничтожить воинственные элементы, навязывавшие ему свою власть.

С этой точки зрения особый интерес представляют южные районы области Дра, где между жителями ксуров и кочевниками существует тесное плодотворное сотрудничество. В других местностях прежние покровители утвердились в своих завоеваниях, превратив харратинов в настоящих крепостных, либо продолжали кочевать по пустыне, по-прежнему каждый год продавая деревне обязательство не совершать грабежей на её территории, правда не всегда в точности выполняя его.

Здесь же, в частности в Несрате напротив, создается впечатление, что земля одновременно принадлежит людям драва и кочевникам аит-атта. И те и другие имеют свои права и свои обязанности. Первые обрабатывают землю, занимаются торговлей и ремеслами.

Вторые пасут стада, сопровождают караваны и покровительствуют жителям ксуров за умеренное вознаграждение. И в конце концов начинает казаться, что в

этом оазисе, столь разнородном по составу населения, каждый нашел свое место в обществе, которое в итоге достигло определенного устойчивого состояния .

Без сомнения, этот успех объясняется сплоченностью, которую вот уже два века удается поддерживать племенам аит-атта. Благодаря ей даже в настоящее время авторитет аит-атта обеспечивает им бесспорное главенство.

Уэд Дра непосредственно к югу от Несрата описывает дугу и теперь прямо направляется к океану, до которого остается еще 800 км. Последний маленький оазис области Лектава, который он орошает на своем пути, называется Мхамид. Отсюда первые песчаные дюны вводят путешественника уже на бескрайние просторы Западной Сахары, во владения «синих людей».

Еврейская община

В долине Дра почти все ювелиры — евреи, хотя до сих пор точно не установлено, когда они здесь поселились.

Рукопись XII в. из Дадеса дает право предположить, что они обитали здесь уже около тысячи лет.

По мнению французского африканиста Жака Менье, эта рукопись подтверждает, что в первые века нашей эры в области Дра установилось господство евреев и что позднее его сменило мощное христианское государство. По-видимому, именно в Загоре евреи одержали свою первую победу над коренными жителями, берберами, власть над

которыми они удерживали вплоть до прихода Альморавидов. Вопрос о происхождении евреев решить нелегко. Может быть, они из тех ливийских племен, которые в пуническую, римскую и византийскую эпохи населяли Центральную Сахару.

Мне представился случай поближе познакомиться с еврейскими общинами Южного Марокко, когда я приехал туда на праздник мулуд (день рождения пророка Мухаммеда). Направляясь на верблюжью ярмарку в оазис Асса на берегу уэда Дра, я проследовал вдоль алжиро-марокканской границы по Западной Сахаре. По совету раввина в Сале, я оставался в пальмовой роще в Акке в области Бани.

Квартал Меллах отличался от остальной части этого берберского ксура тем, что на его улочках встречаешь евреев. Здесь же, в небольших, темных лавочках, они делают украшения. Меня с первого взгляда поразила белизна их кожи, правильные черты лица и изящество всего внешнего облика. От евреев, живущих в городах Северной Африки, они отличаются тем, что носят берберскую одежду. Головные уборы, одежда и драгоценности женщин отличаются богатством. Я сам видел, что именно они изготавливают шелковые, а также расшитые и расписные бумажные ткани, диадемы с рубинами, серебряные подвески, и серьги, кольца и амулеты из чеканного золота, тяжелые бусы из серой амбры.

Я несколько часов простоял перед лавкой четырех ювелиров в квартале Меллах в Акке, восхищенный

настолько, что позабыл о рекомендательном письме, которое нес к местному раввину. Этот старик, чей простой дом служит синагогой, предложил мне и сопровождавшему меня каиду-берберу чай с мятой. Раввин — духовный глава не только Меллаха в Акке, но и двух других общин, расположенных в оазисе Татта и в Таманарте и насчитывающих около ста человек. В этой общине говорят по-арабски, по-берберски (диалект ташелхит, на еврейском жаргоне — таллосунт). Большинство занимается всевозможными ремеслами, в основном ювелирным, но некоторые на протяжении нескольких поколений производят финиковую водку (стийя). Она готовится в общем погребе. Когда я вошел туда, мне показалось, что я попал в склеп, так там было мрачно и холодно. Способ изготовления стийи весьма элементарен.

К печи посредством полого тростника присоединяют глиняный кувшин.

Я долго беседовал с раввином. Он рассказал мне, что его единоверцы очень благочестивы и добросовестно соблюдают все иудейские обычаи. Ежегодно вся община совершает паломничество к могиле Рабби Исахара, который якобы высек чудодейственный источник в Джебель-Вани. Здешний фольклор — единственный в своем роде и очень интересен: во время праздника пурим женщины танцуют под аккомпанемент песен. Надев белую одежду и повязав голову красным платком, они выстраиваются в один ряд. Две-три женщины постарше играют на тамбурине. Время от времени одна из женщин выходит из ряда и делает

несколько шагов вокруг другой; отклонившись назад, вытянув руки вперед, хлопают в ладоши, продолжая танцевать. Этот танец известен только в Акке.

Вечером того же дня я ужинал у раввина, нам прислуживала его жена.

— Видите ли, — рассказывал он мне, — мы самые древние евреи на юге. Долгим и трудным был переход наших предков, бежавших из Палестины, захваченной Навуходоносором. Им единственным удалось спастись после разрушения храма и избежать плена в Вавилоне. Они происходили из племени Эфраима. Наши праотцы испытали еще более ужасные страдания, чем те, что народ Израиля претерпел на Синае на пути к земле обетованной. Они бродили по Сахаре десятки лет, бездомные и несчастные, мучимые жаждой, преследуемые свирепыми аборигенами. Достигнув океана, они поселились в пещерах. Спустя несколько веков появился еврейский город, который называли Малый Иерусалим (нынешний Ифран в Южном Марокко), ибо они построили его по образу и подобию оставленного города. Они поместили в новую синагогу Талмуд и священные предметы, спасенные из храма Соломона. На пергаментных-свитках Раввины записывали все дни рождения и смерти, дабы община всегда могла знать о происхождении своих соплеменников. Но три века тому назад вступивший в Ифран берберский царь сжег город и всех находившихся там евреев. Синагога была разграблена и разрушена. И на этот раз лишь несколькими евреям удалось спастись, унести с собой немногие свитки с

записью законов и гражданского состояния и найти пристанище здесь, в оазисах уэда Дра. Наши мертвые и мученики остались там, близ Ифрана, покинутые всеми среди камней, обвеваемых ветром. Но если вы туда оправитесь, то увидите старые разбитые плиты, на которых высечены слова. Этим надписям две тысячи лет...

Некоторые из наших предков, спасшихся из Ифрана, начали разрабатывать большой серебряный рудник в 13 км отсюда. Они богатели, а их нравы становились все более свободными. Они любили деньги больше Бога, позабыв о законах Талмуда; их сердца стали более жестокими, чем у жителей Содома. И Бог уготовил им ту же участь: однажды город был сожжен, а все жители погибли в огне. С тех пор это место считается проклятым, и никто не осмеливается вернуться на серебряный рудник, даже мусульмане.

Глава IV

«ДАЛЬНИЙ ЗАПАД» САХАРЫ

Западная часть Сахары, которая выходит на берег Атлантического океана, все еще остается одной из наименее изученных областей; здесь редко встретишь путников. В свое время она была поделена между Марокко, Испанией и Мавританией. Правда, за время моих неоднократных поездок туда я убедился, что ее границы, которые на географических картах нанесены в виде прямых и перпендикулярных линий, имеют исключительно политическое значение и ни в коей мере не соответствуют

природным и этническим рубежам. Западную Сахару можно разделить на отдельные области, только следуя ее природным особенностям, как это делает местное население.

Западная Сахара вчера и сегодня

К концу плейстоцена Западная Сахара была намного влажней, чем в наше время, и, вероятно, уэды бы круглый год наполнены водой. Так, Сегиет-эль-Хамра (Рио-де-Оро), должно быть, в те времена представляла собой многоводную реку, как, впрочем, и уэд Дра. Высыхание и нынешняя орографическая структура явились следствием серьезных изменений, происшедших в третичный период, в конце которого Западная Сахара уже приобрела известное нам теперь геологическое строение.

Там, где вулканическая деятельность была особенно сильна, поверхность земли причудливо изрезана неправильными складками, вздыблена скалами и остаточными породами, так называемыми гельбами. Кроме того, повсеместно встречаются гара, глинистые островки, оседающие в регах и образующие закрытые впадины.

Их дно устлано мелкой древовидной растительностью, питательной средой для нее служит суглинок. Такие впадины часто используют под посевы.

Строение хамады в известной мере единообразно начиная от синклинали Тиндуфа вплоть до Сегиет-эль-Хамры. Ее

каменистые плато занимают всю территорию между уэдом Дра, верхним течением Сегиет-эль-Хамра и массивом Земмур. Их склоны довольно плодородны, там растут главным образом акации, ююба и камедные деревья, плоды которых — темен (род фиников) — высоко ценятся кочевниками. Хамада состоит из белого мергеля с многочисленными участками известняка.

Поверхность плато усеяна кварцевым кремнем. Почва очень сухая, вода встречается редко. Тем не менее на юге хамады расположено несколько небольших озер, откуда берут начало ручейки, которые, сливаясь, образуют р. Сегиет-эль-Хамра.

Возвышающиеся среди Большого Эрга холмы красных и черных гранитных пород, с растущими кое-где между ними кустарниками и акациями, дают весьма неровный вид всей области Земмура, где в центре поднимается горный массив.

Спуститься к океану можно по течению р. Сегиет-эль-Хамры. От Земмура до побережья приблизительно 400 км. Этот уэд второй по величине после Дра в Западной Сахаре наполнен водой несколько месяцев в году. В переводе с арабского Сегиет-эль-Хамра означает «красная река»; этот цвет ей придает глинистая земля, устилающая дно реки. Ее ширина в среднем равняется 70 м, хотя на некоторых местах зона ее орошения превышает километр.

К югу от Сегиет-эль-Хамры начинается территория Рио-де-Оро. Здешний пейзаж — это степная и песчаная пустыня, окаймленная дюнами, цвет и форма которых постоянно меняются в зависимости от интенсивности песчаных бурь. Особенно много песка в районе мыса Бохадор; его

движущаяся поверхность щетинится остроконечными скалами и крупными глыбами песчаника, упавшими с утесов, разрушенных действием ветровой эрозии, и поражающими своими фантастическими силуэтами цилиндрической или конической формы. От малейшего дуновения ветра тонкий и легкий песок поднимается плотной стеной или закручивается вихрями. Эта разновидность сахарских торнадо метет песок по Рио-де-Оро в течение восьми месяцев в году.

Между мысом Бохадор и Вилья-Сиснерос океанское побережье покрыто волнами довольно низких дюн, среди которых тут и там высятся утесы, так называемые джерфы. Воды у этого побережья очень богаты рыбой.

К юго-востоку от берега океана местность постепенно поднимается к покрытому песком плоскогорью из кремниево-слюдяных пород с выступающими кое-где странного вида утесами, напоминающими по форме пирамиды, колонны или обелиски. Еще через 200 км поверхность пустыни начинают бороздить овраги. В уздах и небольших впадинах задерживается вода после зимних дождей. Кочевники, разбивающие на зиму стоянки в этом районе, используют эти годные для обработки впадины, где обычно снимают урожай ячменя.

К востоку от степных зон, образующих полосу Сахеля в Рио-де-Оро, по которой проходила испано-мавританская граница, простирается самая страшная пустыня — Тирис. Однако после краткого сезона дождей даже она покрывается низкорослой растительностью, привлекающей

зайцев, газелей, антилоп и страусов. Здесь на них охотятся мавры. В 1963 г. в «Африканских записках» Дакарского университета появилось сообщение, что француз Жан-Клод Оже, путешествовавший в одиночку в Тирисе, встретил здесь мальчика-дикаря, жившего среди газелей, подобно Маугли Р. Киплинга, которого вырастила волчья стая.

Однажды на утренней заре Оже заметил человеческое существо с длинными темными волосами, которое прыжками мчалось с необыкновенной скоростью вместе со стадом быстроногих белых газелей. Путешественник пошел по следам, оставленным стадом, и ясно увидел среди отпечатков копыт следы ног человека. Они привели его к маленькому оазису, заросшему кустами высохшими пальмами.

За одним из кустов прятался мальчик ростом примерно 1 м 60 см; у него была смуглая кожа и черные волосы, но не вьющиеся, как у большинства мавров.

Испугавшись, он убежал и скрылся в чаще.

Ж.-К. Оже разбил лагерь неподалеку от оазиса и в последующие дни неоднократно имел возможность наблюдать за мальчиком-газелью. Через десять дней у путешественника кончились продукты и он вынужден был снять лагерь и отправиться в населенные места.

С тех пор это открытие не подтвердилось ни одним новым сообщением; тем не менее этот рассказ является одним из редчайших свидетельств очевидца о жизни человека среди диких животных.

Западная Сахара служила последним и самым южным прибежищем кроманьонского человека, отступавшего перед новым наступлением ледников на Западную Европу в период мадлена. Здесь были найдены многочисленные остатки мадленской каменной индустрии, в том числе оружие: наконечники стрел, кремневые копья.

Затем одна негроидная цивилизация, пришедшая из Западной Африки, наложила на другую (о чем свидетельствуют неолитические стоянки, где были обнаружены ручные топоры и зернотерки) и смешалась с нею, дав начало народу кочевников и пастухов. Этот народ жил здесь в течение тысячелетий, вплоть до появления берберов.

Первобытные жители Западной Сахары помимо отдельных предметов своей индустрии оставили множество наскальных рисунков, большинство которых все еще ждет своего исследователя. Тем не менее на основе этих доисторических данных оказалось возможным провести интересные сравнения между первобытными жителями Сахары и первым слоем древних аборигенов Канарских островов, выявившие поразительное антропологическое сходство.

На островках скал Глейбат-Тарарат среди пустыни Тирис на трех различных террасах обнаружены остатки жилищ. Это небольшие пещеры, в которых были найдены осколки керамики и куски тесаного кремня.

У подножия возвышенности обнаружены маленькие цистерны для воды в форме усеченного конуса глубиной от 50 до 80 см и с диаметром отверстия свыше 20 см. Курганы

конической формы были обнаружены близ колодца Мааталлах в Глейбат-Масдате, расположенном на одной из возвышенностей Адрар-Сотуфа, недалеко от караванной тропы Ааргуб — Тишла. Там найдены также развалины древних каменных построек, а скалы испещрены выполненными техникой накалывания петроглифами, на которых изображены человек, бык и пальма — обобщенный образ оазиса (ныне исчезнувшего). В этой же группе наскальных рисунков находятся изображения двухколесных колесниц (в каждом колесе по четыре спицы) с возницей, вооруженным дротиком. Колесница запряжена двумя лошадьми и еще какими-то двумя неизвестными животными. На других петроглифах представлены за работой быки с вьючным седлом. Во всей Сахаре это самая западная, хотя и наименее известная, из стоянок с наскальной живописью, где обнаружены знаменитые колесницы, -запряженные лошадьми. Несколько тысячелетий тому назад Адрар-Сотуф, без сомнения, был плодородной областью, где в течение долгого времени жили люди. До сих пор у нас нет доказательств того, что гараманты распространились так далеко на запад, но эти наскальные рисунки, возможно, свидетельствуют об их влиянии.

Собственно исторический период Западной Сахары начинается с приходом туда первых кочевников с верблюдами из Ливийской Сахары и из Северной Африки. По времени он соответствует римской эпохе, в течение которой многие берберские племена оказались оттесненными в глубь Сахары, где они предпочитали вести свободную, хотя и бедную, полную опасностей жизнь

кочевников. Расцвету интенсивной караванной торговли в это же время способствовало появление в Сахаре верблюда, вывезенного из Месопотамии и Персии.

Следовательно, начиная с III в. н. э. берберы зената и санхаджа распространились по всей Западной Сахаре, до Сенегала и Судана. Продвигаясь вперед, рыли колодцы, сажали финиковые пальмы, создавали в оазисах очаги оседлости. Еще и теперь основная часть населения, которая обрабатывает оазисы и гара, ведет свое происхождение непосредственно от зената.

Затем дважды в страну вторгались арабы, в результате чего между утонченными и образованными пришельцами и примитивными скотоводами-берберами начался процесс духовного, политического и в меньшей степени этнического объединения. На этой основе через несколько веков сложилось арабо-берберское население Сахары, которое сохранило от своего берберского прошлого некоторые нравы, общественную структуру, обычаи, но заимствовало у арабов язык, письменность, религию и частично культуру.

Арабо-берберские жители Сахары часто втягивались в серьезные религиозные распри, нередко раздиравшие мусульманский мир и положившие начало еретическим и раскольническим сектам, основным выражением которых стал хариджизм. Они также принимали участие почти во всех раздорах соперничающих кланов, оспаривавших власть в Марокко и претендовавших на престол.

Когда лемтуна, т. е. берберы, носящие лисам, основали династию Альморавидов, в Западной Сахаре была произведена религиозная реформа, объединившая все арабо-берберские племена Южного Марокко в конфедерацию. В XI в. в период упадка Альморавидов, предшествовавшего приходу к власти Меринидов, эта конфедерация, где большинство принадлежало племенам лемтуна, гезула, макил, бени-хилал, бени-сулейм и бени-хассан, распалась. Входившие в ее состав племена рассеялись по Сахаре. Из этой волны на поверхность всплыли три крупных объединения кочевников, которые и поныне существуют в Западной Сахаре. Это текна, регейбат и мавры.

С этих пор история текна и мавров сливается с историей «Империи шерифов» и продолжается вплоть до вмешательства в дела Марокко европейских стран в начале нашего века.

Кочевники регейбат, не признающие границ

Регейбат (в единственном числе региби) ведут свое происхождение от известного марабута Мулан Абдесса-лама бен Мешиша, жившего в Центральной Сахаре в первые годы хиджры. Однако на генеалогическом древе регейбат место их исторического предка занимает скорее не он, а Сиди Ахмед Региби, который первым покинул район Туата и отправился в долину Дра. Позднее его сын добрался уже до Сегиет-эль-Хамры. О продвижении регейбат в

сторону Западной Сахары свидетельствуют развалины древней касбы — одного из редчайших памятников большого сооружения, построенного этими кочевниками. Развалины расположены в 100 км к северо-востоку от Семары вдоль уэда Кесат, притока Сегиет-эль-Хамры. Местные жители называют ее Касба Хансы.

Когда первые регейбат проникли в Западную Сахару, могущественные арабские племена бени-хассан, а позднее и улед-делим оказали им сопротивление. Чтобы не иметь столкновений с местным населением и избежать неминуемых распрей с соседями, регейбат купили всю территорию уэда Дра и Сегиет-эль-Хамры до Земмура, Тирис и Адрар-Сотуфа включительно. Они оставались полновластными хозяевами этой территории вплоть до франко-испанской колонизации, длительное время оказывая ей отчаянное сопротивление.

К северу же от Дра начиная с XVIII в. регейбат были данниками аит-джаббаш, которые входят в группу племен текла. В виде дани регейбат ежегодно отдавали племени аит-джаббаш 15 дромадеров. Таким образом, лишь одному племени текла удалось взять верх над регейбат.

В 1895 г., одерживая одну победу за другой, продолжая покупать земли, регейбат, завяв Тиндуф, достигли наибольшего распространения и вершины своего могущества. А в начале нашего века воинственный пыл «синих людей» полностью обратился к «священной войне», в то время как арабские племена одно за другим подчинялись французам.

Изучая колониальную историю последних пятидесяти лет в Западной Сахаре, с удивлением отмечаешь, что европейским войскам, предпринимавшим различные военные операции с целью захвата и "умиротворения", никогда не удавалось до конца подчинить воинственные племена регейбат, даже после того как сами туареги сложили оружие. Одной из главных причин такого положения явилось то обстоятельство, что в конце прош

лого века все племена Западной Сахары пробудила и взбудоражила проповедь эмира Ма ал-Айнина, известного марабута и военачальника. Он основал могущественную секту и своим призывом к «священной войне» против захватчиков зажег народ. Этот великолепный проповедник, теолог и юрист оказывал на жителей Сахары столь большое влияние, что добился полной духовной и политической власти над ними, которая, как говорят, перешла к членам его семьи и их потомкам.

Семья Ма ал-Айнина, кочующая неподалеку от ал-Айюна, окружена ореолом святости и пользуется моральным превосходством, добровольно признанным всеми племенами текна, регейбат и мавров.

Чтобы лучше представить себе жизнь и деяния этого аскета-кочевника, вернемся к 1830 г. Это необходимо еще и потому, что в биографии Ма ал-Айнина присутствуют те основные элементы, с помощью которых можно восстановить в их исторической последовательности развитие и упадок священного города Семара, который

слишком часто африканисты и путешественники-энтузиасты без всякого основания называют таинственным.

В 1247 г. хиджры у известного марабута племени санхис Мухаммеда Фадель бен Мамина родился сын.

Его называли Ма ал-Айнин, что в переводе с арабского означает «вода глаз». С раннего возраста он посвятил себя теологии и, будучи еще совсем молодым, начал проповедовать возврат к религиозной ортодоксальности, к чистым истокам ислама. Он приобрел множество последователей, особенно в районе города Шингетти, духовного центра Мавритании. В это же время два его брата, Саад Бу и Сиди ад-Джер, разъезжали по Рио-де-Оро и Судану, где они с тем же жаром, что и Ма ал-Айнин, выступали с подобной проповедью перед кочевниками.

Когда Ма ал-Айнину минуло 16 лет, отец отправил его в паломничество в Мекку. По возвращении из Аравии он был привлечен славой университета в Тиндуфе.

Там преподавал ученый Мухаммед Мулуд, а Коран читал марабут Ульд бен Ламет. Ма ал-Айнин начал посещать этот сахарский университет, а затем вновь вернулся к кочевой жизни между уэдом Дра и Аддраром.

Он основал со своими приверженцами общину «Ахл Берик Аллах» и с еще большим рвением продолжал свои проповеди. В 1865 г. Ма ал-Айнин женился на арабской девушке из племени аразийцев и разбил свой лагерь близ уэда Сегиет-эль-Хамра. В 1871 г. он впервые построил для себя каменный дом, очень скромный. Посередине

находился двор, одно помещение было отведено для хранения зерна, в другом размещались телохранители и слуги.

По прибытии в Земмур в 1899 г. Ма ал-Айнин сразу же начал решительно действовать. Он давно вынашивал мечту основать в Западной Сахаре новый город, где можно было бы устроить стоянку караванов или большой рынок для всей Сахары, т. е. перевалочный пункт в торговле между Марокко и Мавританией. Он сообщил о своем замысле султану Марракеша, который, воодушевившись этой идеей, пообещал поставить для ее осуществления весь необходимый строительный материал. Мужество и упорство Ма ал-Айнина достойны тем большего восхищения, что местные условия совершенно не подходили для его планов.

Ма ал-Айнин зафрахтовал у султана множество мелких судов для перевозки строительных материалов из Агадира к устью Сегиет-эль-Хамры. Для строительства касбы он пригласил из Феса, Тетуана и Танжера инженеров, архитекторов, художников, каменщиков и землекопов. Из Могадора были выписаны мозаичные украшения. За рекордное время Ма ал-Айнину удалось открыть дорогу, соединяющую Тафраут, где выгружали материалы, с местом, выбранным для закладки города.

Все работы возглавил самый известный марокканский архитектор ал-Хадж Али ал-Удж. Непрерывная цепь караванов из тысяч и тысяч мулов и верблюдов, нагруженных гранитными глыбами, мраморными платами,

кирпичом, балками и водой, преодолевала путь в оба конца длиной 250 км за пять дней.

Одновременно с возведением первых строительных площадок рылись колодцы и оросительные каналы по системе фоггара для садов будущего города. Так шейх доказал возможность создания искусственного оазиса с использованием исключительно подземных вод. Не успело начаться строительство, как уже были открыты в торжественной обстановке 50 колодцев и посажены тысячи финиковых пальм, доставленных из цветущих оазисов Южного Марокко.

Новый город, как по волшебству возникший из песков Сахары, получил имя Семара.

Его касба состояла из 18 зданий, построенных в арабо-магрибинском стиле и окруженных мощной крепостной стеной. Личная резиденция Ма ал-Айнина находилась в самом центре. Это был большой зал под огромным куполом. Посреди зала возвышался помост, на который шейх поднимался по случаю торжественной церемоний или приемов. К этому залу примыкал крытый двор, большой банкетный зал, комната для рабов, кладовая, кухня.

Внутренняя лестница вела на женскую половину и на плоскую крышу дома. Нечто вроде галереи с колоннами предшествовало покоям шейха, где находились большая ванная комната и хаммам (баня), крытая куполом. В заднем крыле располагались склады и помещения, где жили слуги к рабы.

Снаружи широкий проход вел в стойла для коз и верблюдов. Здесь же были устроены подземелья, где содержались узники.

В окружающей касбу крепостной стене было проделано пять ворот: на юге — стрельчатые Баб Хейен, достаточно высокие, чтобы пропускать дромадеров, несущих крытые носилки с женами Ма ал-Айнина; на востоке — Баб аш-Шерг, на западе — Баб Сахель, и те и другие со стрельчатыми арками; на севере одни ворота предназначались для знатных лиц и вождей племен, посещавших шейха, другие же отводились исключительно для прохода правоверных в мечеть, которая была построена в северо-восточной части города.

Ма ал-Айнину хотелось, чтобы храм был самым грандиозным сооружением в Сахаре, но именно из-за этого ему так и не удалось его закончить: он распорядился возвести центральный неф из 81 аркады и облицевать все колонны плитами из полированного камня.

Касба, в свою очередь, являлась центром более крупного городского поселения. Все его здания были выполнены с учетом удовлетворения потребностей большого общесахарского рынка. Как во всех мединах, здесь были базарные площади; один квартал отводился для купцов, а целая улица предназначалась для торговцев духами и экзотическими благовониями, главными покупательницами которых были жены кочевников.

Ма ал-Айнин никогда не забывал о своем происхождении, о том, чему его научила жизнь в пустыне. Вот почему он считал необходимым построить в Семаре зернохранилище и огромный резервуар для воды. Говоря современным языком, в Семаре сложился настоящий потребительский кооператив. Все кочевые племена добровольно вносили в него свой вклад натурой и получали определенную долю от ее продажи. Одинокие кочевники и проезжие путешественники находили ночлег в специально построенном доме.

Племена улед-делим и тахелат добились у шейха права собственности на один городской квартал, где бы их люди могли беспрепятственно располагаться, прибывая на рынок или проходя через город с караваном.

Ма ал-Айнин распорядился также построить дома для учеников и бесплатно содержать там любого юношу из любого сахарского племени, пришедшего в Семару слушать его проповеди. Он учредил центр по изучению Корана и коранических наук, которым сам руководил. Из-под его пера вышли многочисленные научные труды на арабском языке. К сожалению, все эти ценные рукописи, представлявшие собой толстые тома, были утеряны и лишь какая-то часть из этих работ была устно передана учениками шейха марабутам некоторых племен в Рио-де-Оро.

Авторитет Семары был признан по всей Сахаре. Повсюду говорили об этой новой столице в песчаных дюнах; ее слава затмила славу Тиндуфа и даже Томбукту, ибо в Семаре встречались кочевники, погонщики караванов, купцы, а

кроме того, велик был приток сюда правоверных, особенно молодежи, привлеченной мудростью и святостью Ма ал-Айнина. Многочисленные последователи шейха образовали позднее особую касту учеников-талмидов, которая заняла на иерархической лестнице города вторую ступень непосредственно после «очень правоверных» воинов шейха — «синих людей». Однако этому городу не суждено было долго существовать, блеск его оказался эфемерным. В 1913 г. карательный отряд полковника Муре, мстя за поражение, которое он потерпел в пустыне при столкновении с непокорными регейбат, достиг Семары и сжег ее. Семара не оправилась после этого разгрома: от нее остались одни руины, отданные во власть ветра и песка.

За три года до того как французы захватили всю Мавританию, Ма ал-Айнину удалось скрыться в Тизните, так что он не присутствовал при трагическом конце своего города.

Его сын ал-Агдаф продолжил дело отца. В течение последующих 30 лет он являлся официальным представителем халифата Тетуана в Марокканской Сахаре, находившейся под испанским протекторатом. Но он никогда не забывал о признательности, которую его отец питал к султану Мулан Хассану, оказавшему ал-Айнину помощь и по-братски принявшему его во время трагических событий последних лет его жизни.

Без малого через 50 лет ал-Агдаф во главе своих подданных отправился на север, чтобы принести клятву верности

королю Марокко Мухаммеду V бен Юсефу, внуку Мулан Хассана.

В 1936 г. Семара была окончательно занята испанскими войсками. От ее прежнего блеска не осталось ничего, весь город лежит в развалинах. Нынешний путешественник увидит в Семаре лишь выщербленные стены, остатки крепостных ворот, несколько колонн, обломки купола главной мечети да отдельные группы пальм.

Племенное хозяйство и торговые пути

Очень сложная организация группы регейбат-н-ахель (включающая клиентов племени, клиентов ахеля религиозные братства, политические кланы и т. д.), скрыта от поверхностного наблюдателя. Основа поселения — фриг, состоящий из нескольких палаток. Во влажный сезон племя распадается, а в засушливый палатки собираются вокруг колодцев и численность поселений увеличивается.

Овцы должны пить по крайней мере один раз в четыре дня, так что они не могут удаляться от колодцев.

Верблюды же, напротив, зимой способны не пить в течение четырех месяцев, если они пасутся на хорошем пастбище. Однако начиная с апреля они нуждаются в водопое один раз в три дня: племена собираются к колодцам и нередко вынуждены очищать их от песка. Зимой основная часть животных может далеко уходить от лагеря (на 100 км), но молочные верблюдицы всегда остаются поблизости.

Скот распределяется справедливо: каждый член племени владеет 4 — 10 верблюдами и сотней коз. В общем племенам Западной Сахары принадлежит более 100 тыс. овец.

Доход обеспечивается продажей шерсти; женщины ткут из нее ткань, которая идет на изготовление палаток. На базаре в Эль-Айюне килограмм козьей шерсти стоит 50 песет. Готовая палатка — на эту работу уходит 7 дней — стоит столько же, сколько вьючный верблюд, т. е. примерно 2500 песет. Веревки изготавливаются из шерсти или из шкуры верблюда, ведра и почти вся кухонная утварь — из кожи.

Земледелие примитивное. В плодородных оазисах, занятых оседлыми общинами (в долинах Дра и Сегиет-эль-Хамра), харратины выращивают фруктовые сады; они обрабатывают землю плугом. Плуг, запряженный верблюдами, сделан из цельного куска дерева и снабжен железным лемехом. Сеют пшеницу и ячмень, сажают кое-какие овощи. В этой части Сахары финиковых пальм не очень много. Две плантации в Семаре и в Эль-Айюне — самые крупные, потому что орошаются водой Сегиет-эль-Хамры, — насчитывают не более 500 деревьев.

При крупных объединениях племен кочевников и кое-где в населенных пунктах живут ремесленники, которых называют маалемин ал-джадин. С помощью простейших орудий из металла, кости или дерева они изготавливают серебряные и золотые филигранные украшения и седла для верблюдов. В вышивках и орнаментах преобладают геометрические рисунки и арабески, которые ведут, по-

видимому, начало от старинного арабо-андалузского искусства. Жены этих ремесленников занимаются главным образом дублением кож с применением сахарских трав тамат и себаджа. Из дубленых кож делают торбы для сбора зерна и сосуды для воды.

Кожу красят и наносят на них рисунки ножом и пером, затем из них шьют покрывала для седел или небольшие сумки для продуктов.

Из внешнего мира кочевники получают хлопчатобумажные и шерстяные ткани, мясо, растительное масло, сахар, чай и свечи.

Люди текна ведут оживленную караванную торговлю через Сахару. Их караваны выходят с больших северных рынков, например из Гулимина и Тиндуфа, груженные чаем, сахаром, тканями, коврами, оружием и солью. Эти товары предназначаются жителям Судана и Сенегала, которые посещают мавританский рынок в Адраре. Путь в оба конца занимает около двух месяцев.

Вторая ось караванной торговли проходит по маршруту Тиндуф — Шегга — Тауденни — Томбукту. Эти караваны перевозят промышленные изделия и доставляют верблюдов с севера на юг. Они привозят из Судана хлопчатобумажные ткани, необработанные кожи, всевозможный мелкий товар, пряности, благовония и ладан. Все это путешествие занимает три месяца. Подобные торговые поездки совершаются один или два раза в год.

В возвышенных областях страны текна происходят главные верблюжьи ярмарки, причем июльская ярмарка в Гулимине и ярмарка в Ассе по случаю мулуда пользуются известностью во всей Западной Сахаре.

В последние годы кочевники из Рио-де-Оро стекаются на рынке в Эль-Айюне и в Вилья-Сиснерос, что закупить в основном фабричные товары с Канарских островов, более дешевые здесь, чем на рынках Марокко и Мавритании.

По древней традиции, регейбат-л-гуасем (кочующие на востоке, тогда как регейбат-сахель живут вблизи Атлантического побережья) занимались обменом с Марокко, где закупали продовольственные товары и ткани, а продавали скот, шерсть, и соль, добытую в Себхе-Тиндуфа. Гулимин всегда служил крупным рынком по продаже верблюдов в Западной Сахаре, и в частности, верблюдов, принадлежащих людям регейбат.

За неделю там продавали в среднем 500 животных.

В Алжире торговля сводилась к покупке ковров в Джебель-Амур и к продаже небольшого числа верблюдов на рынках Туата, а иногда и Гурары.

Но из-за плохих отношений с марокканской группой аит-усса регейбат не ориентируются больше на Марокко.

Стараясь восполнить отсутствие марокканских рынков, алжирские власти попытались перестроить торговлю: центры по управлению кочевниками Сахары приступили к продаже привозных товаров в местах крупных скоплений

их палаток, близ ад-Хайайния и в уэде Эль-Хамра. С другой стороны, чтобы направить продажу скота на восток, они организовали ярмарку в Бу-Бернусе, к северо-востоку от Игиди, но торги там были скромные. Более значительный поток намечается в сторону Туата: несколько сот верблюдов ежемесячно.

Трудности, которые регейбат испытывают в торговле, в известной мере компенсируются появлением новых ресурсов. Правда, разработка железной руды в Гара-Джебилет пока еще находится в проекте, и в настоящее время лишь проводятся опыты, которые позволят судить о том, справятся ли люди регейбат с этим трудом. Но администрация Сахарского Запада выплачивала ежегодно 150 тыс. франков тем регейбат, которые заняты на стройках, в центрах по управлению кочевниками Сахары и на военной службе.

Жизнь и обычаи

Как правило, каждое племя регейбат состоит из нескольких фракций, которые вместе передвигаются, разбивают палатки и сообща владеют стадами верблюдов и дромадеров. Фракция, в свою очередь, объединяет несколько семей, каждая владеет палаткой и скотом, одной или несколькими верблюдицами и дромадерами, в зависимости от того, к какому классу эта семья принадлежит.

Кочевники не имеют никаких оседлых занятий, не умеют обрабатывать землю; если же кто-нибудь в виде исключения и займется земледелием неподалеку от лагеря, урожай становится собственностью всех членов племени.

Любая кочевая семья имеет право выдвигать на выборах кандидатом на должность вождя фракции своего старшего члена, правда при условии, что он не является уже главой семьи. На этих выборах прежде всего учитываются такие качества кандидата, как храбрость, благородство, набожность, красноречие и ум.

Вожди фракций образуют совет, который вершит судьбами племени. Совет избирает самого уважаемого, почтенного и мудрого из числа своих членов на должность верховного вождя. Однако вождь племени имеет лишь чисто символические полномочия; он не может принимать решения и действовать по собственному усмотрению без одобрения совета, сосредоточившего в своих руках законодательную и исполнительную власть. Вождь племени возглавляет только заседания совета, обсуждающие текущие дела. В остальных случаях обращаются либо к марабуту, либо к какому-нибудь ученому особенно если спор касается юридических вопросов.

Избранный верховный вождь обязан в совершенстве знать урф, настоящий кодекс Сахары по моральным и общественным вопросам. Он передавался от поколения к поколению, сначала устно (в самые древние времена), а затем его записали на арабском языке при Маал-Айнине.

Коран, эта неперемнная и неотъемлемая основа любого мусульманского законодательства, лишь частично отражается в статьях урфа, которые веками вырабатывались здесь и теперь как нельзя лучше приспособлены к жизни кочевников пустыни. Тем не менее Коран весьма широко определяет гражданское право, особенно право наследования, а также уголовное, где закон о возмездии все еще сохраняет свою силу (хотя и не в таких жестоких формах, как, например, в Саудовской Аравии).

В Рио-де-Оро виновный может избежать возмездия, откупившись крупной суммой денег. Однако, если преступление серьезно: убийство отца или матери, брата или жены, — оно всегда карается смертью, помилование невозможно. Другие убийства также караются смертью, если только семья убитого не согласится принять "выкуп за кровь». За непреднамеренное убийство эта цена равна 100 верблюдам и 500 песетам. Если потерпевший потерял руку, то виновный расплачивается ампутацией собственной руки и штрафом в 250 песет. Потеря глаза оплачивается 50 верблюдами и 500 песетами, если жертвой был мужчина, и 25 верблюдами и 500 песетами, если женщина. Потеря уха возмещается одной рабыней, а легкие ранения, нанесенные каким-либо тупым предметом, — верблюдами. Воровство всегда карается возвратом украденного предмета с добавлением его четырехкратной стоимости.

При супружеской измене мужчина имеет право наказать неверную жену кнутом, запереть ее на три дня и даже

отказаться от нее. Кроме того, если женщину застанут на месте прелюбодеяния, члены племени могут забросать ее камнями. В некоторых племенах супружеская неверность считается самым тяжким проступком против морали и целостности семьи как племенной ячейки; поэтому известны случаи, когда народ требовал от совета вынесения смертного приговора обоим супругам.

Со всеми доносами и жалобами обращаются в совет, который судит и выносит приговоры. Если виновный нанес ущерб двум различным племенам, он предстает перед объединенным заседанием обоих советов, которое выступает в роли верховного суда. Если мнения советов расходятся и их невозможно привести к соглашению, то как к последней инстанции обращаются к авторитету святой семьи Ма ал-Айнина. Ее авторитет — последнее средство, в том числе и для обвиняемого, которым пользуются всякий раз, когда решается вопрос совести или если вынесение приговора налагает слишком большую ответственность на простой совет кочевников. Эту инстанцию можно сравнить с кассационным судом.

Живут кочевники в райме, четырехугольной, легко разбираемой палатке, сшитой из козьих или овечьих шкур. Как правило, она имеет в ширину от 4 до 6 м, хотя отдельные палатки племенных вождей или очень богатых кочевников достигают порою 12 м. В чисто арабских племенах, таких, как улед-далим, сторона палатки, где находится вход, всегда откинута. В племенах регейбат и

текна вход в палатку, расположенный всегда с восточной стороны, закрывают шкуры. Внутри палатка разделена на две половины: левая отведена мужу, правая — жепе.

Мужчина на своей половине расстилает покрывала и ковры, на которых спит, а также держит седло своего боевого и верхового верблюда, оружие и кожаную суму с запасами продуктов. Женщина раскладывает свою одежду, свое седло, бурдюки для воды, домашнюю утварь, с помощью которой она мелет зерно, толчет финики, режет мясо и разделяет продукты для варки, а также медные подносы, на которых подают еду, металлические или глиняные котлы для приготовления пищи. Столовая посуда почти всегда деревянная.

Молоко от надоя верблюдиц хранятся в сосудах, сшитых из шкур. Кислое козье молоко, которым кочевник обычно утоляет жажду, подносят гостям в деревянных чашках. Женщины пользуются гербой * (бурдюком из козьей шкуры, целиком снятой с животного) для приготовления масла; небольшое количество масла хранится в отдельной гербе для смазывания волос. Наконец, к имуществу женщин относится медный или фарфоровый чайник для заварки чая, небольшой молоток, которым они колют сахар, треножник для нагревания воды и стаканы. Все это нередко хранится в деревянном ящике с искусной отделкой.

Квадрат земли, на котором стоит палатка, покрывается циновкой, сплетенной женщинами.

Питаются кочевники почти так же, как туареги мавры, разве что в этой части Сахары у некоторых племен больше скота, и поэтому у них в рационе больше мяса. Подобно туарегам,

они питаются также сушеными или толчеными финиками, привезенными из пальмовых рощ долины Дра и из Южного Алжира. Фогра (фракция регейбат) покупают их на базарах в Табель-бале и в Агадир-Тисинте, а просо ввозят из Сенегала и Судана, рис и кускус — из Марокко.

Единственные продукты местного производства — это молоко, мясо, ячмень в небольших количествах и соль, добываемая на дне сахарских себх. Хлебные лепешки из пшенично-ячменной или кукурузной муки пекут на раскаленной пластине.

Одежду, как правило, шьют либо из белой материи — привилегия марабутов, ученых и высших должностных лиц, либо из синей. Человек закутывается почти целиком в эту джеллабу, оставляя лишь глаза, часто подкрашенные зеленым порошком. Именно благодаря этой одежде, а также индиго, которой они пользуются для окраски тела, кочевников Западной Сахары издавна называют «синими людьми».

Женщины любят употреблять благовонные эссенции, привозимые с рынков Мавритании; часто красят; волосы, глаза, кисти рук, ступни ног.

Мальчики ходят голыми до обряда обрезания, а девочки до 7 — 8 лет. В племенах регейбат ребенку дают имя через неделю после рождения. Для этого берут три одинаковые деревянные палочки и на каждой пишут имя близкого родственника младенца. Затем палочки подносят матери, которая наугад вытаскивает одну: написанное на ней имя и присваивается ребенку.

Обрезание мальчикам делают в возрасте 5 лет. Операция совершается в присутствии членов семьи, друзей, а нередко и всего племени, особенно если ребенок принадлежит к знатной семье. Тубиб, или врач племени, производит обрезание с помощью ножниц, после чего ребенку предписывается мясная диета до тех пор, пока его рана не зарубцуется.

С момента выздоровления мальчик переходит под власть отца. Отец сажает его на спину верблюда и учит обращаться с оружием: копьем, мечом и кинжалом.

В 12 или 13 лет мальчик надевает покрывало. Отныне он уже не будет открывать лицо в присутствии чужих людей. В это же время он получает от отца разрешение посещать женщин.

Браки намечаются семьями будущих супругов за несколько лет до свадьбы. Однако, если впоследствии молодые не понравятся друг другу, они вольны отказаться от брака, что совершенно невозможно у оседлых мусульман.

Женщина пользуется здесь большой свободой. Еще девочкой она учится читать и писать по-арабски, посещая уроки вместе со своими братьями. Она исполняет те же религиозные обряды, что и мужчины, и, подобно им, в минуты досуга перебирает четки или монотонно читает Коран.

Влияние традиций сахарских берберов на людей регейбат прослеживается и в том, что моногамия у них почти всеобщее явление, хотя мусульманский закон разрешает

полигамию. В браки вступают преимущественно члены одного племени. Вот почему в семье Ма ал-Айнина угрожает кровосмешение, так велика ее боязнь неравных браков с людьми, не принадлежащими к ветви великого шейха.

Когда семья решает женить молодого человека, ее члены направляются в палатку, где живет семья девушки. Там, зная о предстоящем визите, уже заранее готовят большой прием, на котором обязательно угощают козлятиной или верблюжатиной, чаем и сладостями. Семья юноши приносит подарки, чаще всего ткани, духи, сахар и чай. Как только семьи договариваются относительно свадебной церемонии и условий брака, в палатку девушки приглашается марабут. Он приступает к чтению фатихи (первая сура Корана), скрепляющей брачный договор. Снаружи друзья и соседи ждут окончания ее, после чего начинается всеобщее веселье, все поют и танцуют. Тут же, до того как родители юноши покидают палатку невесты, объявляют о дне свадьбы.

Свадебные торжества длятся семь дней, в них принимает участие весь лагерь. Один танец сменяет другой, а игры не прекращаются ни днем ни ночью. Семья новобрачной готовит угощение для торжественных приемов. Супруги не имеют права вступать в брачные отношения до конца праздника. У кочевников разрешен развод, хотя он случается здесь реже, чем у арабов севера. Вопреки мусульманскому обычаю женщина вправе требовать развод, когда она этого захочет, и может вступить в новый брак

через три месяца. Если у нее есть дети, отец либо обязан их содержать, либо имеет право оставить их у себя.

В Рио-де-Оро члены семьи не носят траур. В течение трех дней друзья и знакомые посещают родственников умершего и приносят им подарки. Палатку, в которой лежал усопший, разбирают, и отныне никто не живет на этом месте.

Лечением всегда занимается тубиб, которому нередко известны снадобья из трав, дающие поразительные результаты. Сахарские тубибы не являются ни обманщиками, ни знахарями, им присущ определенный профессионализм. Из болезней здесь распространены туберкулез, оспа, желтуха, рахит, астма и венерические болезни.

Кочевники Западной Сахары любят общие игры, которые устраиваются по случаю праздников, церемоний, спортивных выступлений или просто развлечения ради. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

Ат-талватт. Каждой команде отводится площадка.

Затем члены команд разбрасывают на своем поле камни. Задача заключается в том, чтобы проникнуть на чужое поле и похитить камни, в то же время защищая свое поле от противника.

Ад-дакдса. На земле расставляют в ряд ярко раскрашенные яйца и стараются издали попасть в них камнями.

Аг-туд. Интересная игра для искусных всадников Она представляет собой нечто вроде конной игры в мяч.

Ад-дебела. На земле чертится круг, в котором размещается вся команда. Ее противники становятся снаружи и хватают за руки тех, кто находится внутри.

Игроки обеих команд стараются перетянуть друг друга на свою сторону. Если игрок, находящийся в круге, переступает черту, его команда проигрывает; если же удастся захватить игрока из команды, стоящей за кругом, то проигрывает последняя.

В племени улед-тидрарин (которое кочует в пустыне Тирис, в Рио-де-Оро) год обильного урожая празднуют игрой эротического характера. Молодые люди—юноши и девушки — собираются за пределами лагеря, в пустыне. Они встают в два ряда, на некотором расстоянии друг от друга. Один юноша выходит из ряда и кладет посередине сахар, чай, духи и другие подарки, которые обычно нравятся женщинам. Тогда из вереницы подруг выступает девушка. Сделав несколько шагов вперед, она раздевается и нагишом бежит к подаркам.

Затем другие юноши по очереди также кладут свои подарки. Эта церемония продолжается до тех пор, пока не превращается в настоящую вакханалию.

Танцы и музыка относятся к числу любимых развлечений кочевников. Танец является привилегией женщин, как правило, он сводится к выступлению одной-единственной танцовщицы в кругу мужчин. Черные, рабы, слуги и данники не могут принимать участие в танцах свободных жителей Сахары. У них есть собственные песни и танцы, которые приносят с собой в пустыню отголосок жизни саванны и девственного леса. Чернокожие пользуются двумя инструментами: гангой (род барабана, в который бьют двумя изогнутыми палочками) и кастаньетами. Самый популярный танец в Рио-де-Оро — эрги. Его танцуют под звуки тебала и гидры.

Это два барабана, один с двойной мембраной, в которую бьют ладонью и кончиками пальцев, второй — с более тонкой мембраной, в которую женщины бьют палочками. Ардин, десятиструнная арфа — ее одной стороной упирают в землю, а другой — в правое плечо, и тидинит, разновидность четырехструнной лютни, похожей на амзад туарегов, — также очень характерные инструменты. Флейта — неразлучный спутник каждого кочевника, перегоняющего стадо.

Песня занимает большое место повсюду в Западной Сахаре, но ее композиция и тема меняются в зависимости от автора

и сюжета. Песни погонщиков караванов и воинственные песни исполняются одним мужским голосом без всякого музыкального сопровождения.

Любовные и прощальные песни — двумя голосами. Религиозные песнопения либо песни, исполняемые во время походов или работы, часто поются хором под аккомпанемент целого оркестра из барабанов, железных трубочек и хлопанья в ладоши. Некоторые берберские песни, низкие и сильные, похожи на песни Атласа и даже Ахаггара, тогда как в песнях на диалекте хассанийя, звучащих повсюду в Рио-де-Оро, отражается душа кочевника "Дальнего запада". Ислам принес в Сахару много эпических и религиозных поэм, которые остались без изменений в течение веков; и сегодня не редкость услышать даже на литературном арабском языке песни, восходящие к поэтам и героям первых лет хиджры. Каждый паломник, возвратившись из Мекки, рассказывал своим соплеменникам обо всем, что видел слышал на Востоке. С тех пор мало что изменилось в сахарском фольклоре: песни и музыка по-прежнему занимают первое место в проявлениях мистицизма и мышлении кочевников.

Глава V

МАВРЫ АДРАРА

Мавритания как политическая единица занимает территорию вдвое больше Франции, но ее население едва достигает 800 тыс., причем 90% из них кочевники.

Если с точки зрения географии Исламская Республика Мавритания не очень отличается от других государств Сахары, относящихся к Черной Африке, таких, как Мали, Нигер и Чад, то мавры, составляющие подавляющее большинство ее жителей, придают ей в этническом, социальном и культурном отношении разительное сходство с Магрибом.

Смешанное общество.

Страна разделена на 22 "округа" — провинции; их населяют племена, объединяющие многочисленные фракции, кланы, связанные узами родства благодаря общим предкам. Каждая фракция состоит из нескольких семей, живущих в лагерях и образующих костяк страны. Лагерь возглавляет вождь, настоящий "отец семейства". Власть над племенем и фракцией принадлежит шейху, которому помогает, как и повсюду в Сахаре, совет знати, джемаа. Иногда ради общих интересов несколько племен объединялись, образуя эмираты, как это было в Адраре, Трарзе и Таганте до провозглашения республики.

Мавры делятся на несколько классов: воины и марабуты — правящие классы; данники и различные касты.

Племена воинов — арабского происхождения (маакил). Они считаются знатными, хотя порою их предки и не были в числе знатных арабских племен, а сами они лишь позднее сделались воинами. В конечном счете в этой сахарской стране подлинное место вооруженного мужчины

определяет его отвага. Племена воинов, для которых в прежние времена единственным источником существования был грабеж, находили поддержку у племен марабутов и за это оказывали им покровительство.

Племена марабутов, или толба, почти все берберского происхождения. Если же они ведут свое начало от арабов, то это значит, что в свое время их предки сменили оружие на Коран. Они учатся и обучают, занимаются торговлей и скотоводством. Марабуты — самые богатые и многочисленные племена; это благодаря им прославился мавританский город Шингетти, седьмое священное место, упомянутое в исламе.

Данники — их называют зенага или лахма — обычно берберского происхождения; они разводят стада для марабутов или воинов и платят им хорму — подушную подать и гафер — налог за все племя. Следует, однако, отметить, что это общественное деление не было неизменным: на протяжении веков происходили явления мутации, так что племена марабутов, или данников, иногда переходили в разряд воинов, как это было с улед-бу-сба.

Наряду с данной общественной иерархией существует племенная. Ниже данников располагаются цветные харратины, которые, как и в остальной Сахаре, либо бывшие рабы, либо потомки древних племен коренных

чернокожих жителей. Они живут на всех кочевых стоянках и в оазисах и используются в качестве пастухов, земледельцев или сборщиков камеди.

В Западной Сахаре, человек с черной кожей имеет мало шансов быть свободным и жить подобно арабам или берберам. Различные национальные конституции, например в Мавритании, официально признают его полноправным гражданином, однако в действительности при современном состоянии сахарской племенной организации, он живет под покровительством хозяина-мавра. Плоды его труда, да и он сам, принадлежат хозяину, который в качестве компенсации предоставляет ему пищу и жилье. Прежде даже бывали случаи, когда хозяин, стараясь сохранить физические силы своих рабов, кастрировал их. Положение раба было наследственным. Основное занятие харратин у мавров — присмотр за скотом и обработка клочков плодородной земли в гара и в оазисах. Это обеспечивает им довольно свободный образ жизни.

Когда харратины женятся, право на их сыновей принадлежит хозяину матери, который волен распоряжаться ими и даже их продать, если ему это заблагорассудится. Нередко девушки-рабыни уходят рожать в пустыню и там сразу же убивают своих детей. Этот вид детоубийства не осуждается в сахарском обществе; он признает за матерью-рабыней «право» освобождаться подобным образом от обременительных последствий своего сожителства. Законный брак между рабом и рабыней не может состояться

без обоюдного согласия их хозяев. Получив разрешение на брак, харратин должен дать хозяину своей будущей жены десять коз; одну из них хозяин дарит молодоженам для свадебного ужина. Из-за того что дети харратинов становились рабами хозяина их матери, женщина ценилась дороже, чем мужчина: девушка-рабыня стоила на рынке в три раза больше, чем юноша.

После харратинов следуют гриоты, нечто вроде трубадуров, не пользующиеся большим уважением и, как правило, заключающие браки только между собой. Далее идут кузнецы, с которыми остальные мавры обращаются как с париями. Тем не менее гриоты и кузнецы в большинстве своем белые.

К этому достаточно сложному по своему составу обществу принадлежат еще три группы. Первая — немади, живущие на востоке Мавритании недалеко от колодца Немади, к северу от Тиджикджи. Эти не слишком набожные белые люди охотятся с собаками либо на антилоп в дюнах, либо — это касается южных кланов — на диких свиней, либо на любую другую дичь, которая водится в Сахеле. Немади — независимое племя, смешивается с другими племенами только в тех случаях, когда мужчина этого племени обратит внимание на чужую девушку. Вторую группу образуют азарзис, которые трудятся на соляных разработках. Наконец, третья группа — рыбаки, состоящие из двух небольших племен — имраген и шнагла.

Имраген кочуют по побережью между Нуакшотом и Вилья-Сиснерос. В социальном отношении они образуют в обществе мавров особый класс, занимая промежуточное положение между абидами (крепостными) и вассалами. Имраген вынуждены жить на Атлантическом побережье, так как существуют за счет океана. Кроме того, они обязаны платить большую дань рыбой (хорма) своим хозяевам-маврам, несмотря на то что до получения Мавританией независимости последние не защищали их от грабительских набегов кочевников. Хорма взимается исключительно в период рыбной ловли и отменяется с началом мертвого сезона (с марта по сентябрь) или во время бурь. Эта подать равняется десятой доли улова в тех случаях, когда представитель племени воинов, покровительствующего рыбакам, лично наблюдает за работой имраген. Там же, где племя воинов получает от рыбаков причитающуюся ему хорму один или два раза в год, она состоит из сушеной рыбы (от 50 до 100 штук), растительного масла (от 1 до 10 л), рыбных икринок (от 24 до 50 шт.). Племя имраген покровительствуют племена мавров улед-бу-сба и абель-граа. Те немногочисленные лодки, которыми владеют имраген, в основном находятся близ Порт-Этьен-на и Вилья-Сиснерос. Обычно же они забрасывают сеть, входя в воду и держа ее по двое с каждой стороны.

Шнагла (в переводе с берберского озиачает «гарпунеры») насчитывают около ста человек. Они платят дань племени улед-делим, хотя утверждают, что представляют собой их отдельную фракцию. Шнагла кочуют, разбивая палатки, между Вилья-Сиснерос и устьем уэда Дра. Их положение гораздо лучше, чем имраген. Они ловят рыбу с помощью

сетей, удочек и гарпунов, собирают серую амбру кашалотов в устье Дра и меняют ее на продукты и промышленные товары у людей текла на юге Марокко. Кроме того, они обменивают найденные вещи с лодок и кораблей, потерпевших крушение у негостеприимных берегов Рио-де-Оро. Орудия рыбной ловли у шнагла столь же примитивны, как и у имраген. Сети плетутся из волокон растения *Aristida pungens*, а грузилами служат шары из обожженной глины. Шнагла подбирают пробковые поплавки, брошенные на берегу другими рыбаками, рыболовные крючки куют сами вручную, а гарпуны делают из тростника. Они имеют несколько весельных лодок, но никогда не решаются уходить на них далеко от берега, опасаясь прибоя у бара (мелководье), который может опрокинуть лодки или бросить их на рифы.

На рифах и на плавающих деревянных щепках они ищут морских уточек, из-за формы и цвета прозванных в народе «пальцами негра». Шнагла добывают и едят крабов, морских раков, ракушки, устриц, каракатиц, съедобных улиток, осьминогов, морских ежей. Стараясь разнообразить свой рацион, в тех местах, где, иногда идет дождь, они выращивают немного ячменя и кукурузы: высевают несколько горстей зерна и уходят, а урожай собирают лишь когда снова оказываются в этой местности. Шнагла разводят в небольших количествах коз и верблюдов и водят их за собой.

Бурное прошлое

В Мавритании поезда и автобусы до сих пор не заменили верблюдов, а небоскребы не вытеснили палатки: время и расстояния задерживают материальное и духовное развитие страны. В таких районах, как Адрар и Восточный Ход, сумела сохраниться высокая культура ученых-мавров; в этих местах веет былым величием Альморавидов.

Историк ал-Бакри в своем «Описании Северной Африки» рассказывает о древней крепости Азуги, построенной в большой пальмовой роще в Мавританском Адраре. По его словам, она была подлинной столицей альморавидских султанов до завоевания ими Марокко и Испании. На ее долю выпал, очевидно, лишь кратковременный блеск, ибо с конца XII в. она уже не упоминается в исторических хрониках. Главными городами Адрара называют Уаддан и Шингетти.

Благодаря сведениям, полученным от специалиста по первобытной истории и археолога Раймона Мони, который исследовал эту местность в 1953 г., мне удалось обнаружить неподалеку от пышной и богатой источниками пальмовой рощи, в 15 км к северо-западу от Атара, развалины. Здесь и находилась альморавидская крепость. Для этой поездки по труднопроходимой местности (как и для последующих поездок по Адрару) командующий округом предоставил в мое распоряжение машину с высокой проходимостью и унтер-офицера, уроженца этих мест. Ему были знакомы здесь все закоулки и обитатели палаток. Он стал для меня товарищем, проводником, шофером, переводчиком и преданным информатором. Перед тем как нам расстаться, он угостил меня чаем в своем скромном жилище и

преподнес сувенир — расшитый мешочек из слегка окрашенной верблюжьей кожи, предназначавшийся для хранения чайных принадлежностей в пути. Я знал, что это был самый красивый и дорогой предмет из его вещей, но, чтобы не обидеть щедрого и гостеприимного хозяина, принял подарок и был тронут до глубины души.

По караванной трапе в Азуги не добраться, разве что сделав крюк через Фум-Шар, где, кстати, можно попробовать великолепные дыни, выросшие на земле Сахары. Дети угостят вас ими прямо в саду, лишь бы вы прокатили их на машине! Нам повстречались десятки почти голых ребятишек с ранцами через плечо наподобие берберской сумы, пешком отмерявших многие километры до школы в Аtare.

Выбранный нами маршрут привел нас к первому ряду скалистых утесов: шаг за шагом на протяжении почти трех километров нам приходилось расчищать дорогу, заваленную камнями. Зато с высоты хребта перед нами открылся вид, вознаградивший нас за все труды: с одной стороны Атар и его оазис, над которыми с востока нависает розовато-лиловая стена Адрара; с другой — желтые дюны и черные базальтовые скалы мертвой долины, а у наших ног — пальмовые рощи, откуда закутанные в покрывало мужчины некогда отправились на завоевание Запада.

Ал-Бакри писал об этих людях лемтуна, потомках Химьяра, что они прячут лицо под покрывалом и «не умеют ни обрабатывать землю, ни засеивать ее. В их стадах заключается все их богатство, их пища состоит из мяса и молока, и они совсем не ели бы хлеба, если бы им не дарили

муку купцы, прибывающие из мусульманских стран или из стран чернокожих». В это описание легко узнать кочевников-мавров наших дней, самых прямых потомков лемтуна.

Эти «люди под покрывалом» точно соблюдают предписания Корана, особенно те из них, которые более всего соответствуют их темпераменту. Это прежде всего долг, повелевающий вести «священную войну». Они не дают покоя своим соседям, неграм-анимистам. Во племени лемтуна Яхья бен Ибрахим, возвращаясь 1050 г. из паломничества в Мекку, остановился в Кайруане и повстречал там знаменитого марокканско теолога ал-Фаси. Эта-то встреча и решила будущую судьбу Альморавидов.

— Мы ничего не знаем! — воскликнул Яхья. — Пойдем со мной в пустыню, обучи моих лемтуна! Не чувствуя склонности к подобного рода деятельности, ал-Фаси порекомендовал вместо себя одного и своих учеников, Абдаллах бен Ясина. Прибыв в пустыню, Ясин постарался вразумить распущенных и грубых лемтуна, но все было напрасно. Тогда он решил построить нечто вроде монастыря, где монахи (мурраби-тун, переводимое как марабут — этимология имени Альморавиды) должны были соблюдать суровую дисциплину, чтобы «очиститься». Вскоре число приверженцев Ясина возросло, а с ним и его слава. Он решил воспитывать монахов как воинов, и очень скоро у него собралась армия из 30 тыс. монахов-солдат, готовых отправиться на завоевания. В 1053 г. Ясин

снарядил свою первую военную экспедицию, увенчавшуюся успехом, в Тифилалет, Марокко и Гану.

После смерти Ясина в 1059 г. светскую власть Альморавидов осуществляли два вождя, Ташфин и Бубакр.

Последнему были поручены военные операции в Сахаре, где ему сопутствовала удача. Он занял даже город в еврейском государстве — Медину-эль-Килаб. Ташфин, «суровый, справедливый и святой», основал лагерь, который вскоре стал известен как город Марракеш. Его строили 20 тыс. черных рабов; лагерь быстро превратился в город с крепостными укреплениями и мечетью, а затем стал столицей. Ташфин сделался властителем провинций Фес, Ужда, Оран, а позднее Алжира. Именно в это время к нему стали поступать настойчивые просьбы о помощи со стороны мусульманских правителей в Испании, отражавших первые удары Реконкисты.

В 1084 г. король Омар обратился к Ташфину как к единственному человеку, способному отразить натиск христиан. Однако Ташфин отказался сражаться против короля Альфонса VI, не желая покидать Марракеш, где он наслаждался славой, счастьем и почетом. Тем временем правитель Севильи Мухаммед уже был не в состоянии предотвратить вторжение христиан. Он обратился к своим соседям, правителям Гренады, Альмерии и Бадахоса, обещав им помощь Ташфина. Однако все эти монархи бурно запротестовали, настолько они боялись появления его свирепых людей на богатых равнинах Андалузии.

Опасались они и того, как бы Ташфин не навязал им своей деспотической власти.

Со своей стороны, Ташфин задумался: разве не достиг он вершины своего могущества? Но ведь речь идет об Испании! При одном упоминании о ней в его воображении вставала страна оникса и порфира, мускуса и расшитого шелка, богатых ковров и рабов... Не в силах совладать с соблазном, он согласился выступить против Альфонса VI. В 1086 г. Ташфин со своей армией погрузился на суда и прибыл в Альхесирас, откуда сразу же двинулся на Бадахос. Вскоре рвавшиеся в бой мусульманские войска встретились лицом к лицу с войсками христиан. Мусульманские эмиссары предстали перед Альфонсом VI и заявили ему:

— Нам сказали, что ты хотел бы иметь корабли, чтобы перенести войну в нашу страну. Ташфин, повелитель мусульман, решил избавить тебя от трудностей, и Аллах привел его к тебе, чтобы сбить твою гордость и высокомерие. Не желаешь ли ты обратиться в веру ислама? Не желаешь ли ты произнести фатиху, формулу обращения в новую веру, признать, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед пророк его? Или ты предпочитаешь платить дань? Или во что бы то ни стало хочешь сразиться?

Король Альфонс пожал плечами;

— Я нападу на вас в понедельник.

Дело происходило в четверг. Ташфин был слишком хитер, чтобы попасть в ловушку, и на заре следующего дня король Альфонс встретился с войсками неприятеля, готовыми к бою. Вскоре на равнине Заллака выросла

пирамида из 40 тыс. отрубленных голов. Униженный поражением, Альфонс VI обратился за помощью к королю Франции Филиппу I.

На этот раз Ташфин не ограничился только военными победами. Он решил навязать мусульманской Испании религиозно-политические порядки Альморавидов, установив там — к собственной выгоде — единство ислама. В 1090 г. правителя Гренады заковали в кандалы и выслали из страны. Одновременно из города исчезли поэты, астрологи и ученые; их сочли еретиками, опасными для государства.

Год спустя Ташфин овладел Кордовой, затем Рондой и Севильей. Мухаммед был сослан. Потом пали Сарагоса и Валенсия. Упоенный своим могуществом, Ташфин послал войска даже на Балеарские острова, жители которых сдались без боя.

Но на этом завоевания мусульман закончились. Сначала пришлось сражаться против знаменитого и непобедимого Сиды Кампеадора, а затем — и это было труднее всего — против соблазнов андалузской жизни. После смерти Ташфина Альморавиды предались роскоши и тем самым ускорили свое падение. Познав славу, они были вынуждены в дальнейшем вернуться в пустыню к своим стадам. Династия Альморавидов просуществовала лишь 92 года и насчитывала всего 6 правителей.

Последний из них, Исхак, был обезглавлен Абд ал-Мумином, первым правителем династии Альмохадов, выходцев из среды оседлых берберов Антиатласа.

Держава Альморавидов распалась. Теперь ветра Сахары засыпают песком следы их походов. Что осталось от Азуги, их древней столицы? Почти ничего, нынешнее население Адраара о ней и не знает. Крепостная стена, сложенная из необожженных кирпичей, в виде квадрата (каждая стена длиной 100 м), наполовину погребена под песком.

Наибольший интерес для археолога представляют 20 прямоугольных бастионов, которые усиливают эту стену с внешней стороны. Они представляют собой самый ранний образец военной архитектуры Альморавидов (еще один обнаружен при недавних раскопках в Марракеше, в крепости Юсуфа бен Ташфина, построенной в 1062 г.).

Раймон Мони справедливо замечает, что крепостная стена в Азуги времен Альморавидов, как и развалины берберского города Аудагост, — самая старая мусульманская постройка в Мавритании.

Несмотря на тщательные поиски, мне не удалось найти в пальмовой роще другие постройки, относящиеся к той же эпохе. Я обнаружил лишь множество отесанных камней, часть которых, по всей вероятности, осталась от разрушенных домов. Теперь они разбросаны в "тикитах", круглых соломенных хижинах, где время от времени находят приют либо пастухи, перегоняющие стада верблюдов, либо люди, которые приходят в Атар собирать финики.

Вернувшись из Азуги, я сразу же отправился в противоположном направлении в поисках более древних археологических стоянок, относящихся к забытому периоду истории Мавританского Адраара. Точнее говоря, речь теперь пойдет о первобытной истории, ибо я имею в виду наскальную живопись доисламской эпохи, которая неизвестна современным мавраам.

В начале 1949 г. экспедиция А. Вилье, а в марте 1951 г, экспедиция Р. Декейзера и А. Вилье обнаружили две доисторические стоянки с наскальной живописью, расположенные в долине уэда Сегелил, неподалеку от пальмовой рощи Хамдун в 25 км к югу от Атара.

Наибольший интерес представляет та, что находится на левом берегу, на вершине нависшего над уэдом склона, покрытого обломками, но ниже уровня площадки, по которой проходит тропа. Это укрытие под скалой глубиной 4 м, подход к которому теперь затруднен из-за нагромождения мелких камней. Росписи довольно сильно пострадали от времени. На них изображены главным образом животные, напоминающие быков с горбом и с изогнутыми рогами, один муфлон и какие-то антропоморфные фигуры, которые не удалось идентифицировать, из-за того что они плохо сохранились.

Тем не менее Раймон Мони считает, что эти персонажи можно связать с таинственными бафурами, населявшими Адраар до появления берберов лемтуна. Это те самые бафуры, свирепые язычники-великаны, которые, согласно местным легендам, жили на месте современного Шингетти, обрабатывая поля и разводя скот, но не имея представления

о финиковой пальме. Ее будто бы посадили люди лемтуна, изгнавшие бафуров из Адрара и основавшие затем город Абуэйр в четырех км от современного Шингетти. Они заложили великолепную пальмовую рощу, которая ныне является «жемчужиной Уарана».

Надо сказать, что в Адраре бафурам приписывают все развалины, наскальные надписи, а также постройки, возведенные не мусульманами и не французами, о возрасте и происхождении которых ничего не известно.

Главная проблема заключается в том, чтобы определить, было ли это исчезнувшее доисламское население «черным», пришедшим с юга, или «белым» — с севера.

Существует множество противоречивых легенд. Возможно, что это были евреи из Суса, гетулы из Марокканской Сахары римской эпохи, фульбе, чернокожие сараколе или суданцы. Пока вопрос остается открытым.

Задыхающийся Атар

Атар, крупный центр караванной торговли на транссахарской трассе Касабланка — Дакар, большой рынок, который на Сахарском Юге пришел на смену знаменитым рынкам в Валате и Томбукту. В настоящее время он задыхается из-за того, что закрыта марокканская граница. Атар страдает больше, чем остальные города Мавритании.

Его великолепные верблюды и красиво выделанные шкуры находили раньше сбыт в Гулимине и на других рынках Южного Марокко. Теперь многочисленные мавританские купцы, ведущие свои дела в этом крупном центре Адрара, с нетерпением ждут, когда на дороге, ведущей с севера, вновь покажутся колонны грузовиков, везущие изделия марокканских ремесленников: ковры, медные чеканные подносы, серебряные чайные сервизы, кожаные пуфы и ткани. Не следует забывать, что кочевники-мавры занимаются почти исключительно скотоводством, а ремесленные и промышленные товары поступают к ним от их великого северного соседа. Остановимся на основах мавританской экономики.

Мавры владеют приблизительно 100 тыс. верблюдов, 250 тыс. голов крупного рогатого скота, 2 млн. овец, 4 тыс. лошадей и свыше 50 тыс. ослов! Разведение таких огромных стад дает маврам возможность продавать в большом количестве масло, шкуры овец и коз, бычьи и верблюжьей кожи. Основная часть этих товаров всегда продавалась на рынках Южного Марокко и в меньших количествах — в Черной Африке. Роши Адрара, Таганта, Хода и Ассаба, насчитывающие около 250 тыс. финиковых пальм (это немного), ежегодно дают от 3 до 4 тыс. т фиников. Их почти целиком потребляют местные жители, и уж во всяком случае в самой Мавритании. Большие насаждения камедных деревьев (*Acacia Verek*) дают 3 тыс. т камеди в год. На этом дереве листья появляются летом, а цветы осенью; семена его стручков — великолепный корм

для верблюдов. Кроме того, кочевники используют камедь в медицинских целях: для очищения желчного пузыря, кишечника, желудка и для лечения желтухи. Прежде, в голодные годы, камедь прожигали, затем толкли и ели, смешав с маслом и сахаром.

Мавританским кочевникам приходится ежегодно приобретать у оседлых жителей побережий Южного Марокко или Сенегала по крайней мере 50 тыс. т проса, большое количество риса, пшеницы, ячменя, а также сахар и чай, которые они охотно потребляют. Правда, после провозглашения республики зеленый чай сюда доставляется непосредственно из Китая.

Положение женщины

Красивый красный ковер, вышитые валики вдоль стен, белый серебряный чайник с набором разноцветных стаканчиков, медные подносы с огромным количеством еды... вокруг сидят одетые в белое женщины, члены Женского союза Атара. Я получил приглашение на этот вечер.

В мусульманской стране мне редко доводилось вести такой свободный и откровенный разговор с женщинами, в большинстве своем замужними, как в Аtare. Речь шла о новой жизни и проблемах, возникших в результате эмансипации женщин. Это тем более знаменательно, что

мавританки Адраара живут в седьмом святом, месте ислама, и следовательно находящемся в плену строгих религиозных и моральных традиций.

Моя хозяйка — супруга мэра города, активного члена Народной партии, который в тот вечер отсутствовал.

Несмотря на непредвиденный отъезд, он не закрыл двери своего дома и не отменил обед, устроенный женщинами в честь иностранного журналиста.

Две разные представительницы современной Мавритании предстали передо мною одновременно — председатель Союза и его генеральный секретарь. Первая дышала воздухом новой жизни; вторая же, закутанная в величественную малафу (просторное верхнее одеяние), была скована традициями и обычаями. Председатель, молодая и живая женщина, работала медицинской сестрой в больнице Атара. Она развелась с мужем и одна растила сына, которого обо-

жала. Она говорила по-французски, но всем сердцем была предана арабской культуре и с нетерпением ждала открытия северных границ, чтобы познакомиться со «своими арабскими сестрами» в Марокко, Алжире и Тунисе. Она остро «чувствовала» личные, сердечные проблемы, волнующие молодых девушек. В противоположность ей секретарь говорила только по-арабски; она была старше и не решалась выражать свое мнение по вопросам, которые так или иначе касались двух запретных тем: мужчин и религии. Одна принадлежала чуть вырисовывающемуся будущему, другая прошлому.

Первая, глядя прямо мне в глаза, совершенно непринужденно отвечала на все мои вопросы, даже самые нескромные. Она требовала для всех мусульманских девушек без исключения права самой выбирать себе будущего супруга и отказывать тому, кого выбрали без ее согласия родители. Она утверждала, что слишком многие мусульмане-мужчины не желают признавать, что, подобно всем остальным женщинам на свете, их женщины тоже любят и страдают и что положение общественного неравенства, распространяющееся на область чувств (сюда же относится полигамия) с полным подчинением мужчине, в наше время невыносимо для мусульманки.

Следует признать, что обусловленное обычаями поведение мавританок по отношению к мужчинам в своем племени всегда было гораздо более свободным, нежели арабок-мусульманок в городах Северной Африки.

Подобно женщинам у туарегов, мавританка соблюдает почти все религиозные предписания ислама: постится во время рамадана, читает молитвы, учит Коран. Но она никогда не носила покрывала и довольно свободно разговаривает с мужчинами, даже если они не принадлежат к ее семье. Практически мавританка пользуется полной свободой в своих действиях. В частности, если женщина принадлежит к кочевому племени, палатка в гораздо большей степени её владение, нежели мужа.

Она почти никогда не соглашается принять под свой тент вторую жену, а если мавр и может легко ее отвергнуть, то она тоже вольна потребовать развода и вновь выйти замуж.

Частым стал теперь и отказ мавританской девушки выйти замуж за человека, которого ее родители с детства предназначали ей в мужа, руководствуясь при этом выгодой или чувством симпатии к другой семье того же класса и той же общественной касты. Хотя в Мавритании не было форм матриархата, существующих у туарегов Ахаггара, женщины здесь всегда принимали активное участие в событиях и жизни своего народа.

Рассказывают, что, когда враги нападали на лагерь, женщины разводили в воде хну и поливали этой красной жидкостью из своих калebas тех, кто струсил в бою, дабы обречь их на публичное презрение.

Одно из самых забавных исторических свидетельств о свободе нравов мавританских женщин дошло до нас благодаря путевым заметкам магрибинского географа Ибн Баттуты, который пересек Мавританию, направляясь из Сиджильмассы в Томбукту. Остановившись в Валате, он записал: «Жизнь этого народа удивительна, а его нравы причудливы. Мужчины вовсе не ревнуют своих жен. Никого из них не называют именем его отца, а каждый связывает свое происхождение с дядей с стороны матери. Наследство получают сыновья сестры покойного, а не его собственные дети. Подобный обычай я наблюдал только в Индии у неверных Малабара. Тем не менее эти люди месуфа — мусульмане; они прилежно читают все молитвы, предписанные религиозным законом, изучают юриспруденцию, теологию и учат наизусть Коран. Женщины-месуфа не испытывают чувства стыдливости в

присутствии мужчин и не закрывают лица; однако они никогда не пропускают часа молитвы.

Если кто-либо захочет жениться на женщине-месуфа, он не встречает трудностей, но жена здесь не уезжает со своим мужем; если даже она и согласится, ее не пустит семья. В этой стране женщины могут иметь друзей и приятелей из числа чужих мужчин, т.е. не родственников. Мужчины, со своей стороны, также заводят подружек среди женщин из других семей. Часто случается, что хозяин, возвратившись домой, застаёт свою жену ее приятелем; он не осуждает такое поведение».

С чувством юмора и почти в журналистской манере Ибн Баттута рассказывает там же еще две забавные истории, касающиеся свободы нравов мавританской женщины, которая не переставала удивлять и возмущать правоверного мусульманина с севера.

«Однажды я вошел к судье Иуалатена (Валаты), предварительно постучав и получив разрешение, и увидел его с очень молодой и необыкновенно красивой женщиной. Я почувствовал неловкость и хотел было выйти, но женщина, даже не покраснев от смущения, стала весело смеяться над моим замешательством. Судья сказал мне: — Зачем тебе уходить? Эта женщина — моя подруга.

Я удивился поведению этих людей. Тем более что судья — законовед, паломник. Я даже узнал, что он испросил у султана разрешение совершить в этом году паломничество в Мекку в сопровождении своей подруги! Интересно, та ли

эта женщина или уже другая? Но повелитель не дал ему своего согласия».

«Я отправился к Месуфиту Абу Мухаммеду Йандекану, тому самому, с которым мы вместе прибыли в Йуалатен. Он сидел на ковре, а посреди помещения под балдахином находилось ложе; на нем рядом с посторонним мужчиной сидела его жена и вела с ним беседу. Я спросил Абу Мухаммеда:

— Кто эта женщина?

— Это моя супруга, — ответил он.

— А кем приходится ей тот, кто сидит рядом с ней?

— Это ее друг.

— Неужели ты доволен таким положением вещей, ты, который жил в нашей стране и знаешь предписания божественного закона?

— Общение женщин с мужчинами у нас выглядит прилично и вполне благопристойно: оно не вызывает никаких подозрений. Впрочем, наши женщины совсем не такие, как в ваших краях.

Я был удивлен его глупостью, ушел и больше никогда к нему не приходил. Он не раз приглашал меня к себе, но я всегда отказывался».

Итак, если по языку и религии мавританские женщины принадлежат к арабскому миру, то по своему духу и традициям они остались берберками. Поэтому их

эмансипация может произойти гораздо раньше, нежели в Марокко или Алжире, хотя, это звучит парадоксально.

Первое доказательство этому я получил, познакомившись с уже проведенными мероприятиями и с планами на будущее Союза мавританских женщин, отделения которого теперь имеются почти во всех населенных, пунктах этой огромной страны. Союз — это прежде всего школа, где женщины изучают французский и арабский языки, чтобы слушать радио, читать газеты и писать письма. Действительно, самые передовые женщины, подобно принимавшим меня в Атаре, прекрасно понимают, что мавританки пока еще не готовы занять свое место в семье и в новом обществе, и прежде всего должным образом воспитывать детей — будущее поколение страны. Они не смогут справиться с этой задачей, если сами не будут посещать школу и не получают образование. Поэтому школьное обучение для девочек входит первым пунктом в женскую программу, которая, надо сказать, пользуется поддержкой властей. Сотрудники — французы и тунисцы, — занятые в системе народного просвещения, откликнулись на призыв Союза мавританских женщин организовать как можно больше учебных заведений, предназначенных для женщин.

В сфере практического обучения принятые меры дали очень хорошие результаты. В Атаре многие уже посещают великолепную школу, где их учат шить, вышивать и, ткать, обучают домоводству (вязанию, уходу за детьми) . Раз в неделю Союз созывает собрание, где ставятся и свободно дискутируются все местные и общие вопросы, интересующие женщин. Однако главное, чем по праву

гордится Союз, это «Дом матери и ребенка», действующий в Нуакшоте с июня 1961 г. Этот центр, осуществляющий охрану материнства и младенчества, помогает бесплатно всем женщинам без исключения, будь то кочевники или оседлые. Грудным детям обеспечивается уход, а молодые матери получают необходимые советы.

На караванных тропах Адрара: Уаддан, Шингетти.

В Атаре начинается караванная тропа, по которой верблюды и изредка вездеходы направляются в Шингетти и Уаддан.

Из Атара плоскогорье Адрар представляется непреодолимым естественным препятствием, бесконечной стеной, которая преграждает доступ в священный город Шингетти. Однако, в 50 км к северо-востоку от Атара тропа внезапно прокладывает себе путь по каменистой осыпи через столообразные скалы Дхар-Адрара. В различное время суток их крутые склоны меняют свой цвет, становясь то черными и желтыми, то красными и розовато лиловыми. Этот хаотический, напоминающий лунный, скалистый пейзаж Сахары можно сравнить лишь с мрачной красотой массива Ахаггар. Это ущелье Амоджар. После 20 км головокружительного зигзагообразного подъема тропа наконец выводит на плоскогорье. А там снова каменистая пустыня, где кочевники ставят свои коричневые палатки.

Здесь часто встречаешь длинные цепочки верблюдов, груженых брусками соли, — прямых и последних

наследников древних транссахарских караванов. Как и в прежние времена, когда верблюд был «кораблем пустыни», перевозившим товары из одного порта Великой пустыни в другой, караванам, чтобы пересечь Центральную Мавританию и доставить соль из Себхи-Ид-жилъ на рынки Таганта или Хода, требуется два месяца.

Соль добывается в центральной части Себхи-Ид-жилъ, протянувшейся на 80 км в длину и на 10 км в ширину. В соленосном слое чередуются каменная соль и глина. Мавры добывают соль только в тех местах, где она выходит на поверхность. Запасы соли этого громадного мавританского месторождения практически неисчерпаемы, добыча ее здесь ведется уже почти тысячу лет.

Бруски соли, в среднем имеющие длину 1 м 50 см, ширину — 40 в толщину 15 см, весят от 25 до 40 кг. Обычно на одного верблюда грузят четыре бруска, но мне встречались и такие сильные животные, которые переносили по десять штук. Прежде, как утверждают некоторые арабские авторы, местные рудокопы добывали за год до 60 тыс. брусков, а артель из шести человек могла обработать 120 брусков в день. Эти цифры, по-видимому, преувеличены, даже если предположить, что караваны с солью несколько веков назад были гораздо многочисленнее наших (в наши дни добывают около 15 тыс. брусков в год, т. е. 650 — 700 т; этот груз могут перевезти 3500 верблюдов). Диего Гомеш, португальский историк XV в., упоминает о караванах из 400 — 500 и более верблюдов, которые растягивались на километры по дюнам Уаддана. Они за месяц проходили

путь от Уаддана до Валаты, а оттуда за 14 дней добирались до Томбукту. Правители таких сильных держав, как Гана, а позднее Мали, давали за соль больше золота, чем за любой другой товар.

Маршрут караванов с солью почти не изменился: от Себхи-Иджиль в Адрар, а затем в Тишит. Однако в наши дни караваны тянутся мимо Уаддана. Погонщикам караванов с солью купцы платят натурой: один брусок с каждого верблюда. На рынке стоимость соли возрастает более чем вдвое. В прежние времена купцы продавали в Томбукту весь груз вместе с верблюдами. Караванная тропа из Адрара спускается к пересохшим уэдам, идет вдоль движущихся дюн, обвеваемых ветром, пересекает пастбища со стадами верблюдов, минует стоянки кочевников, где женщины ткут больши тенты и сбивают масло. Наконец через 300 км, слова зеленый мираж, появляется большая пальмовая роща Уаддана с возвышающимся над ней песочного цвет ксуром.

По мере того как караван приближается к первым улочкам, которые, прилепившись к скале, поднимаются от зеленых садом к квадратному минарету старой мечети, замечаешь, что почти все дома этой древней столицы транссахарской торговли лежат в развалинах: из 3 тыс. домов осталось только 400. Дома задуманы и построены так, чтобы иметь возможность обороняться в случае осады или нападения на город. Возведенные из необожженного кирпича, украшенные строгим геометрическим орнаментом в мавританском стиле, они образуют лабиринты улочек и крытых переходов. Миновав эту необычную касбу, мы добираемся до мечети, минарет которой выдержан в той же

суровой манере, что и остальные постройки: массивная квадратная башня, служившая одновременно и укрепленной сторожевой вышкой. Во дворе мечети, в глинобитной нише имам ревниво хранит десяток старинных рукописных книг, три из которых — по кораническому праву — составлены женщинами.

В одном старом доме Мустафа ульд Хетта, вождь марабутского племени идауль ал-бадж, провел нас в темную, пыльную комнату, где вдоль стен было нагромождено более 80 томов.

В этой сахарской библиотеке, подобно настоящему семейному достоянию, переходящему от отца к сыну, хранится знаменитая рукопись XIII в. по истории и географии. Она находилась прежде в Ассабе, куда попала через двоюродных братьев вождя, которые в поисках пастбищ пришли туда со своими стадами. Не так давно Мустафа ульд Хетта совершил путешествие: пересек пустыню, забрал рукопись и вернулся с ней в Уаддан.

Это один из редких документов, относящихся к эпохе расцвета транссахарской торговли. В нем говорится об интенсивности обмена между Мавританией, Томбукту, Северной Африкой, Египтом и даже далеким Йеменом, а также о том, что неутомимые мавританские караванщики совершали длинные переходы через всю Сахару, перевозя соль и верблюжьи шкуры. Богатые средиземноморские купцы платили за эти товары шелком и золотом. Перед дальней дорогой погонщики разрезали верблюжьи шкуры на большие квадраты, в которые заворачивали бруски соли. В этой же рукописи сообщается, что между Уадданом и

Томбукту существовали многочисленные города, ныне полностью исчезнувшие, где караваны обязательно останавливались. Уаддан, говорится в ней, был главным торговым центром Мавритании, Томбукту — Судана, Сиджильмасса — Марокко, а Тлемсен — Алжира.

В остальных рукописях марабутского вождя в Уаддане рассматриваются вопросы религии, юриспруденции, арабской грамматики и астрономии. История Уаддана передается устно из поколения в поколение, а немногочисленные приезжие узнают ее от знатных жителей города.

Нам рассказали, что в древности эту страну населяли бафуры. Бафур, говорится в легенде, великан, живший во времена Бубакра. Хотя он и притворился, что принял ислам, но был убит родными братьями и похоронен в Тик-Лаббе, в долине Уаддана, недалеко от пальмовой рощи. В те отдаленные времена самого города Уаддана еще не было, а на его месте стояли три деревни, враждовавшие между собой. Однажды три мусульманина-паломника по пути из Мекки пришли в Адрар. Они написали три письма и закопали их в землю — одно на месте Уаддана, второе — на месте Шингетти, а последнее — на месте Атара. Через год мусульмане вернулись, чтобы вырыть их. Но письма, оставленные в Атаре и Шингетти, уничтожили вода и песок, так что осталось лишь письмо, закопанное на месте Уаддана. Тогда они решили сообща основать здесь новый город и заселить его жителями двух деревень, Лексер и Тегхербейат, которые пришли в упадок.

Основание арабского Уаддана датируется приблизительно 542 г. хиджры (1147 г.). Первым правителем города стал один из трех его основателей, ал-Хадж Али, который происходил из могущественного племени химьяра и, согласно легенде, был племянником халифа Бубакра бен Омара. Уаддан очень скоро начал процветать, и его расцвет длился пять веков. Город насчитывал, согласно одной из сохранившихся в мечети рукописей, более 1115 домов; в каждом доме жили по две семьи, а на улице — до сорока ученых.

Но черные рабы восстали и начали войну с арабо-берберами. Последние вышли из нее победителями, но Уаддан стал отныне клониться к упадку. Постепенно все купцы-евреи покинули город и переселились в Южное Марокко (по всей вероятности, к уэду Нун). Их примеру последовали и другие торговцы, и через 300 лет заброшенный всеми Уаддан был предан забвению.

Нынешнее население Уаддана забыло о доходных и опасных операциях прежних лет. Оно довольствуется тем, что выращивает просо, пшеницу и ячмень, собирает превосходные финики в роще, разводит овец и верблюдов. Жители Уаддана сами строят свои хижины из камней, собранных в эрге, и из банко, добытого на окружающих возвышенностях, Шингетти, напоминающий сегодня деревню, построенную из необожженного кирпича посреди дюн Уарана, которые, кажется, вот-вот поглотят ее, был подлинной столицей Мавритании. В культурном и религиозном отношении он — символ всей мавританской

цивилизации: ведь то, что мы называем Мавританией, известно всему мусульманскому миру исключительно под именем Шингетти.

И здесь образованные старики хранят в своих домах большую часть тех рукописей, которые до французской оккупации составляли славу библиотеки коранического университета Шингетти. Вообще говоря, частные библиотеки находятся в плохом состоянии: многие старые сочинения разорваны, покрыты пылью, изъедены насекомыми или разрознены. Самая древняя из этих драгоценных рукописей — теологический труд. Его составил и сам записал в 480 г. хиджры (1087 г.) Абу Хилаль ал-Аскарри. Среди самых замечательных рукописей, хранящихся в частных собраниях этого священного города, находятся два Корана. В знак особой милости старый имам мечети по просьбе ответственного за «Дом молодежи» показал мне один из них. Эта восточная рукопись была художественно оформлена Мухаммедом бен Абу-л-Кайим ал-Кавваль ат-Тебризи (из города Тавриза в Иранском Азербайджане). Она известна под названием «Бу айн сафра», что означает «Желтоглазая».

Странное название объясняется тем, что рукопись украшена золотым кругом, на котором кади Шингетти Бен Ахмед Махмуд заставлял клясться свидетелей. Этот Коран принадлежит теперь его внуку Ахмеду ульд Махмуду.

Второй замечательный Коран принадлежит Дженнахи ульд Мухаммеду Абдаллаху. Ее переплет сделан из двойного слоя кожи. Отправляясь в паломничество в Мекку и опасаясь нападения бандитов, шейх ульд Хаббут спрятал

золотые монеты в подкладке переплета, так как знал, что грабители никогда не похищают арабские книги из боязни осквернить Коран.

В настоящее время центр арабского образования и высокой исламской культуры переместился в Бутилимит, в 400 км к юго-западу от Шингетти. Традиции мавританской культуры продолжает Национальный институт высших исламских исследований, основанный в мае 1961 г. Образованием маленьких мавров руководят марабуты. Дети обучаются с пятилетнего возраста.

Сначала они усваивают азбуку, а затем им начинают преподавать Коран, стихи которого заучиваются наизусть, а часто и переписываются для упражнений в орфографии. Затем программой предусматривается художественная каллиграфия, теология, мусульманское право и мистика. Предметами обучения являются также история пророка, арабский язык на материале избранной поэзии, грамматика, морфология, арифметика, риторика, логика, медицина, астрономия и астрология.

Ученики в основном работают над текстами, составленными мавританскими учеными и образованными людьми в XII, XIII и XIV вв. хиджры, которые считаются «золотыми веками» мавританской культуры. Арабских сочинений, авторами которых были мавры, насчитывается свыше 2 тыс.; среди наиболее выдающихся работ следует назвать труды по медицине, принадлежащие перу Ауфа, и по истории — Мухаммеда ал-Йедали.

Было бы, однако, заблуждением предполагать, что молодым маврам Адрара безразлична современная эпоха, к которой мавританское общество тоже придет со временем. Школу Шингетти посещают 250 учащихся, в их числе 50 девочек — самый высокий процент во всей Мавритании!

Мы присутствовали в Шингетти на народных празднествах по случаю годовщины независимости: скачки на верблюдах, берберские и негритянские песни и танцы.

Сотни детей, одетых в синюю бубу, с выбритой, по сахарской моде, головой, на которой оставлена единственная прядь волос, пели национальный гимн и читали свои стихи. Затем глава местной молодежи обратился к знати, вождям кланов и ко всем представителям старого мавританского общества, которые сидели на ступеньках здания военного поста. Он начал объяснять им, какие следует решить задачи, чтобы превратить Мавританию в новое государство.

Последняя караванная тропа ведет в Валату.

Между Адрамом и Мали под песками Уаддана, Дхара и Хода, подобно скелетам погибших верблюдов, покоятся развалины древних городов, в которых в средние века делали остановку караваны с солью и золотом. Вдоль этой тропы (Азенгим) были вырыты колодцы, ныне засыпанные песком. Я безуспешно пытался пройти по ней. И в наши дни

только караваны отваживаются на этот рискованный переход до Тишита и Валаты. Безусловно, только мавританские караваны с солью еще сохраняют верность древней транссахарской дороге.

На карты этих районов нанесены кое-какие названия, но они отображают только те географические понятия и растительный мир, которые встретились погонщикам верблюдов на их пути, а между этими трассами располагаются обширные «белые пятна». Людей здесь нет из-за отсутствия воды. Лишь некоторые охотники-немади рискуют посещать эти земли, раскаленные днем и довольно холодные ночью. Они охотятся здесь с гончими на газелей, а потом продают копченое мясо кочевникам и погонщикам караванов.

Каравану, чтобы покрыть расстояние в 1300 км по тропе Азентим, требуется 45 дней. В конце пути на склоне сурового утеса красного цвета появляется причудливый город. Это Валата — «берег вечности».

В XVI в. город процветал, но потом его славу затмил Томбукту. Однако в течение пяти веков Валата оставалась конечным пунктом транссахарской караванной дороги из Марокко в Черную Африку, проходящей через Западную Сахару.

Валата — это старый, полностью огороженный ксур, построенный из banco на юго-востоке Мавритании в 200 км от Тишита, в 500 км от Томбукту и в 100 км от Немы, нынешнего административного центра района.

Из Немы в Валату ведет «проезжая» дорога, но, чтобы преодолеть некоторые участки, необходим вездеход.

Нагретый за день песок рассыпается, машина «чихает», и под ее колеса то и дело нужно подкладывать перфорированные листы. Из-за плохого состояния этой дороги приходится совершать объезд через плоскогорье Дхар. Правда, на подъеме и спуске эта дорога, высеченная в скале, больше походит на предназначенную для великанов лестницу, чем на автомобильную дорогу.

Валата построена ярусами на скалистом утесе в Дхарм и, таким образом, господствует над обширной открытой местностью, где у двух колодцев собираются караваны. По мере того как поднимаешься к городу, перед взором постепенно открывается вся долина, протянувшаяся на десятки километров. Существуют такие места, где «дует дух». Валата относится к их числу.

Местность эта поражает своими просторами.

Валата славится свособразной архитектурой — домами в несколько этажей с зажатыми между ними узкими улочками. Массивный, строгий внешний вид этих зданий нередко контрастирует с роскошным внутренним убранством двора и жилых помещений. По обе стороны дверей главного входа, которые открываются на улицу, сложены каменные скамейки. Здесь собираются мужчины поговорить о своих делах, обменяться новостями или поспорить. К дверям ведут две или три ступеньки; прямоугольный проем дверей обрамлен широкими лепными карнизами. По обеим сторонам от входа находятся два камня для омовения, вделанные в стену.

На красном фоне стен выделяются лепные украшения и узоры, нанесенные белой краской и оттененные красной охрой. Однако раскраска обходилась довольно дорого и от нее пришлось отказаться, оставив только лепку.

Дома Валаты украшены особым узором как снаружи, так и внутри. Пожалуй, лишь несколько старых женщин, принадлежащих к чернокожей части населения (бывшие пленники), умеют сегодня выполнять этот традиционный узор. Они выводят его, окуная палец в цветные грунты. На стену, покрытую красной глиной, наносятся рисунки белой глиной, иногда с добавлением нескольких мазков желтого цвета; синий индиго также используется внутри белых рисунков или для выведения небольших отдельных узоров. Стены домов со стороны двора особенно богаты украшениями, главным образом вокруг дверей. Иногда, правда, расписан и вход с улицы, по скромнее. Что касается окон или слуховых окошек, то их немного и они обведены простой широкой рамкой белого цвета. Роспись домов в Хала

те, как снаружи, так и внутри, выполнена почти исключительно волнистыми линиями, что придает им большую живость.

Валату основали в 1240 г. соникке, после того как их родной город — Гану — захватили малинке. В свою очередь, Валата тоже была покорена, но, несмотря на это, быстро разрослась и разбогатела. Она служила начальным пунктом транссахарской караванной дороги, по которой Судан обменивал золото, слоновую кость, рабов, ароматические вещества на каменную соль из Сахары и на

изделия с севера: кожи, ковры, злаки, финики, которые продавались купцами из Сиджильмассы.

В результате этого с самого начала Валата испытала сильное влияние Магриба, усилившееся с принятием ислама.

Несмотря на то что ислам очень рано пересек Сахару — в VII в. вместе с миссионерами, отделившимися от войска Укбы бен Нафи, затем с эмиром Абу Бекром и его Альморавидами, — сонинке и берберы месуфа, обосновавшись в Валате, вновь вернулись к прежней, языческой вере. Но в XV в. из Марокко явился новый проповедник — шейх Сиди-Ахмед ал-Кунти, прозванный ал-Веккаи, "Слезливый": его глаза постоянно слезились, с того дня когда он пропустил утреннюю молитву.

Отправляясь в третий раз в паломничество в Мекку, ал-Беккаи решил зайти в Валату, чтобы вернуть ее жителей в лоно ортодоксальной мусульманской веры, и остался там до конца своих дней. Умер он в 1504 г. в возрасте более ста лет. До сих пор благочестивые люди каждую пятницу поднимаются к его могиле, расположенной выше города. Шейх Сиди-Ахмед ал-Бек-каи и его сын шейх Сиди Омар были первыми, кто посвятил себя исламизации Сахары и Африки к югу от нее. Их миссионерская деятельность, школы, политический авторитет привлекли в Валату многочисленных ученых и студентов из Магриба, Египта и даже Багдада. Однако опасный соперник Томбукту мало-помалу переманил к себе и ученых и студентов. В XVIII в. Томбукту окончательно занял место Валаты.

В 1324 г. манса (царь) Мали Гонга Муса привез с собой в Йуалатен (Валату) андалузского поэта Абу Ис-хака ат-Туенджена и альмохадского эмира по имени ал-Мамер, который позднее поведал о своем путешествии в Судан. Вот что сообщает об этом великий историк Ибн Халдун в своем «Истории берберов»:

«Манса Муса захотел возвести зал для приемов, солидно построенный и оштукатуренный; такие постройки были еще неизвестны в его стране. Абу Исхак, очень искусный во многих ремеслах, построил квадратный зал с куполом. В этом сооружении раскрылись все стороны его таланта. Покрыв зал штукатуркой и украсив арабесками ослепительных цветов, Абу Исхак превратил его в настоящее произведение искусства. Султан был очарован и в знак своего удовлетворения пожаловал андалузцу 12 тыс. мискалей (т. е. 1500 унций золотого песка)».

Должно быть, это сооружение поэта-архитектора из Гренады и положило начало настенным росписям в Валате. Можно себе представить, какое восхищение вызвали архитектура и отделка здания в суданском городе, построенном из грубого камня и глины, смешанной с соломой! Знать захотела строить дома по новой моде, и эта традиция осталась, переходя от одного здания к другому, хотя сам дворец султана уже давно исчез.

Росписи состоят из полдюжины очень простых элементов, которые могут бесконечно повторяться. Иногда это классические и универсальные идеограммы мужчин и женщин, изображенных вместе, друг против друга,

преклонившими колени в молитвенной позе, образуют розетки, кресты или цепи. Иногда изображается отдельно то голова, то живот, а то и мужской половой орган в виде значка, очертанием напоминающего арабскую букву вав. Эти идеограммы присутствуют повсюду, в произведениях первобытного искусства — от Мас д'Азиля до Судана, от Инда до Маркизских островов. За год до паломничества мансы Мусы одно восточное посольство доставило султану Каира 11 бактрийских верблюдов с грузом из 700 штук монгольских тканей и ковров. Может быть, именно с этими восточными товарами, которые легко перевозить, эта символика достигла Валаты. Успех, уготованный ей здесь, был связан с образом жизни женщин. Культурные и торговые связи Валаты с Северной Африкой, присутствие в Валате представителя фесского султана и ученых мужей из Кайруана, Дамаска и Багдада способствовали строгому соблюдению в этом суданском городе мусульманских обычаев. В XIV в., например, затворничества женщин еще не существовало. Это видно из сообщения Ибн Баттуты, посла султана Абу Инана при дворе царя Мали, в котором он возмущается тем обстоятельством, что принимавшая его супруга одного знатного лица одновременно вела свободную беседу с другим посетителем, сидящим рядом с ней. Позднее мавританским женщинам, жившим по традициям кочевников, пришлось смириться с полигамией оседлых жителей. Вот этим-то пленницам и обязано своим необыкновенным развитием валатинское ремесло. Примечательно, что элементы сексуальной символики Валаты присущи только помещениям женщин и предметам, которыми они пользуются. Особенно много настенных

украшений вокруг входа и в супружеской спальне. Известно, сколь велико значение наглядного изображения в магии. Супруге все должно было напоминать о ее главной обязанности—материнстве.

Валата, как говорят мавры, «померкла». Нет больше ни дворца мансы Мусы, ни мечети, построенной в XV в. шейхом Сиди-Ахмедом ал-Беккай ал-Кунти. По единственной существующей дороге, которая ведет в Бамако, валатинцы отправляются торговать в Мали, Гвинею и даже в Нигерию. Не все возвращаются назад: многие остаются жить в Томбукту.

Глава VI

ТОМБУКТУ — МЕСТО ВСТРЕЧИ ПИРОГИ И ВЕРБЛЮДА.

Хотя Томбукту и перестал быть закрытым городом (наоборот; он стал более доступным, с тех пор как правительство Мали открыло там современный и весьма красивый аэропорт), он тем не менее сохранил достаточно много загадочного. Неся на себе отпечаток Востока, Томбукту, более чем любой другой город к югу от Сахары, производит впечатление магрибинского.

Это относится и к людям, и к природе, хотя его экономическая роль у ворот в пустыню уже не имеет былого значения, а сам он перестал служить громадным складом для стран на Нигере — на перекрестке караванных

дорог, уходящих оттуда на север, северо-запад и восток. Не из-за какого другого города в Мали не было такого соперничества: им поочередно владели мандинго (1325 — 1433), туареги (1433 — 1591), Марокко (1591 — 1780), снова туареги (1780 — 1826), фульбе (1826 — 1862), в третий раз туареги (1863 — 1893), Франция (1893 — 1960) и, наконец, Мали, несмотря на вооруженные выступления туарегов, осаждавших ворота города вплоть до 1963 г.

Томбукту основали туареги в 1100 г. рядом с колодцем, заботу о котором поручили одной старой женщине по имени Букту. С тех пор эти истинные кочевники, прятавшие лицо, всегда считали, что город по праву принадлежит им, независимо от того, кто живет в нем в настоящее время. Славившийся своими университетами и процветающей торговлей, Томбукту получал самые что ни на есть экзотические прозвища: "Царица пустыни", «Ключ к Сахаре», «Жемчужина Судана». Один старый суданский летописец так определил торговое значение Томбукту на заре XIV в.: «Это место встречи пироги и верблюда». Под пирогой подразумевается область к югу от Тамбукту, Судан, т. е. плодородие и изобилие во всем.

Под верблюдом — вся Северная Африка, прежде всего Сахара, т. е. пустыня, но в то же время и драгоценные залежи каменной соли; затем арабские страны, Марокко, Алжир, Туат, Тунис, Триполитания; и, наконец, Европа, представленная складами с товарами в портах «варварских» государств. Как северу, так и югу требовался посредник при

обмене, а также склад для хранения изделий — в этом и заключалась роль Томбукту.

Он служил звеном, соединяющим берберо-арабский мир и страну «черных», и превратился вскоре в конечный пункт, куда сходились все сахарские дороги.

Марокко стало основным клиентом Томбукту, так как было ближе других стран к Судану; Тиндуф, ас-Савира (Могадор), Марракеш, Фес, Тафилалет служили отправными пунктами караванов. На втором месте стоял Алжир. Но его связи осуществлялись через посредство Туата. В то же время Тунис и Триполи торговали с Томбукту при посредничестве Гадамеса.

Со Средиземноморского побережья отправлялись караваны, нагруженные тканями, в основном европейского производства. Кроме того, они везли оружие, порох, ножи, бумагу, ножницы, иголки, зеркала, шелк и мелкий жемчуг, употребляемый для вышивок, янтарь, кораллы, сердолик и крупный жемчуг для бус, пряности (в основном гвоздику), сахар, чай, кофе, финики, духи, табак (из Туата), чайники, чашки, табакерки, ковры, пояса, фески, готовую одежду (бурнусы, кафтаны, платья и т. п.). Но не все верблюды несли этот груз. На полпути к цели, в Тауденни, в 800 км к северу от Томбукту, караван принимал груз соли.

Даже сами жители пустыни, не избалованные жизнерадостными пейзажами, считают Тауденни одним из самых унылых мест на земле. Ни малейшей растительности,

ни единого деревца вокруг. Воды мало, да и та соленая. Чтобы добраться до тени и набрать питьевой воды из колодца уэда Тели, требуется целый день пути.

Здесь нет даже земли для постройки домов, поэтому жилища и мечеть сложены из соляных блоков, крытых шкурами верблюдов. Город существует благодаря финикам, доставляемым караванами по пути из Марокко, и злакам и другому продовольствию, которое они оставляют здесь, возвращаясь из Мали. Тауденни со своими кочевниками-конвоирами и грузчиками из Марокко, Туата и Триполитании до сих пор остается третьим «клиентом» Томбукту.

В старых хрониках, написанных географами и путешественниками — с некоторыми из них можно ознакомиться в библиотеке, недавно организованной малийской администрацией в Тауденни, — описывается знаменитая торговля солью, которая ведется и по сей день.

Тонкий слой песка присыпает залежи, разработанные открытым способом; отчетливо видны наслоения пластов минерала. В зависимости, от характера слоя извлекаются более или менее толстые прямоугольные пластины соли размером 40 см на 1 м 20 см. Они напоминают большие плиты белого мрамора с серыми прожилками и красными пятнами. Когда пластины, или, как говорят в Судане, бруски, выносят из шахты, их помечают каким-нибудь отличительным значком А, О, +, — и т.п. В Томбукту брус украшают геометрическим орнаментом и пишут по-арабски имя шерифа, святого или какого-либо важного лица. Затем

их обвязывают длинными и узкими ремнями из необработанной кожи, чтобы, в случае если брусок расколется, он не рассыпался. Метками на брусках и их упаковкой занимается специальная корпорация, назначающаяся каждый год. Больше всего ценятся самые толстые и самые белые бруски; меньше — со следами красноватых силикатов. Цены в Томбукту меняются в зависимости от степени безопасности в пустыне и в Судане. Продавая соль, торговец откалывает от бруска небольшие куски; ими же он пользуется и в дороге в качестве разменной монеты: очень часто суданец отказывается продавать продукты за каури, за деньги и даже за золото, тогда как кусок соли всегда делает его уступчивым.

Нагрузившись солью в Тауденни и заплатив один или несколько раз пошлину за проезд туарегам, под чьим контролем находятся дороги, караван прибывает в Томбукту, разумеется, если его не разграбят. В город он не входит — ведь его многочисленные верблюды очень бы затруднили городскую жизнь, — а размещается под его северными стенами в Абарадью, караванном пригороде. Здесь нет домов, а только шалаши из соломы и веток, обнесенные колючей оградой. Купцы, сопровождавшие караван, селятся в городе, а погонщики остаются в пригороде и разгружают верблюдов. Их водят на водопой к большим лужам, расположенным тут же, а пастбищем им служат соседние дюны, где эти неприхотливые животные щиплют верблюжьей траву и другие невзрачные и, колючие растения.

От положения в Сахаре, с одной стороны, и процветания Судана — с другой, зависело количество и размер караванов. Большие караваны состоят, как правило, из 600 — 1 тыс. верблюдов и 300 — 500 человек, погонщиков и купцов. Они прибывают в основном в декабре — январе и в июле — августе. Мелкие караваны из 60 — 100 верблюдов приходят каждую неделю и в любое время года.

Груз судов на Нигере, подобно караванам в пустыне, делится на две части. Прежде всего, продукты питания и потребления, предназначенные для кочевых племен, городов Сахары и самого Томбукту: просо, рис, карите, маниока, земляные орехи, мед, тамаринд, горький перец, сухой лук, имбирь, табак (не столь высококачественный, как из Туата, но и не такой дорогой), калebasы, сушеная рыба, мыло, железо, сурьма, свинец, бумажная ткань, соломенные шляпы, циновки, глиняные кувшины и горшки и т. п. В этом перечне стоит уделить внимание бумажной ткани: несмотря на конкуренцию менее дорогих европейских тканей, она пользуется большим спросом благодаря своей необычайной носкости. Эта ткань широко применяется даже в берберских областях, где ей отдают предпочтение, если хотят сшить одежду, которая бы «послужила подольше».

Среди суданских дорогих тканей следует назвать полотнища очень тонкого хлопка из Кано, пропитанные индиго, с глянцем, наведенным колотушкой, и интересным металлическим блеском (из них заворачивают очень красивые чалмы); синие и белые хлопчатобумажные набедренные повязки из Сегу; белые покрывала из

Массины; многоцветные ткани из Дуэнзы, Данди, Хумбури, ткани из страны ниафонке и хауса. Два последних сорта материи шерстяные.

Вторая часть грузов нигерийской флотилии включает товары, специально предназначенные для купцов из Марокко, Туата и Гадамеса: золото, слоновую кость, страусовые перья, невыделанную кожу, воск, ладан, цивет, индиго, камедь и т. п. Значительное место занимает золотой песок, а также золотые кольца, однако количество перевозимого золота трудно определить, так как такой негромоздкий товар легко скрыть.

Таким образом, торговля в Томбукту складывается из передвижений караванов из Сахары и судов по Нигеру. Обмен товарами совершенно необходим между столь различными областями, как Сахара и Судан: с верблюдов грузы переносят на корабли, с кораблей на верблюдов. Томбукту — место хранения товаров на границе между песчаными равнинами и обильно орошаемыми долинами, город складов и доков. Среди жителей Томбукту немало депозиторов, маклеров и домовладельцев.

Арабское изречение «гость — это подарок Бога» очень любят в Томбукту, где нет караван-сараев. В течение первых трех дней местный житель предоставляет бесплатный кров и стол чужеземному купцу. Владея несколькими домами (у некоторых домовладельцев их 10 — 15), он сдает один из них своему гостю начиная с

четвертого дня. Эти постройки достаточно просторны, чтобы служить одновременно складом и жильем. Роль диатиги, или отдающего дом в наем, не ограничивается этим. Он снабжает приезжего сведениями о курсе цен дня, об изобилии или дефиците того или иного товара, оценивает возможного клиента; он же помогает гостю с покупками. Таким образом, к плате за сдачу помещения прибавляются барыши от различного рода посредничеств. Пользоваться этими услугами считается почти обязательным. Правда, в Томбукту имеются три базара, но там можно купить исключительно товары для каждодневного потребления. Настоящим торговым сделкам там не место. Их заключают в разных домах города, на которых нет ни вывесок, ни надписей.

Томбукту утратил свою прежнюю славу интеллектуальной столицы, Некогда он был родиной известных ученых и юристов, таких писателей, как Ахмед Баба (XVI в.) и Абдерахман Саади, автора Тарих ас-Судана (XVII в.); здесь вплоть до первой четверти XX в.

пребывало много образованных людей и ученых, последним из которых был Баба Ширфи. Торговля в Западной Африке, шедшая через Сахару, в средние века имела исключительно важный аспект: помимо доставки продуктов питания и ремесленных изделий, лошадей и тканей, мелкого товара из стекла и каури арабские и берберские купцы и погонщики верблюдов в значительной степени способствовали, постоянному культурному обогащению негро-африканской цивилизации. Благодаря посредничеству арабов в Западную

Африку, недостижимую вплоть до VIII в., проникла средиземноморская культура, а также предметы материальной стороны жизни: костюмы, прически, оружие, мебель, и особенно книги, которые вызвали интеллектуальный и религиозный подъем всех стран к югу от Сахары. Транссахарские обмены сделали Томбукту начиная с XIV в. не только экономическим центром Сахеля, но и столицей науки. Этот город становится мозгом Судана, религиозным, научным и литературным центром областей, омываемых водами Нигера. «Соль прибывает с Севера, — говорится в одной суданской поговорке, — золото — с Юга, серебро из страны белых, но слова Божьи, научные и исторические труды, прекрасные сказки можно найти только в Томбукту».

Томбукту был не только важнейшим интеллектуальным центром Судана, но и одним из крупных научных центров всего исламского мира. Его университет — младший брат университетов Каира, Кордовы, Феса, Дамаска. Старинные рукописи не оставляют никаких сомнений на этот счет и позволяют восстановить в мельчайших подробностях все его прошлое. Мавры, фракция берберского народа, приняли религию своих победителей — арабов. Через живущих вдоль Атлантического побережья мавров ислам проник с IX в. в Черную Западную Африку. Но там, где появляется мусульманская религия, вводятся язык Корана и знания арабов, которые по представлению правоверного — проистекают из Корана, ибо священная книга содержит в себе все. Она направляет верования людей, регулирует их права, — это кодекс, где содержатся решения по всем вопросам. Из этого следует, что объяснить Коран — значит

изучать религию, философию и законы. Даже грамматика и литература зависят от него.

Мавританские ученые и поэты из Испании нашли убежище в Томбукту и принесли с собой культуру Гренады и Кордовы. С караванами севера прибывали сюда вести о достижениях Феса, Марракеша и Туниса, а ежегодные паломничества в Мекку и Медину приобщили его к культуре Каира. Таким образом, Томбукту сумел лучше всех остальных городов воспользоваться завоеваниями арабского духа, собрать новые научные труды и составить самые полные библиотеки.

Часть населения посвятила себя духовному занятию; это факихи, или шейхи, как их называют старинные рукописи, марабуты — по-современному. Термин «факих» в узком смысле этого слова означает «юрист», тот, кто «знает право». Он интересен тем, что показывает: в основе научного развития лежало изучение правовых принципов, содержащихся в Коране. Однако я предпочитаю термин «шейх» или «марабут», которые одновременно обозначают священнослужителя и ученого и тем самым лучше передают действительный характер суданского ученого.

Шейх — это ученый, который своей верой и преданностью исламу, усердием в исполнении обязанностей, налагаемых Кораном, углубленным знанием священных текстов, ученостью, добродетельной жизнью заслуживает быть примером для правоверных. Как правило, шейх принадлежал к благочестивой и образованной семье. От отца к сыну передавалась эта репутация; она поддерживалась паломничеством в святые места и учебой в

известных арабских университетах. В нашем распоряжении имеются биографии нескольких сот ученых, которые почти все были родственниками по прямой или боковой линии. Эти семьи жили в Томбукту вокруг мечети Санкоре, образуя там университетский квартал наподобие Латинского. Они пользовались большим уважением как у великих мира сего, так и у народа. Ученые специализировались согласно своим склонностям.

Одни целиком отдавали себя культу, служению Богу и мечети. Другие занимались юриспруденцией и становились кади, или судьями. Наконец, многие посвящали себя преподаванию. Часто ученый выбирал две, а то и три специальности одновременно. И все занимались изящной словесностью и писали книги.

Среди прочих статей торговли Томбукту специализировался на продаже рукописей. «Книги, — писал Лев Африканский, — продаются там очень хорошо, так что от них получают больше дохода, чем от любого другого товара». Литература Испании и Марокко встречалась там с произведениями из Сирии и Багдада.

В независимом Мали Томбукту низведен до степени заурядной общины, и 15 июля 1959 г, в нем был учрежден муниципальный совет. Население города насчитывает 12 тыс. человек. Оно состоит из арабов Магриба и Триполитании, туарегов, белла, мавров кунта, берабиш и фульбе — все они кочуют, поэтому на протяжении года число их меняется. Оседлую часть населения представляют в основном сонгаи, габиби, арма (потомки марокканцев) и

лалуджи (фракция арма, потомки испанских солдат паши Джудера).

До получения независимости снаряжением караванов занималась французская администрация. Караваны отправлялись два раза в год: в холодный сезон — в январе и в жаркий — в мае. Для защиты караванов от грабителей (чаще всего регейбат из Южного Марокко) их сопровождала охрана. Однако в последние годы обстановка изменилась и погонщики снаряжают караваны по своему усмотрению.

Что касается улучшения жизни горожан, то электрификация города уже завершена и разрабатывается проект подвода воды. Еще раньше были осуществлены следующие мероприятия: построены рынок и набережная в Кабаре, загон для скота, маленький рынок в Томбукту, установлено 40 насосов в городе, пробурено 26 колодцев в Азаваке за счет государства плюс десятков других, вырытых самими кочевниками, заасфальтирована дорога Томбукту — Кабара. Она имеет огромное значение для экономического развития «округа», в котором главным ресурсом является добыча каменной соли, доставка ее к месту погрузки в хорошем состоянии, т. е. целыми брусками, так как это обеспечит ее конкурентоспособность, особенно если она идет на экспорт.

Соляные копи в Тауденни, несмотря на архаические способы добычи, ежегодно выдают до 1800 т соли, что приблизительно оценивается в 75 млн. мал. фр. Невозможно

переоценить выгоду от постройки этой дороги в рамках общего экономического развития Мали.

Подобно Мавритании, где караваны перевозят соль, Малайскую Сахару в наши дни все еще бороздят многочисленные караваны. Даже если они и не пересекают пустыню из конца в конец, они тем не менее покрывают большие расстояния в двух направлениях, выходя: 1) из Туата, 2) из Тауденни.

1. Из Туата через Уаллен прибывают верблюды, перевозящие финики, табак, местные покрывала и ткани.

Прибыв в Адрар-Ифорас, этот поток делится на две части: одна рассеивается по Адрару, другая продолжает свой путь в Томбукту.

Навстречу ему идут на север овцы и верблюды, предназначенные на убой, чтобы обеспечить оазисы мясом и жирами. В среднем число овец, перегоняемых ежегодно в Туат из Адрар-Ифараса или из Тамеоны, составляет 15 тыс. Перегон скота осуществляют небольшими партиями туареги Ифораса и арабы из Туата. Второй подобный же поток направляется параллельно первому в оазисы Тидикельта; в нем участвуют в основном туареги. Этот поток значительнее первого.

2. Соль отправляется из Тауденни по двум маршрутам, причем более оживленный тот, который идет в Томбукту через Арауан. Эта дорога ближе всех к древнему пути

караванов с солью и золотом, шедших из Сиджильмассы. Второй поток направляется в Адрар--Ифорас и Кидаль, основной рынок в этом горном массиве, населенном туарегами.

На караванных дорогах в ежегодных перевозках занято свыше 20 тыс. верблюдов. Совсем как в средние века, товары, привезенные с севера, сосредоточиваются в «портах» Сахеля: Томбукту, Дире, Бурем и Гао, откуда они отправляются дальше либо по реке до Мопти, либо на верблюдах и вьючных быках в области Моси и Гурма. Соль из Тауденни расходится по всей излучине Нигера, а на запад вплоть до Немы. За ее пределами соль привозится уже не малийскими караванами из Тауденни, а мавританскими из Иджиля.

В Тауденни же доставляется небольшое количества овец (которых гонят главным образом туареги Адрар-Ифораса), масло, но в основном зерно и сушеное мясо, предназначенное для шахтеров и немногочисленных жителей, живущих в этой солончаковой, выглядящей неправдоподобно впадине, затерявшейся посреди самой бесплодной части Сахары, на полпути между Марокко и Томбукту. По официальным данным малийской статистики, продовольствие, рассчитанное на год и доставляемое на верблюдах из Тамбукту в Тауденни, состоит из 13 т риса, 8 т проса, 800 кг сушеного мяса; второй караван из Бурема перевозит примерно 6 т риса, 3 т масла и 3 т суженого мяса. С апреля по октябрь из-за изнуряющей жары Тауденни

полностью отрезан от остального, мира: никто не решается
пересечь Танезруфт в это время года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Генетическое родство туарегов с гарамантами, описываемыми Геродотом, пока еще вовсе не столь очевидно, как утверждает А. Гаудио. Во всяком случае, серьезных доказательств в пользу этой гипотезы пока нет.

² Появление лука и стрел совершенно не обязательно означает «замену» каменных орудий: и то и другое прекрасно сочеталось у множества народов, пребывавших уже на стадии производящего хозяйства.

³ Это утверждение автора как бы синтезирует, казалось бы, взаимоисключающие точки зрения: с одной стороны, широко распространенные сравнительно до недавнего времени в буржуазной науке представления о неких скотоводах — «хамитах», якобы сыгравших решающую роль в формировании африканских культур, а с другой — очень популярную среди современных африканских ученых и публицистов теорию о прямой преемственности между сегодняшними культурами Тропической Африки и древнеегипетской цивилизацией. В свете нынешних наших знаний обе эти точки зрения не представляются научно состоятельными.

⁴ В действительности наскальные росписи Сахары намного древнее культа Амона в Древнем Египте: датировки Грациози дают нам VIII—VII тыс. до н. э., тогда как так называемый династический период в истории Египта, когда постепенно и достаточно медленно начинал формироваться общегосударственный культ фиванского бога солнца — Амона, считают примерно с 3000 г. до н. э. (см.: *Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975, с. 176*).

⁵ Что касается колесниц, то французский археолог Ж. Кан высказал довольно убедительные сомнения в том, что они были именно боевыми, а не чисто церемониальными; конструкция этих экипажей, подчеркивает он, совершенно непригодна для передвижения по каменистой пустыне-хамаде (см.: *Camps G. Les civilisations préhistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara. P., 1974, с. 346—347*).

⁶ О гарамантах см. работу советского исследователя: *Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978*.

⁷ Золотоносная область, о которой здесь идет речь и которая носит в источниках название «Бамбук», была в действительности намного обширнее, чем в изображении Гаудио. Она охватывала, по существу, все междуречье Бафинга и Бакоа (из слияния этих двух рек возникает река Сенегал).

⁸ Александр Север — римский император (222—235).

⁹ Лев Африканский (ал-Хасан ибн Мухаммед ибн Ваззан аз-Зайяи ал-Фаси, ум. ок. 1552) — арабский географ, автор «Описания Африки, третьей части света...». Это сочинение до начала XIX в. служило в Европе главным источником сведений о внутренних областях Западной Африки (Лев Африканский. Африка — третья часть света. Л., 1983).

¹⁰ Крупные конфедерации туарегских племен, складывавшиеся в Западном и Центральном Судане, не были государствами в строгом смысле этого слова, т. е. институтом классового господства. Они представляли скорее такую форму организации общества в период перехода от родо-племенного строя к классовому обществу, которая в научной литературе обозначается обычно как «союз племен».

¹¹ Имеется в виду ветхозаветная «Вторая книга Паралипоменон», упоминающая «ливиян» в гл. 12, стих 3, и гл. 16, стих 8.

¹² Р у м и (от искаженного слова Romani) — так туареги именуют любых европейцев. — *Прим. авт.*

¹³ Это утверждение относится к периоду, предшествовавшему страшной засухе 1970-х годов, когда поголовье скота у кочевых племен Сахары и Сахеля сократилось как минимум наполовину, а многие племена и их подразделения вообще лишились своего скота.

¹⁴ Описание *фоггары* см. далее, с. 97.

¹⁵ 1 тыс. «старых» (до реформы 1958 г.) французских франков равнялась в то время 10 алжирским динарам.

¹⁶ Утверждение это неточно: язык тамашек принадлежит к числу берберских языков, входящих в состав афразийской (семито-хамитской) языковой семьи, распространенной в северной половине Африканского континента, а также в области Африканского рога.

¹⁷ В Алжирской Народной Демократической Республике крупные территориальные подразделения страны, соответствующие прежним департаментам, ныне обозначаются арабским словом «вилаяя».

¹⁸ Айн-эль-Фрасс (Айн ал-Фарас) буквально означает «Конский источник».

¹⁹ Ид ал-Кебир (букв. «Великий праздник»), также Ид ал-адха («Праздник жертвы») — 10-й день месяца зу-л-хиджжа (12-й месяц мусульманского лунного календаря). По преданию, в этот день Авраам получил от архангела Гавриила «Черный камень» и основал храм Каабы, одну из главных святынь ислама. В этот день в жертву приносится баран.

²⁰ Речь идет о мистериях в честь древнегреческой богини плодородия Деметры, культ которой был главным в древнегреческом городе Элевсине. В ходе действия Деметра отправлялась в подземное царство на поиски своей дочери Персефоны; при этом путь богини освещался факелами.

²¹ Ц и в е т — обычно под этим названием имеется в виду секрет анальных желез *циветты* — хищного животного (также именуемого *генетта*) из семейства виверровых.

²² Здесь автор воспроизводит прежние взгляды на историю сложения государственных образований суданской зоны, сводя дело к созданию их всех некими белыми пришельцами с Севера, в данном случае — берберами. Реальные взаимоотношения между кочевниками Сахары и земледельцами Сахеля и Судана были намного сложнее и многообразнее; хозяйственные системы этих народов дополняли друг друга. Случаи подчинения кочевниками отдельных княжеств, созданных народами оседлой полосы, бывали возможны, но и тогда это почти неизменно было подчинение уже существовавших и созданных самими земледельцами политических организмов.

²³ Х а м е с — в этом названии отражен весьма распространенный на средневековом Ближнем и Среднем Востоке принцип раздела урожая. Считается, что для выращивания этого урожая нужны пять элементов: земля, вода, семена, тягло и труд. Первые четыре из них предоставляет землевладелец, издольщик вносит в дело «только»

свой труд и получает пятую долю (араб. *хумс*) выращенного, остальное же соответственно вкладу достается хозяину.

²⁴ Мы сохраняем здесь и далее терминологию автора, хотя в отечественной литературе для обозначения соответствующего подразделения племени обычно употреблялось понятие «колена».

²⁵ См.: *Pères H. Relations entre le Tafilalet et le Soudan...— In: Mélanges de géographie et d'orientalisme offerts à E.-E. Gautier. Tours, 1937.*

²⁶ В а н г а р а, также ванкара, уангарабе — этими названиями обозначались мандеязычные торговцы, а в расширительном смысле — жители золотоносного района Бамбук (см. прим. 7), состоявшие главным образом из мандеязычного народа малинке. Что касается «царского указа», то такового, по всей вероятности, никогда не существовало: действовала однажды сложившаяся традиция, сохранявшаяся в силе веками.

²⁷ Здесь имеется в виду нередкое для средневековой арабской литературы обозначение названием государства его столицы, в данном случае — «Мали». Обычно принято было считать, что столицей древнего Мали был не существующий ныне город Ниани на северо-востоке Гвинейской Республики (правда, в последние годы эта точка зрения подверглась довольно основательному сомнению).

²⁸ В принципе мусульманская правовая теория запрещала не то что продажу «на вывоз», но и самое обращение в рабство единоверца. Конечно, на практике дело обстояло немного иначе; но все же не вполне ясно, почему автор делает акцент именно на конфессиональной принадлежности этих продававшихся в Генуе рабов.

²⁹ Речь, естественно, идет о том времени, когда Гауди находился в этих местах, т. е. о первой половине 60-х годов.

³⁰ В этот праздник, приходящийся на 12-й день сафара — второго месяца мусульманского лунного календаря, — отмечается день рождения основателя ислама пророка Мухаммеда.

³¹ М е л л а — обозначение еврейского квартала (гетто) в мусульманских городах Северной Африки.

³² После прекращения испанского колониального владычества в 1975 г. территория Западной Сахары была поделена между Мавританией и Марокко. В 1979 г. мавританские войска были выведены из страны. Созданная в 1973 г. национально-освободительная организация фронт ПОЛИСАРИО провозгласила в 1976 г. создание Сахарской Арабской Демократической Республики. Однако Марокко и в настоящее время пытается вооруженной силой удержать территорию Западной Сахары под своим суверенитетом.

³³ См.: *Gaudio A. Epiques et douces Canaries. P., 1956.*

³⁴ Что касается сведений о статистических данных в отношении регейбат, то мы обязаны ими обследованию, проведенному в качестве эксперта Ж. Биссоном, которое было опубликовано в 1963 г. под названием «Кочевники и кочевой образ жизни» в изданном ЮНЕСКО сборнике «Исследования аридных зон». — *Прим. авт.*

³⁵ Численность населения Мавритании, по оценке 1980 г., составила 1,6 млн. человек.

³⁶ Х и м ь я р — южноарабское племя, связанное с Сабейским царством (рубеж II—I тыс. до н. э.— III в. н. э.), одним из крупнейших государств Ближнего Востока в древности. Химьяритская генеалогия берберов-лемтуна — не более чем легенда, призванная придать лемтуна в глазах соседей-мусульман большую «респектабельность». Такие поиски арабских предков были очень распространены среди кочевников Западной Африки.

³⁷ Сравнение рибата с монастырем, а марабутов с монахами весьма неточно (мусульманская традиция приписывает пророку Мухаммеду изречение: «Нет монашества в исламе!»). Рибат — это военный пост на границе зоны распространения ислама, а его обитатели — «борцы за веру», долг которых — дальнейшее распространение этой религии (в первую очередь — военными средствами). Поэтому рибаты оказывались, как правило, авангардом мусульманской экспансии.

³⁸ Диогу Гомиш — не столько историк, сколько военный и моряк, бывший комендантом одной из самых первых португальских факторий на побережье Гвинейского залива.

³⁹ Бубакр ибн Омар — речь, видимо, идет об Абу Бекре ал-Лемтуни, третьем алморавидском правителе (1056—1073).

⁴⁰ Ахмед Баба умер в 1627 г., и значительная часть его сочинений была написана уже в XVII в.

⁴¹ Утверждение об «университете» в средневековом Томбукту — дань европейской журналистской традиции, идущей от Ф. Дюбуа (1897). Даже в годы наивысшего расцвета в этом городе не было ничего сопоставимого с учебными заведениями Каира, Багдада или Феса (что, впрочем, достаточно ясно и из последующего текста).

⁴² В советской научной литературе мавры обозначаются как «арабы Западной Сахары». Отнесение их к исламизованным берберам есть неправомерное упрощение, хотя, конечно, нельзя отрицать наличие целых племен, берберских по происхождению, но считающих себя арабами. Характерно, однако, что относится это главным образом к марабутическим племенам и почти не затрагивает племена хасанов-воинов.

⁴³ Это утверждение не вполне справедливо: в 1960—1968 гг. мэр Томбукту был одновременно и председателем Национального собрания Мали, т. е. вторым лицом в государстве после президента.

⁴⁴ В 1976 г. в Томбукту насчитывалось 9 тыс. жителей. В связи с катастрофической засухой население города сократилось еще более и к началу 80-х годов не превышало, по некоторым данным, 6 тыс. человек.

⁴⁵ Работы по гидрологической разведке и бурению колодцев в пустыне, о которых говорит Гаудио, в 60-е годы выполнялись советскими и венгерскими специалистами.

Л. Е. Куббель

ГЛОССАРИИ

- А ду ль (*ар.*) — помощник кади, нотариус.
- А мин (*ар.*) — казначей, поручитель.
- А три ум (*лат.*) — центральная открытая часть римского дома, во круг которой располагались остальные помещения.
- А х е л ь (*ар.-берб.*) — семья, группа людей, община.
- Ба н ко — смесь камня и глины.
- Бу бу (*афр.*) — африканская свободная одежда, длинная рубаха.
- Га ра (*ар.*) — одиночный холм.
- Ге р ба (*ар.*) — нечто вроде бурдюка из козьей шкуры, целиком сня той с животного.
- Д же б ба да (*ар.*) — сельскохозяйственный рабочий.
- Д же б е л ь (*ар.*) — гора.
- Д же л ла ба (*ар.*) — арабская верхняя одежда с капюшоном.
- Д же ма а (*ар.*) — совет старейшин общины; община.
- Д у ар (*ар.*) — объединенная семейная группа; группа палаток или домов.
- И ма м (*ар.*) — религиозный глава мусульманской общины.
- Ка ди (*ар.*) — мусульманский судья.
- К е л ь (*берб.*) — «народ», входит в состав множества этнонимов.
- К с у р (*ар.*) — укрепленное селение.
- Ку б ба (*ар.*) — «купол»; так в Африке называют постройки, воз водимые над могилами марабутов.
- Ма ла фа — просторная верхняя одежда.
- Ма ра бут (*ар.*) — духовное лицо у мусульман, «святой».
- Ме ди на (*ар.*) — «город»; обычно так называют арабскую часть города в противоположность европейским кварталам.
- Ме др е с е (*ар.*) — религиозное мусульманское училище.
- Ме ха ри (*ар.*) — порода быстроходных верблюдов со светлой шерстью, происхождение которой связывают с аравийским го родом Махра; предназначаются для верховой езды.
- О п пи д ум (*лат.*) — укрепленный город, крепость.
- Ре г (*ар.*) — равнинное пространство в пустыне, покрытое гравием и песком; этим же словом называют окатанный обломочный ма териал, который здесь встречается.
- Са х е л ь (*ар.*) — «берег»; так называют полупустынный пояс, при легающий к Сахаре.
- Се б ха (*ар.*) — соленые озера, образующиеся в котловинах и вла ди нах. В сухое время года они пересыхают, превращаясь в со лончаки.
- Се ри р (*берб.*) — равнинное пространство в пустыне, покрытое щеб нем.
- У э д (*ар.*) — река, высохшее русло древних рек.
- Ф о г га ра (*ар.*) — ирригационное сооружение для подземного под вода воды из водоносного слоя.
- Ф у н д у к (*ар.*) — так назывались дома или поселения иностранных купцов в мусульманских странах.

Х а и к (*ар.*) — большой квадратный кусок ткани, служащий покрывалом.

Х а м а д а (*ар.*) — каменистая пустыня.

Х а м е с (*ар.*) — издольщик, получающий пятую часть урожая.

Ш е ш (*ар.*) — длинный кусок ткани, употребляемый для завязывания чалмы.

Ш о т т (*ар.*) — низина, дно которой покрыто слоем соли или коркой ила, после дождей становится мелким соленым озером. Шотты находятся ниже уровня моря.

БИБЛИОГРАФИЯ

Археология и история

- Balout L.* Préhistoire de l'Afrique du Nord. Paris, Arts et Métiers graphiques, 1955.
- Breuil H.* Les roches peintes du Tassili-n-Ajjer, d'après les relevés du colonel Brenans avec la collaboration d'H. Lhote. Paris, A. M. G., 1955.
- Briggs Gabot L.* The Stone Age Races of Northwest Africa. American School of Prehist. Peabody Museum, Harvard Univ. № 18, 1955.
- Caporiacco L. et Graziosi P.* Le pitture rupestri di Ain Doua. Florence, Centro di studi coloniali, 1934.
- Gautier E.-F.* Le Sahara. Paris, Payot, 1950.— Le passé de l'Afrique du Nord. Les siècles obscures. 3e éd. 1964.
- Graziosi P.* Preistoria del Fezzan: Fezzan e oasi di Ghat. 1937.— Arte rupestre del Sahara libico. Florence, 1962.
- Léon l'Africain.* Description de l'Afrique. Nouv. éd. trad. de l'italien par A. Epaulard, T. Monod, H. Lhote et R. Mauny. Paris, Maisonneuve, 1956, 2 vol.
- Leschi L.* Rome et les nomades du Sahara central. Alger, Travaux de l'I. R. S., t. 1, 1942.
- Lhote H.* Route antique du Sahara central, dans «Encyclopédie mensuelle d'Outre-mer», XI, 1951.— L'expédition de Cornelius Balbus au Sahara en 19 avant J.-C. Alger, «Revue Afr.», t. XCVIII, 1954.— Peintures préhistoriques du Sahara. Mission H. Lhote au Tassili. Paris, Mus. Arts Décor., 1958.
- Mauny R.* L'Afrique occidentale d'après les auteurs arabes anciens (666—977). «N. A.», № 40, oct. 1948.— A propos des monuments préislamiques sahariens. Alger, «B. L. S.», t. VII, № 26, juin 1957.
— Un itinéraire transsaharien du Moyen Age. Alger «B. L. S.», № 13, juin 1953.
- Meynier O.* Routes et transports transsahariens, dans «Encycl. mens. d'Outre-mer», vol. I, fasc. juin 1952.
- Mitwally M.* History of the Relations Between the Egyptian Oases of the Libyan Desert and the Nile Valley, dans «Bolletino dell'Istituto del deserto Fouad», Le Caire, t. II, № 1, janvier 1952.
- Monod T.* Contribution à l'étude du Sahara occidentale: gravures, peintures et inscriptions rupestres. Paris, 1938.
- Mori F.* Ricerche paleontologiche nel Fezzan, dans «Rivista di scienze preistoriche», t. XI, fasc. 1, 4, 1956.
- Perret R.* Recherches archéologiques et ethnographiques au Tassili des Ajjer, dans «Journal de la Société des Africanistes», t. VI, 1, 1936.
- Ruhlmann A.* Gravures rupestres de l'oued Dra, dans «Maroc saharien», publication du Service des Antiquités du Maroc, № 3, 1938.

- Terrasse H.* Notes sur les ruines de Sijlmassa. 2e Congrès de la Fédération des Sociétés savantes d'Afrique du Nord. «Rev. Afr.», t. II, № 368—369, 1938.
- Vaufrey R.* L'art rupestre nord-africain. Archives de l'Institut de paléontologie humaine, Mémoire № 20, 1939.

Этнография и социология

- Amilaht P.* Almoravides au Sahara, dans «Revue milit. de l'AOF», № 34, juillet 1937.
- Borrucand Lt.-Col.* Contribution à la connaissance des coutumes requibat. Dacar, «Notes africaines». № 61, 1964.
- Bousquet G.-H.* Les Berbères. Paris, 1956.
- Briggs C.-L.* L'anthropologie des Touareg du Sahara. Paris, «Bull. de la Soc. Anthropol.», t. VI, fasc. 1—3, 1955.— The living Races of the Sahara Desert. Cambridge, 1958.
- Eydoux H.-P.* L'homme et le Sahara. Paris, Gallimard.
- Isnard H.* Le Maghreb. 1966.
- Leroi-Gourhan A. et Poirier J.* Le Sahara, dans «Ethnologie de l'Union française», t. I, Afrique. Paris, PUF, 1953.
- Lhote H.* Les Touareg du Hoggar. Paris, Payot, 1955.
- Martin H.* L'Islam maure. «C.H.E.A.N.», № 163, 1937.— Les tribus nomades de l'Ouest et du Nord mauritanien, du Sahara espagnol et du Sud marocain. «C.H.E.A.M.», № 330—228, 1939.

География и экономика

- Buisson J.* Le Gourara. Etude de géographie humaine. Alger, Public. de l'IRS, Mémoire № 3, 1957.
- Capot-Rey R.* Le Sahara français. Paris, PUF, 1953.
- Cornet P.* Sahara, terre de demain. Nouv. éd. latines. 1957.
- Despois J. et Raynal R.* Géographie de l'Afrique du Nord-Ouest. Paris, Payot.
- Feuché A.* Le Sahara dans l'Algérie nouvelle, dans «Organisme saharien d'Alger». 8/63, № 1.
- Furon R.* Le Sahara. Paris, Payot, 1957.
- Galissot R.* L'économie de l'Afrique du Nord. 1961.
- Khene A.* Une route transsaharienne, dans «Organ. sahar. Alger», 8/64, № 10.
- Moisy M.* La politique routière saharienne, dans «Organ. sahar. Alger», 2/63, № 1.
- Miège E.* L'Agriculture au Sahara et ses possibilités. Rabat, «Bull. écon. et soc. du Maroc», 1958.
- Petrucc T.* Analyse de l'économie agricole au Sahara, dans «Organ sahar. Alger». 8/64, № 10.
- Vauchez J.-C.* Les ressources hydrauliques du Sahara algérien, dans «Organ. sahar. Alger», 12/64, № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д. А. Ольдерогге. Предисловие	3
Введение	7

Часть первая

ПО СЛЕДАМ КОЛЕСНИЦ ГАРАМАНТОВ (ТРИПОЛИ—НИГЕР)

Глава I. Археологические богатства Восточной Сахары	11
Глава II. Сахара вступает в историю	29
Глава III. Туареги Ахаггара	37
Глава IV. Туареги Тассилин-Адждера	59
Глава V. Туареги Нигерского Аира	79
Глава VI. Использование ресурсов Сахары	92

Часть вторая

ПО ДОРОГЕ ЗОЛОТА И СОЛИ (ТАФИЛАЛЕТ—ТОМБУКТУ)

Глава I. Археологические богатства Западной Сахары . .	114
Глава II. Тафилалет — место встречи караванов в Марокканской Сахаре	120
Глава III. Люди и города долины Дра	133
Глава IV. «Дальний Запад» Сахары	147
Глава V. Мавры Адрара	167
Глава VI. Томбукту — место встречи пироги и верблюда . .	191
Примечания	200
Глоссарий	204
Библиография	206

Аттилио Гаудио

ЦИВИЛИЗАЦИИ САХАРЫ

Десять тысячелетий истории, культуры и торговли

2-е издание

*Утверждено к печати Редакцией серии
«По следам исчезнувших культур Востока»*

Редактор Л. З. Шварц. Младший редактор Н. Н. Соколова. Художник В. В. Локшин. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор Г. А. Никитина. Корректор Л. И. Фарберова

ИБ № 15301

Сдано в набор 11.05.85. Подписано к печати 26.09.85. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,92+0,42 вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 11,66. Уч.-изд. л. 12,23. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5945. Зак. № 423. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 24